Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

КУРУШКИН

Сергей Васильевич

Ценностно-политический дискурс сетевых сообществ (на материалах Интернет-СМИ России)

Специальность10.01.10 – журналистика

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата политических наук

Научный руководитель –

доктор философских наук профессор

Сидоров Виктор Александрович

Санкт-Петербург

2017

Содержание

Введение 3

Глава I. Ценностно-политический дискурс в публичной сфере 12

1.1. Макроуровень функционирования дискурсов: постструктуралистский подход к определению ценностно-политического дискурса 12

1.2. Мезо- и микроуровни функционирования дискурсов: критический дискурс-анализ (КДА), дискурсивная психология и их интерпретация с позиций функционирования политических ценностей 21

1.3. Теория политического медиапрайминга и концепция ценностно-политических триггеров как способ описания когнитивных структур индивида 33

Глава II. Сетевые сообщества как неклассические социальные общности 54

2.1. Сетевые сообщества как множества 55

2.2. Преодоление множественности за счет со-вместной ценностной интерпретации триггеров 70

2.3. Сакральный и профанный дискурсы в сетевых сообществах 81

Глава III. Ценностно-политические триггеры в современной российской медиасфере: внедрение, становление и развитие 97

3.1. Ценностный триггер «CharlieHebdo»: установка и политизация в российской медиасфере 101

3.2. Становление ценностного триггера в российской медиасфере (на примере лексем «санкции» и «антисанкции») 114

3.3. Априори конфликтный «Крым»: повторная актуализация ценностно-политического триггера в медиасфере 132

Заключение 143

Список литературы 150

Введение

Одним из эффектов развития сетевых технологий стало появление сообществ принципиально нового типа.

Сетевые сообщества (под которыми мы подразумеваем совокупность индивидов, реализующих со-интерпретационную деятельность с помощью сетевых технологий и в рамках обозначенного дискурса) как неклассические социальные общности реализуют особые, пока еще мало осмысленные, социальные практики. Зачастую сугубо коммуникативная сущность сетевых сообществ побуждает исследователей «выводить» смысл этих сообществ из особенностей Интернета. Такой подход, безусловно, имеет право на существование, но нам представляется не менее важным изучение сетевых сообществ как собственно сетевых образований, в которых происходит интерпретация политической жизни общества в соответствии с присущими конкретным сетевым образованиям ценностями.

Сетевые сообщества реализуются в рамках ценностно-политического дискурса и являются примером «множества» – коммуникативной общности, реализующей специфический вид деятельности, которую Паоло Вирно назвал «виртуозной»: она нематериально ориентирована и представляет собой совместную интерпретацию медиафактов пользователями. Все это тем заметнее, чем больше людей получают доступ к публичным высказываниям. Ряд исследователей (например, Т. Ван Дейк) доказал, что эта публичность во многом иллюзорна, а доступ к по-настоящему значимым социальным дискурсам контролируется не сетевыми сообществами, а другими элитами[1]. Однако сетевое сообщество способно создавать в политическом поле коммуникативные взрывы или «шумиху» – массовое обсуждение, носящее признаки стихийного, выходящее за пределы сетевого пространства и стимулирующее к действиям за пределами сети.

Актуальность нашей работы, таким образом, заключается, прежде

[1] Дейк Т. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М., 2013. С. 90.

всего, в необходимости выделить и описать ценностно-политический дискурс сетевых сообществ как неклассических социальных общностей, функционирующих в специфическом сетевом пространстве, но способных выходить за его пределы. Мы полагаем, что в условиях социокультурного раскола, усилившейся конфронтации России с другими странами, ценностных конфликтов этнокультурного характера назрела необходимость всестороннего рассмотрения ценностно-политического дискурса сетевых сообществ в медиасфере. Ценностная интерпретация политических событий сетевыми сообществами может приводить к выводу сообществ за пределы сетевого пространства и радикальному вмешательству в политическую жизнь общества – вплоть до участия в смене власти.

Сетевое сообщество приступает к внесетевым актам в тот момент, когда со-интерпретация в нем характеризуется высокой степенью единства. Процесс со-интерпретации происходит, как отмечали Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, путем означивания элементов – знаков, которым еще не придано значение. Элементы существуют в зоне дискурсивности, откуда сообщество их выбирает и означивает, тем самым реализуя процесс совместной интерпретации. Лакло и Муфф утверждали также, что дискурсы подвижны (изменяемы) и постоянно борются друг с другом за установление «своего» значения. Если говорить о политических процессах, то сообщества выводят их в публичную сферу, используя для этого дискурс в качестве инструмента артикуляции – «политической публичности как связующего звена»[2]. Таким образом, политическая борьба дискурсов постоянна и для российской медиасферы. В этой медиасфере разнообразные дискурсы, в конечном счете, группируются вокруг двух основных: один из них тяготеет к сакральной политической интерпретации фактов, событий, явлений (подразумевающей наличие высших исключительностей, не допускающей полемики, делящей дискурсы по принципу «свой-чужой»), а другой – к профанной политической интерпретации медиафактов (подразумевающей

[2] Хабермас Юрген. Ах, Европа : Небольшие политические сочинения, XI / пер. с нем. М., 2012. С. 109.

ограничения в виде закона, не допускающей высших исключительностей, тяготеющей к полемике).

В целях изучения сетевых сообществ, определения их политической значимости для медиасферы необходимо выявить и описать возникающий в них политический дискурс как ценностно нагруженную совокупность артикуляционных практик, реализуемых коллективными субъектами. Это, в свою очередь, позволит понять, как именно происходит процесс означивания элементов в сетевых сообществах от момента существования его в области дискурсивности и заканчивая внедрением в соответствующий ему дискурс.

Изучение политического дискурса – тематики и дискурсивных практик – относится к наиболее актуальным задачам политологи. Требуется разработать современные и доработать старые методы анализа политического дискурса, что позволит решить основную, как считают исследователи, проблему – получения «адекватных данных о состоянии общественного сознания, о доминирующих политических установках относительно актуальных общественно-политических проблем»[3]. Будучи ценностно и идеологически нагруженной, политика как деятельность по управлению пронизывает все сферы общественной жизни и находит отображение в специфических речевых практиках, погруженных в социально-политический контекст. В подобных условиях необходимо смещение смысловых акцентов с того, что С. Н. Плотникова назвала дискурсом политиков (реализуется в политических дебатах, документах, речах и т. д.), на дискурс реагирования, который будет производиться в качестве ответа на дискурс политика[4]. Кроме того, представляется важным изучение пограничных состояний политического дискурса, взаимодействие и

[3] Баранов А. Н., Михайлова О. В., Сатаров Г. А., Шипова Е. А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. М., 2004. С. 4.

[4] Плотникова С. Н. Политик как конструктор дискурса реагирования // Политический дискурс в России: материалы постоянно действующего семинара / Под ред. В. Н. Базылева, В. Г. Красильниковой. Вып. 8. М., 2005. С. 27.

взаимодополнение его институциональной и неинституциональной частей[5].

Теоретическая разработанность темы. Среди работ, посвященных политическому дискурсу, заметен крен в сторону изучения его структуры и описания наиболее общих черт. Это работы В. Н. Базылева, Д. Р. Акоповой, Т. И. Красновой, А. Н. Баранова, Н. М. Перельгут, Е. Б. Сухоцкой[6]. В то же время, ряд российских исследователей обращается к изучению политического дискурса в рамках политологической филологии. Здесь стоит отметить работы В. З. Демьянкова, а также исследования метафорической составляющей политического языка и ее влияния на аудиторию[7]. В рамках общей теории дискурса можно выделить три уже упомянутых нами подхода, рассматривающих дискурс на макро-, мезо- и микроуровнях. На макроуровне дискурс рассматривает постструктуралистская теория. Работой, в которой раскрываются основные положения данной теории, считается «Гегемония и социалистическая стратегия» Э. Лакло и Ш. Муфф[8], которые, в свою очередь, многое почерпнули из трудов А. Грамши[9]. В рамках данной теории также представляют интерес работы Э. Лакло[10]. На мезоуровне дискурс рассматривается через призму критического дискурс-анализа, основными

[5] Перельгут Н. М., Сухоцкая Е. Б. О структуре понятия «политический дискурс» // Вестник Нижневартовского государственного университета. № 2, 2013. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-ponyatiya-politicheskiy-diskurs

[6] Базылев В. Н. Политический дискурс в России // Политическая лингвистика. №15, 2005. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-diskurs-v-rossii; Акопова Д. Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 6-1, 2013. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/strategii-i-taktiki-politicheskogo-diskursa; Краснова Т. И. Анализ политического дискурса: подходы и категории // Политическая лингвистика. №2, 2013. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-politicheskogo-diskursa-podhody-i-kategorii; Баранов А. Н., Михайлова О. В., Сатаров Г. А., Шипова Е. А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. М., 2004; Перельгут Н. М., Сухоцкая Е. Б. О структуре понятия «политический дискурс» // Вестник Нижневартовского государственного университета. №2, 2013. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-ponyatiya-politicheskiy-diskurs

[7] Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии. Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. №3, 2002. С. 32-43; Безценная Ж. П. Роль метафоры в политическом дискурсе // Вестник Харьковского национально-дорожного университета. № 36, 2007. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/rol-metafory-v-politicheskom-diskurse; Тибинько Н. Д. Манипуляция в политическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. № 3, 2011. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-v-politicheskom-diskurse-1; Мищук О. Н. Речевое воздействие в политическом дискурсе. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. № 1, 2013. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/rechevoe-vozdeystvie-v-politicheskom-diskurse

[8] Laclau E., Mouffe C. Hegemony and the Socialist Strategy. New York, 1985.

[9] Грамши А. Избранные произведения в трех томах. Том третий. М., 1959.

[10] Laclau E. New Reflections on the Revolution of our Time. New York, 1990.

идеологами которого являются Т. ван Дейк[11] и Н. Фэркло[12]. Наконец, на микроуровне дискурс рассматривает дискурсивная психология в рамках социально-когнитивной теории. Самыми значимыми работами в рамках данной теории являются труды Д. Поттера[13] и М. Биллинга[14]. Отметим также аксиологические работы, помогающие уточнить понятие ценности[15] и раскрывающие методологию ценностного анализа[16]. При описании сетевых сообществ как неклассических социальных множеств мы ориентировались, в первую очередь, на работы французских социологов и их последователей[17], а также на работу П. Вирно «Грамматика множества»[18]. Выделим также работы, посвященные интерпретации понятий сакрального и профанного[19].

Основная **проблема исследования** строится вокруг следующих вопросов: Как изменяется политический дискурс под влиянием динамики сетевых сообществ? Какие черты присущи ценностно-политическому дискурсу сетевых сообществ? В какой мере является он единым, или состоит из других дискурсов? При каких обстоятельствах сетевые сообщества обращаются к ценностно-политическому дискурсу? Какова роль ценностно-политического дискурса в интерпретации сетевыми сообществами значимых общественно-политических событий?

Целью нашего исследования, таким образом, является создание модели отраженного в медиасфере ценностно-политического дискурса сетевых сообществ, построенной на синтезе политологических и лингвистических теорий, раскрывающих дискурс как на макро-, так и на мезо- и микроуровне. Такая модель будет раскрывать дискурс как, во-первых, определяющий

---

[11] Дейк Т. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.
[12] Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysisfor Social Research. London, 2003; Fairclough N. Language and Power (second edition). London, 2013.
[13] Поттер Д. Дискурсивная психология. М., 2004. С. 82.
[14] Billing M. Arguing and Thinking: a rhetorical approach to social psychology, revised edition. Cambridge, 1996.
[15] Докучаев И. И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб., 2009; Ильин В. В. Аксиология. М., 2005.
[16] Медиа накануне постсекулярного мира : кол. монография / под ред. В. А. Сидорова. СПб., 2014.
[17] Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество. М., 2011; Петровская Е. Безымянные сообщества. М., 2012.
[18] Вирно П. Грамматика множества. М., 2011.
[19] Мосс М. Социальные функции священного. URL: http://www.fedy-diary.ru/html/112010/07112010-09a.html, Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Под ред. А. Н. Красникова. М., 1998.

природу сетевых сообществ, а во-вторых, как определяемый ими в процессе коммуникации. Создание модели ценностно-политического дискурса сетевых сообществ поможет понять, какие явления и сопутствующие им процессы соответствуют политической дифференциации или, напротив, политической аккумуляции в пределах сетевых сообществ, какие смыслы редуцируются в результате ценностно-нагруженных артикуляционных практик.

Для достижения заявленной цели определены следующие **задачи:**

– проанализировать теории, рассматривающие политический дискурс на макро-, мезо- и микроуровнях, выявить их общие позиции;

– описать сетевые сообщества как неклассические социальные общности;

– выявить ценностно-политический дискурс, формируемый сетевыми сообществами, проанализировать его природу;

– раскрыть методологию ценностного анализа, на основе которого представить природу противоборствующих дискурсов в политическом поле современного российского общества;

– вывести новые переменные, необходимые для построения целостной модели ценностно-политического дискурса сетевых сообществ;

– проанализировать, каким образом сетевые сообщества СМИ участвуют в формировании и поддержке политических дискурсов.

Объектом исследования являются сетевые сообщества Интернет-СМИ России.

Предмет изучения – механизм функционирования ценностно-политических дискурсов в современной российской медиасреде: начиная от процесса означивания элемента из зоны дискурсивности и заканчивая его встраиванием в существующий дискурс (превращением в знак) и установкой связей с другими знаками.

Теоретической базой диссертационного исследования явились работы по теории политического дискурса (А. Н. Баранов, В. З. Демьянков, П. Б. Паршин, А. В. Дука), а также по общей теории дискурса (Э. Лакло и

Ш. Муфф, Т. ван Дейк, Н. Фэркло, Д. Поттер), работы по аксиологии, политической аксиологии и аксиологии журналистики (И. И. Докучаев, В. В. Ильин, В. А. Сидоров), исследования, в которых раскрываются понятия сакрального и профанного (М. Элиаде, М. Мосс, Э. Дюркгейм), а также работы, посвященные изучению неклассических социальных общностей (Г. Малецке) и сообществ как разновидности неклассических социальных общностей (Е. Петровская, П. Вирно, Ж.-Л. Нанси).

Эмпирическая база исследования включает в себя интерпретируемые в сетевых сообществах, включая журналистов и аудиторию СМИ, кейсы медийных фактов общественно-политических резонансных событий, которые в исследовании получили условное наименование: 1) «Крым» (политический процесс по воссоединению Крыма с Россией), 2) «Санкции/антисанкции» (политическое противостояние России и Запада в связи с фактами вхождения Крыма в состав Российской Федерации и гражданской войной на Украине), 3) «Шарли Эбдо» (теракт в редакции парижского сатирического журнала). Хронологические рамки анализа – с 28 февраля 2014 г. по 1 сентября 2015 г. – определены, с одной стороны, очень значимой для исследования датой – появление в Крыму отрядов самообороны, более известных как «вежливые люди», с другой – определенным снижением активности в изучаемых политических дискурсах.

Основными **гипотезами** работы являются следующие утверждения:

– в политическом сегменте современной российской медиасферы наблюдается столкновение двух принципиально оппозиционных по отношению друг к другу дискурсов, в одном из которых социальная жизнь переосмысляется с помощью сакральных категорий, в другом – с помощью профанных, что и приводит к их конфликту;

– структура ценностно-политического дискурса сетевых сообществ схожа со структурой ментальной модели индивида и ментальной модели сетевого сообщества как коллективного субъекта.

В работе использовались следующие **методы**:

– триггер-анализ как специфическая форма контент-анализа, заключающаяся в выявлении ценностных триггеров в текстах СМИ и анализе их на уровне сверхфразовых множеств. Данный метод используется для изучения процесса разворачивания цепочки ценностных ассоциаций в сетевых сообществах при столкновении с ценностным триггером;

– метод ценностного анализа. Данный метод применяется для сопоставления и анализа ценностей, к которым обращаются сетевые сообщества при разворачивании цепочки ценностных ассоциаций;

– метод научного моделирования. Используется для построения модели дискурса;

– дискурс-анализ (в частности, КДА – критический дискурс-анализ). Этот метод используется для выявления границ норм и отклонений в описанных нами выше дискурсах, а также для описания проблем доступа к дискурсу.

Научная новизна работы заключается в следующем:

– в работе раскрыто взаимодействие функционирующих сетевых сообществ и медийного политического дискурса;

– разработано представление о ценностно-политическом дискурсе в медийной среде;

– ценностно-политический дискурс в работе рассматривается на трех уровнях: макроуровне (собственно дискурсивном), мезоуровне (уровне сетевых сообществ как коллективных субъектов) и микроуровне (уровне конкретного индивида, реализующего языковые практики в рамках дискурса);

– в диссертации выводится понятие ценностного триггера, которое помогает, с одной стороны, связать ценностную систему сообщества с его ментальной моделью, а с другой, дополнить метод ценностного анализа;

– сетевые сообщества проанализированы как неклассические социальные общности в противовес многочисленным попыткам вывести сетевые сообщества за предел сетей и тем самым лишить их уникальности;

– на основании известных теорий и авторских дополнений к ним построена модель ценностно-политического дискурса сетевых сообществ, аккумулирующая в себе все уровни рассмотрения дискурса.

Научно-практическая значимость работы заключается в дальнейшей разработке методологии ценностного анализа. Основные положения и выводы, сделанные в работе, могут использоваться широким кругом специалистов – практикующими журналистами, специалистами в области маркетинга социальных медиа, политтехнологами, специалистами в области агитации и пропаганды.

Результаты работы апробированы на международной конференции «Медиа в современном мире. Молодые исследователи» (2013-2014 гг.), форуме «Медиа в современном мире. Петербургские чтения» (2014 г.), международной конференции«Culture and Russian society» (21-23 October 2015, University of Helsinki, Finland) и международной конференции «Европа XXI века» (2-3 февраля 2017, Университет им. Адама Мицкевича в Познани, Польша).

Структура работы. Работа состоит из трех глав, введения, заключения и списка использованной литературы.

Глава I. Ценностно-политический дискурс в публичной сфере

1.1. Макроуровень функционирования дискурсов: постструктуралистский подход к определению ценностно-политического дискурса

За время своего существования в научной среде термин «дискурс» и связанные с ним явления стали предметом многочисленных интерпретаций. В свою очередь, на основе этих интерпретаций появлялись различные подходы к определению дискурса, его структуры, роли и особенностей функционирования различных дискурсов. Такие подходы часто несовместимы друг с другом, поскольку в них рассматриваются прямо противоположные точки зрения на одно и то же явление. Это, безусловно, приводит к затруднениям при попытке вывести единое определение дискурса и приводит к существованию множества определений данного термина, ни одно из которых нельзя признать единственно верным.

В целом, можно отметить две тенденции, наблюдаемые в дискурс-исследованиях. В первой авторы пытаются дать определение дискурсу и развивать свои идеи в рамках, заданных выведенной коннотацией. Таков, например, М. Фуко, который в своих работах, выдает, по сути, цепочку определений дискурса, которые вытекают одно из другого[20]. Таковы некоторые постструктуралисты – попытки описать дискурс через емкую коннотацию предпринимал Эрнесто Лакло[21]. Наконец, свое определение дискурсу часто дают исследователи, которые пытаются систематизировать многообразие подходов к определению термина – примером тому могут служить М. В. Йоргенсен и Л. Филлипс, в чьей книге «Дискурс-анализ. Теория и метод» рассматриваются различные точки зрения на дискурс и возникающие на их основе теории и концепции[22].

Другой подход можно встретить в работах исследователей,

[20] Foucalt M. Fearlessspeech. LosAngeles, 2001.
[21] Laclau E. New Reflections on the Revolution of our Time. New York, 1990.
[22] Йоргенсен М. В., Филипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. Харьков, 2008.

занимающихся критическим дискурс-анализом. Он состоит в том, что термин «дискурс» не определяется исследователем напрямую. Вместо этого активно используется иллюстративный материал, выраженный как в виде схематичных моделей, на которых показываются место дискурса в структуре когнитивных характеристик человека и многочисленные эмпирические примеры. Схемы можно встретить, к примеру, в работах Нормана Фэркло[23], а описательные коннотации, основанные на примерах из повседневной жизни, – в трудах Тёна ван Дейка[24]. Также склонны избегать емкой коннотации дискурса представители дискурсивной психологии, что обуславливается связью их исследований не с абстрактной, а с повседневной – можно сказать, бытовой – реальностью[25]. Допустимо выявить некоторую закономерность: чем больше та или иная теория или концепция склонна к абстрагированию от окружающей действительности, чем больше она «теоретизированна», тем ярче в ней проявляется склонность к стремлению вывести емкое определение дискурса. Выражает эту тенденцию рисунок (схема 1), на котором стрелка показывает уровень сужения абстракций – от наиболее широкого к наиболее узкому.

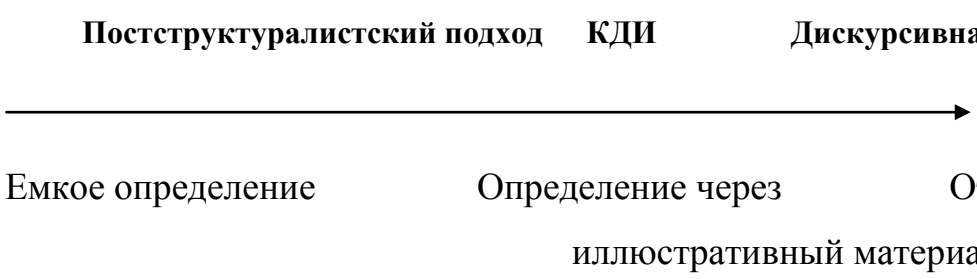

Рис. 1. Взаимосвязь уровня абстракций и наличия коннотаций дискурса в разных подходах

Не считаем нужным приводить в нашей работе подробное определение дискурса, иллюстрировать его с помощью схем либо представлять в виде моделей. Думается, наиболее верным для нашего исследования подходом к определению термина будет часто используемый в энциклопедических или

[23] Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London, 2003.
[24] Ван Дейк Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М., 2013.
[25] Поттер Д. Дискурсивная психология[пер. с англ.]. М., 2004.

словарных статьях, касающихся термина, которому невозможно дать одно определение. Мы говорим о выделении характерных черт дискурса, которые будут использоваться в нашем исследовании, и склонны интерпретировать дискурс через описание его характерных признаков, причем признаки могут выявляться разными подходами. Главным критерием для нас остается их непротиворечивость – то есть, один признак не должен автоматически исключать другой. Те характеристики, которые не нужны в данной работе, проигнорируем.

Чтобы глубже понять природу дискурса, стоит обратиться к истории термина. Понятие дискурса возникло как своеобразная реакция на лингвистические подходы, в рамках которых речь воспринималась в отрыве от говорящего или воспринимающего ее индивида. Логично, что рано или поздно лингвистика должна была прийти к пониманию речи как субъектно-ориентированного или, расширяя данную характеристику, субъектно-детерминированного феномена: речь и язык стали восприниматься как феномены, крепко связанные с субъектом, более того – порождаемые субъектом и для субъекта. Иными словами, «язык есть семиотическая система, основные референционные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим индивидом»[26]. Мы бы дополнили это определение Э. Бенвениста: «…с говорящим и воспринимающим индивидом». Бенвенист назвал это свойство «человек в языке»[27]. Такое понимание языка и речи восходит к Г. Гийому, который утверждал, что «язык не имеет иной объективности, кроме той, которая устанавливается в самых глубинах субъективного»[28].

Таким образом, мы выявили первую характеристику дискурса – он связан с языком и речью конкретных индивидов на более глубоких, нежели структурно-функциональный, уровнях. Дискурс – это, своего рода,

[26] Бенвенист Э. Общая лингвистика / пер. с фр. М., 1974. С. 13.
[27] Там же. С. 14.
[28] Цит. по: Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований // Philology.ru. URL: http://www.philology.ru/linguistics1/stepanov-74.htm

«семантика культуры»[29], находящая свое отображение в речи и определенным образом структурирующая ее. Останавливаться на вопросах, связанных исключительно с вопросами влияния дискурса на языковую практику, означало бы существенно ограничить себя в вопросе понимания данного термина (что, впрочем, не умаляет необходимости и важности исследований, использующих упомянутый подход). История интерпретаций дискурса говорит о том, что восприятие этого термина исключительно через речь было бы сугубо узким и повело бы нас в сторону от темы работы. Мы не можем описать дискурс через определение «речь + еще что-либо», поскольку дискурс не тождественен речи. Разумеется, мы не можем описать дискурс и через определение «речь как что-либо», поскольку это также сведет его к речи, рассматриваемой под определенным углом.

Скорее, дискурс можно рассматривать как особую характеристику речи, через которую выражаются ментальности, политические идеологии и т. д.[30]. Дискурс, конечно, организует и структурирует речь определенным образом, однако не является речью; его стоит рассматривать, в первую очередь, через связи с социальными (в нашем случае – с политическими) практиками. Мы не можем говорить, что речь социальна без дискурса – именно дискурс делает ее социальным феноменом. Здесь имеет смысл еще раз обратиться к названию главы из книги Э. Бенвениста и констатировать: дискурс – это человек в языке.

Когда исследователи добрались до описания дискурса в социологических терминах, начался раскол, проявившийся в появлении различных подходов к определению термина. М. Йоргенсен и Л. Филлипс выделяют три больших подхода, с помощью которых можно рассматривать дискурс[31], и у нас нет оснований подвергать их типологию критике. Эти подходы уже встречались в нашей работе, но имеет смысл повторить их:

[29] Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах // Thesis. Вып. 3. М., 1993. С. 196.
[30] Йоргенсен М. В., Филипс Л. Указ. соч. С. 17.
[31] См.: Там же. С. 57.

постструктуралистская теория дискурса Лакло и Муфф, критический дискурс-анализ и дискурсивная психология. При этом мы рассмотрим каждый подход, выделим в нем и возьмем из него то, что целесообразно нам для более полного понимания ценностно-политического дискурса в рамках теории журналистики.

Первый подход иллюстрируется теорией Эрнесто Лакло и Шантань Муфф, которые объединили в своей работе структуралистскую и марксистскую теории. В работе Йоргенсен и Филлипс анализ теории дискурса Лакло и Муфф идет первым, что можно объяснить самым широким уровнем абстракций, затрагиваемых в данном подходе. Так, Лакло и Муфф детально не анализируют эмпирический материал, ограничиваясь лишь теоретическими изысканиями. В их теории дискурс структурирован, состоит из знаков, каждый из которых зафиксирован во времени в качестве момента. Фиксация производится за счет установки значений конкретного знака по отношению к другим знакам путем исключения иных значений. В таком понимании дискурс предстает ограничителем возможностей для интерпретации и дальнейшей установки связей. Все, что выходит за пределы значения знака, установленного в данном дискурсе, относится к области дискурсивности. Так, в политическом сегменте медиадискурса трактовка термина «свобода» будет различной в либеральном и консервативном дискурсах, так как каждый из них построен по принципу единства значения. Либеральное понимания концепта свободы будет связано с другими знаками либерального дискурса, то же самое можно сказать и про консервативную трактовку. Отличия особенно ярко всплывают в медиадискурсах – по сути, сегодняшнее деление политической журналистики на либеральное и консервативные направления являет собой результат борьбы дискурсов, выражаемый в медиасфере. Оба дискурса расположены в области дискурсивности по отношению друг к другу и конфликтуют между собой.

Различия между либеральным и консервативным медиадискурсами современной России корректно объясняется с помощью теории Лакло и

Муфф. Дело в том, что большинство медиадискурсов имеет дело со знаками, смысл которых четко не зафиксирован. Полисемичные знаки являются элементами[32], чье значение каждый дискурс редуцирует до тех пор, пока оно не станет единственным. Причем редукция происходит по отношению к тем элементам, которые формально не входят в дискурс, являясь только знаком в области дискурсивности: элемент входит в дискурс, приобретая одно значение в результате редукции иных значений. Происходит, по словам М. Л. Макарова, «преобразование незнакомого абстрактного знания в знакомое и конкретное»[33].

В либеральном дискурсе, к примеру, по-своему трактуются даже те знаки, которые лежат в несвязанной с политикой области дискурсивности. Олег Кашин вводит в свой текст элемент «группа Любэ», отсекая от него значения, собственно, музыкальной группы, и придавая ей значение культурного феномена, характерного для определенной категории людей – проголосовавших за присоединение Крыма к России: «Проголосовавшие в Крыму за присоединение к России люди, которые, размахивая российскими флагами, празднуют итоги референдума под песни группы “Любэ”. Ты против Путина – значит, ты против этих людей, ты им сам в лицо говоришь: эй, вы, я не хочу видеть вас в России, вы мне не нужны, оставайтесь в составе Украины, за нашу и вашу свободу»[34]. Элемент стал знаком: лишние значения отсечены, установлена связь с другими знаками путем значений. Занятно, что и в консервативном дискурсе также встречается группа «Любэ», но значение ее установлено через связь с президентом В. В. Путиным[35]. Пользуясь идеями Лакло и Муфф, значение артикулируется[36].

Дискурс по Лакло и Муфф характеризуется закрытостью[37]. Мы, в свою

[32] Laclau E., Mouffe C. Hegemony and the Socialist Strategy. New York, 1985. P. 82.
[33] Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003. С. 48.
[34] 2011-2014: большой путинский тест // Слон. URL: http://slon.ru/russia/2011_2014_bolshoy_putinskiy_test-1071447.xhtml
[35] Медведев и Путин рассказали о любимой музыке // Единая Россия. Официальныйсайтпартии. URL: http://er.ru/news/67320/
[36] Laclau E., Mouffe C. Hegemony and the Socialist Strategy. New York, 1985. P. 87.
[37] Ibid. P. 94.

очередь, добавим, что «закрытость» в данном случае – не самый подходящий термин, тем более, что сами Лакло и Муфф признают: дискурс никогда не бывает полностью закрытым, он испытывает постоянное влияние со стороны области дискурсивности[38]. Скорее, речь идет об ограниченности дискурса, выражаемой в установке определенных границ того или иного дискурса по отношению к области дискурсивности (границы эти, впрочем, легко нарушаемы, как показывает пример с группой «Любэ») и по отношению к значению того или иного знака и связи его с другими знаками в дискурсе.

Еще одно важно замечание, касающееся теории Лакло и Муфф: дискурсы в ней находятся в состоянии перманентной борьбы. Особенно это касается тех дискурсов, которые расположены на границе области дискурсивности. Один дискурс забирает знаки другого и редуцирует их значение, причем редукция производится в границах нового дискурса, и потому значение будет отличаться от того, которое формируется в старом дискурсе – ведь знаки, с которыми будут устанавливаться связи, будут совершенно иными. Здесь снова сделаем отступление в область политологии: любой идеологический конфликт будет иметь под собой основу, показанную Лакло и Муфф. По сути, политические идеологии представляют собой совокупности жестко означенных знаков и связей между ними. Скажем, понятие свободы по-разному трактуется в консервативном, либеральном и коммунистическом дискурсах, поскольку, во-первых, иначе означено, а во-вторых, имеет разные установленные связи с другими знаками.

Помимо структурной теория дискурса Лакло и Муфф имеет и другую сторону, которая заключается в применении борьбы дискурсов к марксистской теории. Впрочем, есть смысл говорить не столько о марксисткой теории самой по себе, сколько о ее последующих трактовках. Так, очевидна связь между теорией Лакло и Муфф и теорией гегемонии А. Грамши.

Грамши воспринимает гегемонию как организацию согласия в ущерб

[38] Ibid. P. 102.

реальным интересам людей[39]. Согласие организуется со стороны правящих классов, использующих не только и не столько принуждение и силу, сколько производство значения – связей между знаками, – которое способствует формированию смысловой легитимности существующего положения дел. Основные процессы происходят в надстройке, являясь частью политики, их результат и природа не детерминируются экономической сферой жизни общества.

Лакло и Муфф, по-своему развивая теорию Грамши, отказываются от определения социальных классов как чего-то объективного, обусловленного историческими процессами. Социальные группы у Лакло и Муфф организуются под действием дискурсов и потому сохраняют определенную долю ситуативности. С этим трудно не согласиться, если рассматривать, скажем, современную российскую оппозицию в качестве результата вполне определенных политических процессов: будь политика другой, оппозиция была бы другой. Впрочем, можно с высокой долей вероятности утверждать, что будь политика правящей группы другой, оппозиция все равно бы существовала – просто ее идеологические характеристики отличались бы от нынешних.

Теория дискурса Лакло и Муфф важна для нас тем, что в ее терминах можно представить ценностно-политический дискурс. Достаточно пояснить, что ценности пронизывают дискурс наравне со значениями. Более того, ценности способствуют установке значений, характерных для определенного дискурса, и в равной мере влияют на отбор элементов. Имеет смысл заявить, что любой дискурс будет иметь ценностную природу, определяющую его структурные характеристики, способы взаимодействия акторов в нем и т. д. В то время как политический дискурс даже невозможно представить без идеологий, формируемых на основе ценностных систем; без акторов, являющихся носителями ценностных систем; без элементов, которые трактуются идеологически, – то есть, в широком понимании с ценностной

[39] Грамши А. Избр. произв. в 3-х тт. Том третий / пер. с ит. М., 1959. С. 64.

стороны. Если рассматривать ценностно-политический дискурс с позиции Лакло и Муфф, то он предстанет в виде ограниченной и ограничивающей системы знаков, имеющих одно верное политическое значение, основанное на соотнесении ее с ценностными системами индивидов. Так что ценностно-политический дискурс не просто определяется ценностями, а функционирует благодаря им.

Отметим также важное качество – ситуативность дискурса, в том числе и ценностно-политического. Несмотря на то, что политические ценности ряд исследователей определяет как некие константы, которые уже сформированы[40], стоит возразить: даже если принять эту точку зрения, то набор этих констант, их взаимосвязь и актуальность будут определяться конкретным временн***ы***м отрезком – невеликим на фоне истории.

Можно использовать и то, что в теории Лакло и Муфф базис и надстройка сливаются, одно перестает определять другое. Экономика уже не так важна, важнее другое – непрекращающееся производство *легитимности*. Причем политика здесь выступает не в своем правовом аспекте, а как самое широкое средство управления или даже набор средств управления. Легитимность рассматривается не как легальность, но как *ощущение справедливости своего подчинения* со стороны неправящих классов. Сами классы, как уже говорилось выше, определяются дискурсом и тоже ситуативны по своей природе.

Наконец, выделим общие черты ценностно-политического дискурса при рассмотрении его сквозь призму постструктуралистской теории Лакло и Муфф:

– ценностно-политический дискурс являет собой структуру определенного рода, в которой расположены оцениваемые знаки, связанные между собой в сеть;

– значение каждого знака устанавливается путем связи его с другими знаками через редукцию присущих ему определений;

[40] Ильин В. В. Аксиология. М., 2005. С. 49-52.

– определение, в свою очередь, зависит от ценностной системы, лежащей в основе дискурса;

– политическая часть дискурса характеризуется слиянием базиса и надстройки, ослаблением экономической составляющей при усилении надстройки;

– уравновешивание дискурса достигается путем гегемонии – установления согласия между представителями неправящего класса, выражающегося в непрерывном производстве значений, связанных с легитимностью;

– ценностно-политический дискурс, как и любой другой дискурс, ограничивает и ограничивается. Он ограничен собственными ценностями и областью дискурсивности, а ограничивает значения, приобретаемые элементами при попадании в тот или иной дискурс;

– ценностно-политический медиадискурс в большой степени испытывает влияние других дискурсов, поскольку сам по себе медиадискурс, как справедливо заметил В. А. Сидоров, расположен на пересечении социально-значимых дискурсов[41];

– ценностно-политическому дискурсу присуща полисемичность, которая «сказывается на выборе слов» и представляет собой «сублимацию агрессивности»[42]

1.2. Мезо- и микроуровни функционирования дискурсов: критический дискурс-анализ (КДА), дискурсивная психология и их интерпретация с позиций функционирования политических ценностей

Основатель КДА Норман Фэркло рассматривал его с двух сторон: и как разработанный им самим подход, и как совокупность подходов, включающую в себя его подход[43]. Такое понимание, безусловно, приводит к

[41] Сидоров В. А. Публичный дискурс и медиасфера // Медиа накануне постсекулярного мира / Под ред. В. А. Сидорова. СПб.: ИД «Петрополис», 2014. С. 28.
[42] Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / Когнитивные аспекты лексикографии. URL: http://www.infolex.ru/PolDis.html
[43] Fairclough N. Указ. соч. P. 23.

путанице, поэтому не лишним будет прояснить основные черты критического дискурс-анализа. Йоргенсен и Филлипс выделяют пять характерных особенностей критического дискурс-анализа[44]:

– лингвистико-дискурсивный характер социальных и культурных процессов и структур. В отличие от Лакло и Муфф, сторонники КДА не рассматривают дискурс как единственно возможную форму социальной практики. Они выделяют ряд дискурсивных практик, которые только вносят определенный вклад в конституирование социального мира. Лигвистико-дискурсивный характер носит лишь одно измерение социального мира;

– дискурс конституирует и при этом сам конституируется. С одной стороны, дискурс влияет на социальные практики, с другой – испытывает влияние со стороны других социальных сил, не носящих дискурсивного характера. Так, например, СМИ испытывают воздействие со стороны структуры политической системы и самой институциональной природы СМИ. Таким образом, все, что выходит за рамки «социального текста», сторонниками КДА признается недискурсивным. Более того, Фэркло утверждает, что отрицать конституируемость дискурса означает признать, что он формируется исключительно в сознании человека и не имеет никакого отношения к окружающей действительности: «Дискурсивное формирование общества вызвано отнюдь не свободной игрой в головах людей. Это следствие их социальной практики, которая глубоко укоренена и сориентирована на реальные, материальные социальные структуры»[45];

– использование языка нужно понимать эмпирически в социальном контексте. По сути, КДА – единственный из рассматриваемых нами подходов, который обращается к лингвистическому анализу языка. Как мы увидели чуть ранее, постструктуралистский подход Лакло и Муфф отстранен от регулярных эмпирических лингвистических исследований языка, для него куда важнее социальные структуры, организуемые дискурсом. Дискурсивная

[44] Йоргенсен М. В., Филипс Л. Указ. соч. С. 117 – 122.
[45] Fairclough N. Указ. соч. P. 37.

психология же в большей степени концентрируется на изучении риторических приемов, выражаемых в языке;

– действие дискурса носит идеологический характер. Идеология, согласно сторонникам подхода КДА, воспринимается как средство создания и укрепления неравенства. Иными словами, для тех исследователей, которые анализируют дискурс с позиций КДА, злоупотребление властью становится важнее самого феномена власти, расизм важнее толерантности, а сексизм – равенства полов. Т. ван Дейк писал: «КДИ (критические дискурс-исследования – *С. К.*) предполагают, скорее, критический анализ злоупотребления властью политиками, нежели легитимного использования ими власти»[46];

– КДА не может быть политически нейтральным. Конечная цель КДА – не объяснение, а критика и последующие за ней социальные изменения.

Выделив эти черты, мы можем увидеть, что некоторые из них вступают в неразрешимые противоречия с теорией Лакло и Муфф. Например, в критическом дискурс-анализе дискурс не рассматривается как единственно возможный детерминант политических практик, которые, таким образом, все до единого носят дискурсивный характер. Напротив, сторонники КДА допускают наличие недискурсивных социальных практик и делят человеческую деятельность на ту, которая дискурсивна, и ту, которая не дискурсивна. Например, строительство дома в представлении сторонника КДА будет являться недискурсивной практикой, в то время как деятельность журналиста – дискурсивной.

Еще одно противоречие – предмет анализа. Постструктуралистская теория дискурса отходит от анализа повседневных текстов, таких, как, например, газетная речь, в то время как КДА гораздо более ориентирован на эмпирическое изучение регулярных дискурсивных практик. Однако в данном случае противоречие не является неразрешимым. Напротив, комбинация

[46] Дейк Т. ван. Указ. соч. С. 36.

подходов может поспособствовать созданию более полных исследований, в которых применяется метод дискурс-анализа. Кроме того, сам Фэркло в своих поздних работах продвигается в сторону постструктурализма, осознавая необходимость установки связей не только между повседневными языковыми практиками и их выражением, но и между повседневными языковыми практиками и идеальными моделями (например, ценностно-политическими дискурсами), которые определяют их[47]. Тён ван Дейк также озаботился установкой подобных связей, подходя к дискурсивным практикам с социокогнитивной стороны и рассматривая их под этим углом[48].

Предмет нашего исследования связан с журналистской деятельностью в узком смысле и с созданием текстов в широком, поэтому от критического дискурс-анализа следует взять его подход к дискурсу как к неединственной социальной практике и как к деятельности, которая напрямую связана с текстами и визуальными образами, рассматриваемыми во всех аспектах данной работы как текст. Таким образом, мы не считаем дискурс (и особенно ценностно-политический дискурс) единственным детерминантом социальных практик. Главным образом, это связано с тем, что сам предмет нашей работы дискурсивен по своей природе, и подобное разделение позволит нам еще четче очертить его границы.

В то же время отметим, что ценностный аспект развит в критическом дискурс-анализе слабо. Несмотря на то, что ряд авторов регулярно упоминает различные ценности, сам термин «ценность» встречается редко, не говоря уже об анализе выражения различных ценностей в тексте. Можно возразить, что в данном случае ценности могут подразумеваться, однако выделенные специалистами основные черты КДА, приведенные выше, говорят о том, что на первом месте все же лингвистические факторы языка.

Впрочем, всегда можно обратить особое внимание на идеологическую наполненность критического дискурс-исследования. Часто утверждается, что

[47] Fairclough N. Language and Power (3rdedition). London.
[48] Ван Дейк Т. Указ. соч. С. 61-62.

действия акторов по конструированию текстов и воспроизведению в них неравенства обусловлены идеологическими мотивами, а сами идеологии – пусть и не напрямую – выставляются в качестве определенных ценностных систем.

Обобщая, заметим, что в рамках критического дискурс-анализа ценностно-политический дискурс будет восприниматься как совокупность текстов, в которых так или иначе реализуются негативные и даже деструктивные по отношению к обществу социальные феномены. Характер этого дискурса будет обусловлен идеологически на всех этапах его формирования и функционирования, а идеология, в свою очередь, будет являться результатом функционирования определенной ценностной системы. Проще говоря, при изучении ценностно-политического дискурса в рамках КДА предстоит рассматривать не столько воспроизводство неравенства, детерминированное идеологически, а идеологические характеристики текста, которые приводят к ретрансляции в нем неравенства и прочих деструктивных социальных практик.

Нельзя не согласиться и с теми сторонниками КДА, которые двигаются в сторону постструктуралистского подхода. Эмпиризм критического дискурс-анализа на начальном этапе воспринимался как новый подход, противостоящий предельной теоретичности постструктурализма, однако со временем стало понятно, что эти два подхода во многих моментах не противоречат друг другу, но и дополняют один другой.

Например, взаимное влияние дискурсов рассматривается и в теории Лакло и Муфф, и в КДА. Возникновение неравенства и доминирования (как ненормальной формы осуществления власти) в ценностно-политическом дискурсе может быть обусловлено не только другими, недискурсивными практиками, но и другими дискурсами. К примеру, суд может обязать издание выпустить опровержение несоответствующей действительности новости, причем данное предписание будет оформлено в виде соответствующего документа – то есть само по себе будет входить в другой

дискурс – правовой.

Что касается неравенства и доминирования, то некоторые его аспекты рассматриваются Грамши. Его гегемония – установление согласия в ущерб реальным потребностям неправящего класса – являет собой яркий пример реализации неравенства, выражаемого в дискурсе. Эта реализация стала возможной только потому, что правящие классы (или, в нашем случае, элиты) имеют доступ к дискурсу, который ограничен у неэлитарных групп. Но если Лакло и Муфф обращаются к конкретизации используемых Грамши абстракций и общему разбору марксистской теории, игнорируя эмпирический материал, сторонники КДА заходят с другой стороны: с одной стороны, они так же, как Лакло и Муфф, поддерживают идею ситуативных классов, с другой – концентрируются на эмпирическом выражении идеологий данных элит.

Отметим еще один важный момент: ценностно-политический дискурс не должен ограничиваться производством текстов. Чаще всего сторонники КДА делят дискурсивные процессы на те, которые относятся к производству дискурса, и те, которые относятся к его потреблению, однако эмпирический материал в большинстве случаев ограничивается разбором текстов – то есть, процессы, относящиеся к усвоению содержания дискурса, рассматриваются опосредованно. Мы считаем важным не игнорировать данные процессы. Более того, наша эмпирическая база во многом ориентирована на процессы, связанные с восприятием дискурса и дальнейшим его воспроизводством. Ведь дискурс постоянно воспроизводится, и для этого ему нужно, чтобы его кто-то потреблял. Без аудитории СМИ перестанут быть СМИ, без студентов отпадет необходимость в преподавателях. Знаменитый «спектакль» Ги Дебора есть ни что иное как специфическое описание дискурса, основанного на конкретных ценностях – он точно так же воспроизводит сам себя, точно так же немыслим без потребителя[49].

Мы выяснили, что в контексте нашего исследования понимать

[49] См.: Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. М., 2014.

ценностно-политический дискурс следует более узко, чем это делают постструктуралисты. Ценностно-политический дискурс – лишь один из результатов социальных практик, оказывающий, тем не менее, значительное влияние на них. В то же время журналистская деятельность относится к тем практикам, которые можно назвать дискурсивными, и потому результаты нашего исследования не пострадают от противоречия между подходами к пониманию дискурса.

Стоит отметить, что медиадискурс, хотя и располагается на пересечении социально значимых дискурсов, сам по себе специфичен, поскольку отображает их по своим законам. Доступ к СМИ – привилегия, доступная элитам, поскольку он дает возможность формировать дискурс, в который позднее будет включена и аудитория СМИ. Потому ценностно-политический дискурс обуславливается идеологически в зависимости от ценностных систем акторов, имеющих доступ к распространению, переработке и последующему тиражированию информации.

Наконец, важную роль играет потребление текста (но лучше сказать «усвоение текста»), незаслуженно игнорируемое многими сторонниками КДА, ведь именно оно способствует дальнейшему конституированию дискурса. В эпоху, когда скоростной Интернет доступен в большинстве городов России (не говоря уже о мобильном Интернете, который доступен любому обладателю более или менее современного телефона), отследить реакцию аудитории становится проще, поскольку СМИ сами провоцируют пользователей активироваться. Можно сказать, что здесь проявляется стремление дискурса к самовоспроизводству и расширению.

Получается, у нас возникла потребность перейти еще на ступень ниже: если постструктуралистская теория оперирует предельно абстрактными категориями, с помощью которых выстраивается идеальная структура социального мира, а сторонники КДА рассматривают разные дискурсы эмпирически через выражение в текстах определенных ментальностей и идеологий, то, осознав необходимость перейти на уровень конкретного

потребителя и производителя информации, мы входим в предметную область дискурсивной психологии.

Процессы, описанные выше, когнитивные, и потому рассматривать их следует с позиций когнитивной психологии, что и характерно для дискурсивной психологии. Однако когнитивная и дискурсивная психология – понятия отнюдь не тождественные.

Когнитивная психология рассматривает индивида как предельно локализованного, автономного агента, которому неведомы ограничения, который обладает аутентичными характеристиками. По сути, в когнитивной психологии индивид рассматривается в изоляции от общества как «обработчик» информации (в том числе и политической), поступающей к нему извне[50]. Проще говоря, существует массив информации о мире, и управляет которой человек.

Сторонники когнитивной психологии рассматривают процессы получения, восприятия, упорядочивания информации как универсальные, характерные для каждого индивида. Для данного подхода характерно стремление к построению моделей и четкое структурирование мыслительных процессов индивидов. Причем универсалии, используемые когнитивистами, никогда не рассматривались в рамках этого подхода с позиций времени и диктуемых им условий. Однако остается неясным, как быть, например, с политическими ценностями индивида. Они могут меняться с течением времени, могут приобретать радикальные формы либо стремиться к равновесию, однако унифицировать ментальную модель, игнорируя индивида как носителя политических ценностей, как нам кажется, в корне неверно.

На это и обратили внимание создатели нового подхода, получившего название социального конструкционизма. Когнитивисты, по их мнению, недооценивают социальную природу психологических состояний индивида, а по словам Майкла Биллинга, представители когнитивной психологии

[50] Поттер Д. Указ. соч. С. 82.

«приняли универсальность когнитивных процессов как само собой разумеющийся факт, вместо того, чтобы разобраться в них посредством кросс-культурных исследований»[51].

Сторонники социального конструкционизма, из которого затем вышла дискурсивная психология, отмечают, что психические состояния индивида условны, то есть зависят от конкретного момента времени, а не универсальны в своей независимости от времени. Можно провести параллель с теорией дискурса Лакло и Муфф: у них условен знак в конкретном дискурсе, более того, знак, которому придано определенное значение, называется «моментом», что подчеркивает его условность и зависимость от времени. Потому кажется разумным, что условные моменты воспринимаются индивидами с помощью условных психических состояний.

Дискурсивная психология важна для нас, поскольку она имеет дело с ментальными оценками, даваемыми индивидами миру. Можно сказать, что каждый индивид формирует свою собственную ментальную картину мира, состоящую из результатов соотнесения интерпретаций элементов и интерпретаций моментов. Картина меняется постоянно по мере поступления дополнительной информации. И хотя, в целом, она будет обладать некоторыми общими чертами, можно также говорить о том, что изменения и дополнения в ней будут происходить постоянно по мере осуществления индивидом коммуникативных актов в сообществе. Более того, ментальные картины различных индивидов будут накладываться друг на друга, в чем-то совпадая, а в чем-то отличаясь. Когда происходит многократное наложение совпадающих моделей, мы можем говорить о совместных артикуляционных практиках в рамках дискурса. Например, некоторые люди придерживаются монархических взглядов. В социальной сети они могут найти себе подобных, чтобы организоваться с ними в сообщество. Такое сообщество будет идеологизированным. Идеологии, выражаясь языком Лакло и Муфф, будут

[51] Billing M. Arguing and Thinking: a rhetorical approach to social psychology, revised edition. Cambridge, 1996. P. 76.

представлять собой жестко означенные знаки и устоявшиеся за счет ценностного базиса связи между ними. Различия в рамках одной политической идеологии, как правило, начинаются «на отдалении» от ее основных принципов, остающихся незыблемыми.

Ментальные картины мира, сформированные в результате оценок, держатся за счет аттитюдов. По мнению Э. Поттера и других социальных конструкционистов, формации аттитюдов конструируются в социальных действиях[52].

Теперь мы можем дополнить наше представление о ментальной модели индивида. Оценки (например, «Медведев – хороший премьер-министр») формируются через социальные действия (скажем, чтение газет или бытовые наблюдения), превращаясь в аттитюды, связывающие между собой различные концепты в сознании индивида. Имеет смысл говорить о том, что ментальные модели мира дискурсивны, поскольку каждый индивид, во-первых, испытывает на себе действие социального (в нашем случае – политического) контекста, во-вторых, реализует коммуникативные практики, в-третьих, сталкивается – непосредственно или опосредованно – с другими индивидами.

Одним из предметов изучения социальных конструкционистов является диссонанс между аттитюдом и реализуемым индивидом поведением. Проводится разграничение и в аксиологии: И. И. Докучаев, например, представляет оценки в виде убеждений и стремлений[53]. И убеждения и стремления являются результатом соотнесения некоего явления с ценностной системой индивида, но если убеждения не находят отображения в виде конкретного социального действия, то стремления, напротив, приводят к реализации индивидом определенного поведения, направленного на преобразование действительности. Переход от убеждений к стремлениям – один из важнейших вопросов современной российской

[52] Поттер Д. Указ. соч. С. 99-100.
[53] Докучаев И. И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб., 2009. С. 103.

политологии, который позволяет, например, понять причины неудач протестного движения в России в 2011-2012 гг. и последующих конфликтов в российской оппозиции.

Язык, согласно дискурсивной психологии, не только фиксирует опыт, он его конструирует наравне с субъективной психической реальностью[54]. Это означает в том числе, что политические дискурсы не интерпретируют некий мир за пределами человеческого сознания, они формируют мир в пределах сознания индивида. И уже там мир упорядочивается в виде ментальной модели.

И здесь мы сталкиваемся с еще одной важной проблемой: информация, получаемая индивидом от мира, неоднородна. Какой-либо политический дискурс может оказывать на индивида наибольшее влияние, что подстегнет к потреблению большего объема информации из данного дискурса; а где-то у индивида может возникнуть нехватка информации по теме, что сделает связи между знаками в соответствующей области ментальной модели слабыми.

Рассмотрим данный тезис через призму ценностно-политического дискурса. Он подразумевает наличие у индивида определенной политической модели мира, базирующейся на ценностной системе, идеологизированной в большей или меньшей степени. Однако большинство россиян в повседневной деятельности не имеет представления о политической деятельности. Политический дискурс подменяется политическим медиадискурсом. Это означает, что связи между элементами в ментальных моделях слабы и требуют подпитки через получение дополнительной информации. Но политическая сфера закрыта, в нее допущены, как правило, только представители элитарных групп. Это приводит к тому, что индивида вынуждают потреблять необходимую ему информацию через СМИ. А потребность объективна, потому что связана с необходимостью подчинения индивида, являющегося одним из основных требований его социализации.

Мы не возьмемся оценивать медиадискурс сам по себе, скажем лишь,

[54]Поттер Д. Указ. соч. С. 64.

что в него включается далеко не вся политическая информация, а только та, что тут же «растаскивается» журналистами, начинающими редуцировать значения элементов. В результате читателю достается уже готовый знак[55], который ему остается встроить в свою ментальную модель путем установки связей с другими знаками. Потребление только одного идеологически ориентированного СМИ при отсутствии прямого регулярного контакта с политическим дискурсом наверняка приведет к тому, что индивид встроит в свою ментальную модель те значения знаков, которые выдаются ему через СМИ. Такое может произойти – и происходит – даже тогда, когда у индивида есть доступ к другим СМИ. При наличии многозначности элемента начнется борьба дискурсов, и тогда индивид вынужден самостоятельно редуцировать значение. Однако эта самостоятельность окажется мнимой: по сути, редукция со стороны индивида будет заключаться в том, что он выберет одно значение из нескольких, предложенных ему, соотнеся их со своей ценностной системой.

Нетрудно заметить, что только что мы применили комбинированную технику описания ценностно-политического дискурса: упомянули борьбу дискурсов, редукцию значений, присоединение элементов к дискурсу и превращение их в знаки – все это характерно для постструктуралистской теории дискурса; рассматривали подмену дискурсов, ограниченность потребителя информации, не относящегося к элитарным группам, – это признак критического дискурс-анализа; наконец, объяснили, каким образом дискурсы способствуют формированию ментальных моделей, скрепленных оценочными связями – это признак дискурсивной психологии.

Таким образом показано, что разные подходы к пониманию дискурса не просто не исключают, но и дополняют друг друга. Конечно, нам в некоторой степени повезло: и в том, что данные подходы функционируют на разных уровнях, и в том, что сам объект нашей работы способствует такому

[55] См. также: Сидоров В. А. 10 рассуждений о социологии журналистики. – СПб.: ИД «Петрополис», 2012. С. 265-267.

многоаспектному рассмотрению. Кроме того, мы попытались описать механизм встраивания новой информации в ментальную модель пользования под действием дискурса и выяснили, что этот механизм «настроен» таким образом, чтобы способствовать дальнейшему воспроизводству дискурса.

Однако остается одна непроясненная проблема. По сути, предметно изучают СМИ разве что представители КДА. Постструктуралисты занимаются абстракциями в ущерб эмпирическим изысканиям, в то время как социальные конструкционисты для эмпирических изысканий чаще всего выбирают повседневные языковые практики – например, непринужденную беседу.

Мы предполагаем, что для нашего исследования необходима теория предметного изучения медиа, которую допустимо рассмотреть через призму сооруженного нами комбинированного подхода к пониманию дискурса. Это означает, что мы должны предложить новый взгляд на теорию, результатом которого явится новая концепция, объясняющая аспекты, еще не затронутые в проанализированных теоретических подходах, но в терминах этих теорий.

1.3. Теория политического медиапрайминга и концепция ценностно-политических триггеров как способ описания когнитивных структур индивида

Итак, в предыдущем параграфе мы пришли к выводу о необходимости обращения к теории, занимающейся предметным изучением медиа, которая могла бы рассматриваться с помощью нашего комбинированного подхода к пониманию дискурса.

Такая теория должна обладать рядом характеристик. Перечислим их:

– в центре внимания данной теории должны быть медиа. Это обеспечит нас необходимым предметным полем и позволит использовать методы, характерные для рассматриваемой теории, в дополнение к уже имеющимся методам изучения дискурса;

– теория должна изучать некое взаимодействие медиа и аудитории медиа. Если мы не обратимся к такому типу взаимодействий, то рискуем

впасть в конструирование абстракций на базе постструктуралистского подхода к медиа. Через изучение связи медиа с аудиторией мы выйдем на второй и третий уровни описания дискурса – критический и психологический;

– медиа должны изучаться в рамках эффектов, оказываемых ими на аудиторию. Необходимость такого пункта обусловлена стремлением увязать рассматриваемую теорию и наше дальнейшее исследование с дискурсивной психологией как наиболее индивидо-ориентированным подходом к дискурс-анализу. Ведь в центре внимания нашей работы должны быть сетевые сообщества, которые есть ни что иное как дисперсная общность, реализующая со-интерпретационную деятельность. В связи с этим мы обязаны сделать небольшой крен в сторону дискурсивной психологии;

– эффекты медиа, рассматриваемые данной теорией, должны носить краткосрочный характер. Тем самым мы подчеркнем ситуативность дискурсов, их зависимость от конкретного момента времени;

– сознание индивида должно восприниматься в рамках данной теории как сетевая структура, состоящая из узлов и связей между ними. Этот пункт позволит избежать противоречий между теорией и подходом к пониманию дискурса, выведенным нами;

– теория должна иметь точки соприкосновения с когнитивной психологией. В случае отсутствия таких точек мы придем к тому, что теория не сможет функционировать как минимум на индивидуальном уровне дискурса, поскольку не будет связи между ней и дискурсивной психологией. А как максимум, мы рискуем прийти к неразрешимым противоречиям между теорией и другими уровнями дискурса. Обращение же к когнитивной психологии поможет нам безболезненно оперировать такими терминами и конструктами, характерными для этого поля психологического знания, как, скажем, ментальные модели индивида;

– теория не должна выпадать из актуального научного поля. Это означает, что должны вестись социально значимые исследования в рамках

данной теории, которые показали бы ее жизнеспособность и гибкость, проявляющиеся в умении адаптироваться к изменяющимся реалиям;

– теория должна регулярно обращаться к политическому сознанию индивида. В ней должны затрагиваться вопросы власти и подчинения, доминирования, сопротивления и т.д.;

– наконец, в теории должны быть уязвимые места, но не те, что выявляют слабость теории, а те, что указывают на ее непроработанные разделы, которые в данном случае могут быть проработаны нами.

Наиболее полно указанным выше требованиям удовлетворяет теория политического медиапрайминга. Рассмотрим ее на предмет соответствия описанным нами характеристикам:

– в центре теории политического медиапрайминга располагаются медиа. Причем медиа воспринимаются в данной теории в широком значении и не ограничиваются только СМИ. Так, теория медиапрайминга активно обращается к политической агитации, исследует политические PR-стратегии, а в последние годы активно обращается к изучению Интернета[56];

– теория занимается изучением как медиа, так и их аудитории. Таким образом, обратившись к теории политического медиапрайминга, мы не рискуем оказаться в положении, когда изучаются предельные абстракции в ущерб эмпирическому материалу;

– медиапрайминг обращается к эффектам, которые оказывают медиа на аудиторию;

– теория политического медиапрайминга рассматривает, в первую очередь, краткосрочные эффекты, оказываемые медиа на аудиторию;

– сознание индивида в теории медиапрайминга рассматривается как сетевая структура, пронизанная сложными ассоциативными связями;

– теория политического медиапрайминга выросла из теории медиапрайминга, а та – из когнитивной психологии. Обращаясь в рамках

[56]См., напр.: Scheufele S. Tewksbury D. Framing, Agenda Setting, and Priming: The Evolution of Three Media Effects Models // Journal of Communication (57, 2007): 9-20.

указанной теории к феномену человеческой памяти, ученые пришли к необходимости анализа ментальных моделей индивида при формировании у того политической картины мира;

– в настоящее время продолжают проводиться исследования в рамках теории медиапрайминга и теории политического медиапрайминга. Можно выделить работы Баргха, Чартленда, Ньюстед, Финни и др.;

– теория медиапрайминга восходит к теории когнитивных нео-ассоциаций, разработанной еще в 70-е годы прошлого века. За время своего существования теория медиапрайминга не только не выпала из научного поля, но и, напротив, постоянно дополнялась и усовершенствовалась, показав свою гибкость и способность приспосабливаться к изменяющимся социальным реалиям;

– изначально политический медиапрайминг обращался к влиянию СМИ на формирование повестки дня в целях манипулирования электоратом. Однако в дальнейшем исследователи перешли к более сложным вопросам: например, восприятию индивидами происходящих в обществе политических процессов. В условиях недостатка информации о политических процессах индивид обращается к СМИ, которые, в свою очередь, предоставляют ему информацию, лежащую на поверхности информационного поля, создавая возможность для манипулятивных действий[57];

– наконец, теория политического медиапрайминга обладает целым рядом характеристик, которые вызывают вопросы. В основном, вопросы касаются эмпирической составляющей: например, при попытках исследовать политические процессы в рамках теории медиапрайминга западные исследователи до сих пор часто фокусируются на электоральной социологии. Безусловно, важность подобных исследований трудно оспорить, однако при переложении их на российские реалии неизбежно возникнут трудности и несоответствия. Более того, теория медиапрайминга концентрируется на изучении семантических связей в ментальных моделях мира индивида, либо

[57] Alger D. E. The Media and Politics. New Jersey, 1989. P. 42.

полностью игнорируя ценностное восприятие действительности, либо воспринимая оценку как подкрепляющую переменную для прайминга. Наша цель – дополнить эту теорию своими разработками и подкрепить их эмпирически.

Начать предметный разговор о теории политического медиапрайминга стоит с цитаты из Cognitive Science Dictionary, описывающей механизм ее функционирования: «Предполагается, что понятия, имеющие отношение друг к другу, объединяются в некие ментальные структуры, так что при активации одного понятия активируются и другие связанные с ним понятия»[58]. Сразу обратим внимание на то, как соотносится приведенное нами описание с постструктуралистским пониманием дискурса, где дискурс рассматривается в качестве абстрактного пространства с расположенными внутри него и связанными друг с другом знаками. В предыдущем параграфе мы также обратили внимание на важность понятия ментальных моделей, связывающих воедино представления индивида о мире. В любом случае, ключевым будет слово «связь»: знаки, понятия, моменты – все это связывается в сознании индивида в определенным образом организованные ментальные структуры, помогающие ему выстроить политическую картину мира.

В общих чертах теория политического медиапрайминга фокусируется на том, каким образом индивид воспринимает получаемую из медиа политическую информацию. Подразумевается, что эта информация оказывает воздействие на индивида, причем такое воздействие носит краткосрочный характер. В этом главное отличие теории медиапрайминга от гипотезы культивации, с помощью которой изучаются, главным образом, долгосрочные эффекты медиа. Получается, что эффекты медиа ситуативно обусловлены, поскольку сам медиадискурс ситуативен.

Эффект прайминга неразрывно связан с активацией когнитивных

[58] Dawson M., Medler D. Dictionary of Cognitive Science // URL: http://www.bcp.psych.ualberta.ca/~mike/Pearl_Street/Dictionary/contents/P/priming.html

структур аудитории массовой информации. В теории политического медиапрайминга подразумевается, что каждая новость дополняет существующую ментальную модель мира индивида, в частности – ее политическую часть. Однако само восприятие новости обуславливается не только ее содержанием, но и самим процессом вхождения в ментальную модель. Процесс этот состоит в установлении связей с уже имеющимися понятиями, и при установке связей данные понятия активируются. Получается, что реакция человека на одну новость будет детерминирована связями, установленными в его сознании. Собственно медийное сообщение некоторыми исследователями классифицируется в качестве раздражителя. Все вышеописанное и составляет так называемый эффект прайминга.

В рамках теории политического прайминга долгое время изучались эффекты, выражаемые через поведение индивида. Предполагалось, скажем, что при просмотре передач, в которых немалую роль играют различные проявления агрессии по отношению к идеологическим противникам, аудитория будет активировать соответствующие ассоциативные связи и впоследствии реализовывать схожее с увиденным поведение.

Теория прайминга обращается непосредственно к мозгу индивида. В ней он имеет сетевую структуру, характеризуясь как сложная совокупность проводников, которые соединяют то, что отложилось у индивида в памяти[59]. Таким образом, поначалу теория медиапрайминга была связана с изучением феномена памяти. Память определялась как то, что организует сетевую структуру мозга. Получение определенной политической информации заставляет индивида вспоминать то, что было раньше, и активировать соответствующие связи. Информация-раздражитель соотносится с близкими к ней понятиями, которые могут быть самыми разными: так, увидев кадры с президентом США, кто-то обратит внимание на его внешний вид, кто-то начнет ассоциировать его со всей страной и ее политикой, кто-то вспомнит свою поездку в Нью-Йорк. Все зависит от того, какие понятия окажутся

[59] Ibid.

поблизости в ментальной модели индивида. Но далее ученые все же вышли за пределы изучения в рамках теории медиапрайминга исключительно памяти. Стали появляться подходы, увязывающие теорию прайминга с более широкими ментальными моделями индивида.

В научных публикациях, посвященных медиапраймингу и концентрирующихся на изучении ментальных моделей индивида, можно встретить описание ментальных моделей как совокупности знаний и связанных с ними воспоминаний[60]. Такое определение нам кажется избыточным, особенно если говорить о нем применительно к политической картине мира, выстраиваемой индивидом. Воспоминание рождается из знания, по сути, воспоминание есть ни что иное как знание о прошлом, знание, протяженное во временн***о***й шкале. Более того, в данном определении не учитывается оценочный фактор. Мы считаем, что в рамках теории политического прайминга ментальная модель должна восприниматься на аксиологическом основании. И тогда она будет выглядеть как совокупность политических знаний о мире, протяженная во времени, а также оценок, связанных с этими знаниями. Приятное или неприятное воспоминание – это знание о прошлом, которое соответствующим образом оценивается.

Существует и более узкое понимание ментальной модели в рамках теории медиапрайминга. Оно характеризуется еще большей ситуативностью. Согласно этому подходу, индивид формирует множество ментальных моделей, каждая из которых является отображением определенной ситуации, с которой индивид сталкивается.

В данном случае получается, что политическая деятельность индивида хаотична и лишена идеологического базиса. Кроме того, рано или поздно у нас возникнет потребность в объединении этих моделей, поскольку политические события происходят регулярно и имеют свойство связываться друг с другом в структуры более высокого порядка до тех пор, пока не

[60] Bargh J., Ferguson M. Beyond behaviorism: On the automaticity of higher mental processes // Psychological Bulletin, 126, 2000. Pp. 925-945.

увяжутся в большую ментальную политическую модель мира. И в таком случае получится, что ментальная модель индивида будет представлять собой совокупность ментальных моделей, что приведет нас к неразрешимому противоречию.

Избежать противоречия позволяет теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф. Допуская существование пускай и регулярно обновляющейся, но все же более или менее устойчивой, ментальной политической модели мира индивида, в первую очередь следует отметить как ее дискурсивность, так и обращенность к социально-политическому контексту. В этом аспекте ментальную политическую модель мира индивида следует представить как *индивидуальную модель ценностно-политического дискурса*, состоящую из узлов-нодов (смысловых и интерпретационных ячеек) и связей между ними. В своем сознании индивид формирует определение каждого знака, а при столкновении с элементом – полисемичным знаком – индивид склонен отбрасывать значения, не соотносящиеся с его ментальной моделью. Так, сторонник оппозиционного политика Алексея Навального вряд ли станет воспринимать президента Владимира Путина как лидера, ведущего Россию к процветанию. Значения, связанные с полисемичным знаком «Владимир Путин», будут отбрасываться, пока не останется только одно – увязанное с ценностной системой индивида – сторонника оппозиции.

Прайминг активируется тогда, когда начинается интерпретация знака. Интерпретация в данном случае означает редукцию значений, не соответствующих ментальной модели мира. Кроме того, эффект прайминга, по мнению Брайант и Томпсон, усиливается, если[61]:

1. индивид верит, что существует оправдание действиям отображаемых в СМИ персонажей (присоединение Крыма к России было обусловлено защитой интересов русскоязычного населения полуострова);
2. индивид отождествляет себя с этими персонажами (например, задает себе вопрос: «А что бы я сделал на месте Путина?»);

[61] Томпсон С., Брайант Д. Основы воздействия СМИ. М., 2004. С. 110.

3. индивид имеет дело с реальными событиями (очевидно, что политическое пока еще можно относить к реальному, однако современные практики, вероятно, являются предвестниками появления новой модели политической коммуникации, например, распространение пост-правды);
4. у индивида есть воспоминания, связанные с отображаемыми событиями.

Остановимся подробнее на каждом утверждении, раскрывая его политический потенциал.

Первый пункт можно модифицировать, поскольку, как мы выяснили, прайминг проявляется не только через действие, но и через оценку. Поэтому утверждение будет формулироваться следующим образом: «Индивид верит или не верит, что существует оправдание действиям отображаемых в СМИ персонажей». По сути, этот пункт связан с интерпретацией деятельности политиков и соотнесением их со своей ценностной системой. Не зря уже упомянутый Докучаев отмечал, что «ценность – это предмет веры»[62]. Вера в данном случае будет зависеть от результата соотнесения действия политика со своей ценностной системой – то есть от оценки.

Второй пункт связан с отождествлением себя с политиком со стороны индивида. Это утверждение можно увязать с предыдущим. Отождествление следует воспринимать как соотнесение ценностных установок индивида и политика. Проблема лишь в том, что отображаемый в СМИ политик является медиаконструктом, в связи с чем отождествление происходит не с реальным лицом, а с некоторым набором портретных характеристик, отображаемых в доступных индивиду источниках информации.

Чтобы отделить поступающую к индивиду реальную информацию от нереальной, в третьем пункте утверждается, что реальность описываемых событий способствует активации эффекта прайминга.

Последний пункт связан с воспоминаниями индивида о событиях. Как

[62] Докучаев И. И. Указ. соч. С. 103.

мы уже выяснили выше, воспоминания представляют собой протяженное во времени знание и оценку этого знания со стороны индивида.

Получается, что все выведенные признаки так или иначе имеют дело с ценностной и политической системами индивида, соотнесением с ними конкретных событий и персонажей, и в результате их оценкой. Выходит, что эффект прайминга может рассматриваться не только в рамках теории дискурса, но и в более узких рамках ценностно-политического подхода к дискурсу.

Впрочем, связь прайминга с дискурсом может проявляться и на других уровнях. Например, теоретическим базисом для изучения феномена прайминга служит социально-когнитивная теория, точнее – модель взаимообусловленности. Согласно этой модели, человек «является продуктом и производителем внешней среды»[63], что соотносится с пониманием ценностно-политического дискурса как феномена «конституирующего» и «конституируемого».

Итак, при использовании теории медиапрайминга ментальные политические модели индивида следует рассматривать в качестве индивидуального ценностно-политического дискурса. Иными словами, ценностно-политический «дискурс создает в себе субъекта»[64] и воссоздается в сознании субъекта. При этом теория политического прайминга привнесла в наш подход к описанию дискурса элемент, связанный с получаемым индивидом содержанием информации, которое нужно рассматривать на эмпирическом уровне.

Благодаря объединению подхода к комплексному рассмотрению дискурса на трех уровнях и теории политического медиапрайминга мы получили представление о ментальных моделях аудитории в ее связях с ценностно-политическим дискурсом.

Однако признаем, что простого объединения теорий недостаточно.

[63] Bandura A. Principes of Behaviour Modification. Toronto, 1985. P. 212.
[64] Fairclough N. Указ.соч. P. 182.

Остаются слабые места, связанные, в первую очередь, с тем, что теория медиапрайминга фокусируется на разборе семантических связей, уделяя лишь небольшое внимание связям оценочным. В то же время, дискурс как конституирует, так и конституируется, что означает наличие в конкретных дискурсивных практиках способов установки и выражения оценочных связей между различными элементами. Такие способы рассмотрим в отдельном разделе.

В контексте нашей работы дискурсивные практики означают, в первую очередь, социальные практики, связанные с коммуникативными актами. Журналистская деятельность пронизана коммуникативными актами, и итоговый продукт труда журналиста – статья в газете, телевизионный сюжет и т. д. – является лишь лежащим на поверхности результатом его деятельности. В процессе подготовки материала журналист вступает во множество коммуникативных актов: с ньюсмейкерами, редакторами, своей супругой и друзьями, кондуктором в трамвае. Мы не ограничиваем коммуникативные акты исключительно профессиональными: в процессе подготовки материала ментальная модель мира журналиста постоянно прирастает новой информацией, которая вступает во взаимодействие с теми узлами, которые уже установлены.

Теория медиапрайминга говорит о том, что активация нодов (нод в данном случае мы рассматриваем в его информационном понимании как «узел, соединенный с другими узлами в рамках сети»[65]) способствует активации соседствующих с ней узлов, с которыми установлена связь. Однако упомянутая нами теория концентрируется на семантической природе этих связей. В то же время также существуют и оценочные связи, с помощью которых явление соотносится с ценностной моделью индивида.

Получается следующее: журналист пишет текст, в процессе написания которого ментальная модель журналиста открыта и доступна для новой информации. В то же время ценностная система журналиста уже сложилась,

[65] ATIS Telecom Glossary. URL: http://www.atis.org/glossary/definition.aspx?id=6555

и новая информация, как правило, будет соотноситься с ней, результатом чего станет редукция значений знака до соответствующего ценностной системе.

Наивно считать, что в журналистском тексте не найдет отображение ценностная система его автора. Она проявляется не только в текстах колумнистов или серьезных аналитических статьях, но и в информационных жанрах – благодаря использованию особой лексики, с помощью заголовков или, скажем, путем встраивания в текст определенного «бэка». Ярким примером можно считать издание «Лента.ру» до смены руководства: несмотря информационный характер своей деятельности, журналисты реализовывали ее в рамках либерального дискурса. После смены руководства «Лента.ру» вышла из либерального дискурса – элементы приобрели новое значение, потому что произошла новая редукция их значений, и конечный результат оказался несоответствующим либеральному дискурсу. Произошло то, что называют «изменением концепции СМИ в подаче информации», но по сути – смена идеологии.

Мы пытаемся описать свою потребность в некоей отправной точке, с которой начнется изучение в текстах отображения ценностно-политических ориентаций. В качестве такой точки выберем собственно текст, который понимается нами как любой продукт журналистской деятельности, отображаемый в СМИ независимо от типа средства массовой информации.

Испытывая влияние со стороны ценностной системы журналиста, текст, тем не менее, не только пишется, но и воспринимается. И тогда стоит говорить об активации ценностно-политической системы аудитории. В предыдущем параграфе мы показали, что одна и та же новость, лишенная аналитической составляющей, может вызывать прямо противоположные реакции: от положительной характеристики деятельности Владимира Путина до отрицательной, выражаемой в сравнении президента России с Гитлером[66].

[66]Напр., см.: Гитлер и Путин – одного поля ягоды // ИноСМИ. URL: http://inosmi.ru/politic/20160504/236402047.html; Путин и Гитлер: жуткие параллели // Donbass.ua. URL:

Аудитория воспринимает текст и тем самым соотносит его с ментальной политической моделью мира. Мы скептически относимся к возможности осуществления СМИ переубеждающей функции. СМИ могут убедить, но для того, чтобы индивид изменил свой аттитюд по отношению к какому-либо политическому явлению окружающей его действительности, недостаточно действий исключительно СМИ. Перемена аттитюда может произойти тогда и только тогда, когда в дело вступит актор, принадлежащий к элитной группе, либо когда будут затрагиваться базовые ценности индивида. Вряд ли те, кто поддержал Владимира Путина на выборах, пойдут на войну под лозунгом: «За Путина» – здесь затрагивается ценность жизни, традиционно сильная в российской культуре. Потому военные действия, будучи политическими по своей природе, чаще всего трактуются правящими классами как действия в защиту Родины.

Таким образом, следует принять за отправную точку именно политически ориентированный текст, написанный конкретным журналистом и воспринимаемый конкретным читателем в конкретном социальном и политическом контексте. В результате читатель может либо создать свой текст либо отреагировать на журналистский, соотнеся его со своей ценностно-политической системой – оценив его.

Однако мы ответили только на один вопрос. Второй вопрос: в каких текстах находит свое отображение ценностно-политический дискурс?

Проще считать, что ценностно-политический дискурс расположен на пересечении ценностного и политического дискурсов, однако в таком случае мы сведем к минимуму значение медиа в установлении и последующем воспроизводстве дискурсов.

Можно ответить, что ценностно-политический дискурс возникает там, где отображаются политические ценности, что будет, как нам кажется, более верным его пониманием. Однако в таком случае возникает проблема

---

http://donbass.ua/news/ukraine/2016/05/28/putin-i-gitler-zhutkie-paralleli.html; «За себя и за того парня», или Путин – Гитлер нашего времени // Укринформ. URL: http://www.ukrinform.ru/rubric-politycs/2105640-za-seba-i-za-togo-parna-ili-putin-gitler-nasego-vremeni.html

интерпретации текстов и сопутствующего ей акцентирования знаков: почему ряд событий интерпретируются в политическом ключе путем соотнесения события с ценностно-политической областью ментальной модели индивида, несмотря на то, что сами по себе события не несут в себе политического начала? В качестве примера подобных событий приведем Олимпийские игры, в которых официально не существует медального зачета по странам, однако неофициальный медальный зачет регулярно появляется в СМИ – гораздо чаще любого спортсмена. Еще один пример – песенный конкурс Евровидение, в котором официально соревнуются исполнители, однако конкурс регулярно трактуется журналистами как политическое явление. Отмечаются, в частности, соседский принцип голосования[67], влияние политической ситуации на оценки, выставляемые конкурсантам[68], да и сами итоги конкурса порой трактуются в ценностно-политическом ключе: так, например, после победы на «Евровидении 2014» австрийского трансвестита ряд СМИ критически разобрал западные ценности – в частности, толерантность к сексуальным меньшинствам[69].

Политическая трактовка событий связана с наличием в текстах особых структур, которые, образно выражаясь, открывают дверь в ценностно-политический дискурс. Эти структуры функционируют точно так же, как ноды в теории прайминга, однако если ноды способствуют активации семантических ассоциаций, то упомянутые нами элементы текста активируют ценностную систему индивида, заставляя его выстраивать оценочные связи в своей ментальной модели мира.

Проведем аналогию. Увлеченный юноша играет в компьютерную игру. По сюжету он идет по темному коридору – и в определенный момент из-за угла на него нападает ужасный монстр. Почему монстр выскакивает именно в определенный момент? Потому что персонаж игрока наступил на невидимую кнопку в полу или вошел в зону, при пересечении границы

[67] Евровидение завершилось по-соседски // Новости Mail.ru. URL: https://news.mail.ru/society/5900776/
[68] Без шансов // Колта. URL: http://www.colta.ru/articles/music_modern/3091
[69] Кончита ля комедия // Российская газета. URL: http://www.rg.ru/2014/05/11/evrovideniye-site.html

которой монстр нападает. Программа проверяет наличие персонажа игрока в заданном пространстве – и при наличии его активирует сценарий появления монстра. Такой механизм называется «триггером» – от англ. «trigger» – спусковой крючок.

При активации ценностно-политической области ментальной модели индивида приводится в действие схожий механизм. Наличие в тексте определенных смысловых узлов ведет к их ценностной интерпретации и дальнейшему соотнесению с ценностной системой индивида. Значение данного узла будет редуцироваться до тех пор, пока не придет в соответствие с ценностной системой, выражаемой в ментальной модели индивида. Такие смысловые узлы мы будем называть «ценностно-политическими триггерами».

Потребность во введении триггеров обусловлена необходимостью расширить границы ценностно-политического дискурса за счет тех событий, которые напрямую не связаны с политикой, но могут интерпретироваться в политическом ключе. Потребность во введении ценностно-политических триггеров обусловлена необходимостью описать природу ассоциативных связей, возникающих в ценностно-политическом дискурсе, не с позиций редукции значений или установки семантических цепей, а с позиции политической аксиологии. Наконец, потребность во введении ценностно-политических триггеров обусловлена необходимостью уточнения социокогнитивных психологических теорий, с помощью которых Тён ван Дейк пытался проложить путь между ежедневными дискурсивными практиками и самим дискурсом.

Природа ценностно-политических триггеров во многом схожа с природой нодов. Но если ноды активируют семантические связи, то триггеры – оценочные. Возникает вопрос: чем триггер отличается от объекта оценки – уже установившегося лингвистического термина, который давно используется в науке о языке?

Объект оценки должен быть оценен, без оценки мы не имеем права

говорить о чем-либо как о объекте оценки. А ценностно-политический триггер не должен оцениваться. Триггер двигает ассоциативную цепочку по отношению к определенному знаку-моменту, который затем соотносится с ценностно-политической системой.

Так, российский флаг представляет собой яркий пример ценностно-политического триггера. Он может выступить в качестве объекта оценки: например, если дизайнер возьмется оценивать сочетание цветов на триколоре. Однако в случае с Олимпийскими играми он не выступает в качестве субъекта оценки. Он используется для того, чтобы аудитория построила цепочку ассоциативных связей вида: спортсмен – флаг – государство – политика. Вслед за этой цепочкой следует соотнесение ключевых концептов с системой политических ценностей индивида, однако флага среди этих концептов уже не будет. Он нужен исключительно для того, чтобы активировать цепочку ассоциативных связей.

Впрочем, вышенаписанное не означает, что ценностно-политический триггер не может выступать в качестве объекта оценки, разница лишь в том, что тогда он перестанет быть триггером. Упоминание Владимира Путина в СМИ – это триггер, однако самого Путина можно воспринимать и в качестве объекта оценки: хорошего/плохого президента, красивого/некрасивого мужчину и т. д. Однако в случае восприятия Владимира Путина как ценностно-политического триггера индивид будет оценивать не только деятельность конкретного индивида, но и саму политическую систему, а также соответствующие ей ценности, с которыми ассоциируется данный деятель.

Таким образом, триггер находится в двух положениях: оцениваемый триггер уже не является триггером, он становится объектом оценки, а неоцениваемый триггер останется триггером и запустит цепочку ассоциативных связей, в результате чего мы получим оценку индивидом явлений, более широких, чем сам триггер.

Еще одной важной характеристикой ценностно-политического триггера

является его дискурсивность. Триггер функционирует в языке, но направлен от языка к политическому контексту. Это означает, что триггер не может существовать вне политического контекста – иначе оценочные связи просто не смогут выстраиваться. Будучи частью дискурса, ценностно-политический триггер конституируется конкретными акторами в процессе построения и восприятия текстов и конституирует определенную модель социальной действительности в сознании аудитории.

Ценностно-политический триггер ведет читателя к элементам в их постструктуралистском понимании – то есть к полисемичным знакам. Таким образом, ценностно-политический триггер способствует редукции значений элементов с целью превращения их в знаки-моменты, характерные для данного дискурса. Преобразование элементов ведется с помощью установления оценочных связей между элементом и ценностно-политической системой индивида. Флаг России в русскоязычных и украиноязычных СМИ, скорее всего, приведет к тому, что воспринимающая его аудитория установит разные оценочные связи. Произойдет естественное замещение: «Флаг России = Россия».

Ценностно-политический триггер ситуативен, так как его наличие либо отсутствие в тексте диктуется реальной политической обстановкой. Когда Крым присоединяли к России, в историческом журнале «Дилетант» вышел материал, посвященный истории полуострова[70]. Очевидно, что в данном случае Крым выступает в качестве триггера, причем приведенный нами пример ярко иллюстрирует ситуативную обусловленность данного триггера.

Триггер в целом функционирует во всех выделяемых В. А. Сидоровым слоях медийного дискурса – актуальном, историко-культурном и гносеологическом[71]. Природа триггера не позволяет ему быть только ситуативным – в данном случае проявляется актуальный уровень дискурса. Последующая активация ценностных связей приводит к тому, что индивид

[70] История Крыма // Дилетант. URL: http://diletant.ru/articles/20424496/
[71] Сидоров В. А. Публичный дискурс и медиасфера // Медиа накануне постсекулярного мира. С. 30.

апеллирует и к историко-культурному, и к гносеологическому уровням. Триггер, таким образом, направлен вглубь и вширь – к ценностным основаниям функционирования ментальной модели мира каждого индивида.

Ценностно-политический триггер склонен к повторению. Он регулярно встречается в текстах, что способствует его фиксации в сознании индивида и активации последующего сценария. Он должен быть узнаваем, иначе активация не произойдет, и самый простой способ добиться узнаваемости – повторение его не только в рамках одного текста, но и в совокупности текстов различных тематик, порой не относящихся напрямую к самому ценностно-политическому триггеру или вовсе к политике.

Ценностно-политический триггер ограничивает восприятие действительности, подталкивая индивида к интерпретации политического события в особом ключе. Думается, есть смысл говорить о манипулятивном потенциале триггера – его можно использовать для отвлечения внимания от какой-либо проблемы, создавая искусственный «час прочитываемости» – момент прерывания исторической линейности, в который образ обретает голос[72].

Триггер несет в себе не только сам механизм активации определенного оценочного сценария, но и весь сценарий в целом. Триггер – не только сам смысловой узел, но и то, что следует за ним. Потому разбросанные по тексту ценностно-политические триггеры активируют политико-оценочные сценарии, а, скажем, триггеры культуры – культурно-оценочные.

В предыдущем абзаце мы выделили не только характеристику триггеров, но и одно из оснований для их типологии. Другим основанием может считаться первичное значение триггера – то есть, то значение, которое непосредственно связывается с его носителем. Тогда мы сможем сказать, что существуют триггеры-символы, триггеры-персонажи, географические триггеры, триггеры-события и т.д. К триггерам-символам можно отнести российский флаг, к триггерам-персонажам – политических деятелей, к

[72] Беньямин В. О понятии истории // Новое литературное обозрение. 2000, № 7.

географическим триггерам – наименования территорий, к триггерам-событиям – иллюстративные материалы, основанные на проведении аналогий между современностью и историей.

Каждый текст может вмещать в себя сразу несколько разновидностей триггеров. Потому не стоит удивляться, если в тексте о «Евровидении» мы встречаем имя Путина: он наверняка используется в качестве ценностно-политического триггера. Важно другое: триггеры, активирующие сценарии одного оценочного типа, склонны группироваться в одном тексте. Их наличие в тексте не обязательно говорит о сознательной работе журналиста по встраиванию в текст конкретных смысловых узлов. Журналист точно так же испытывает на себе влияние дискурса, потому может интерпретировать события и затем включать в тексты триггеры неосознанно.

Группировка триггеров вокруг конкретных оценочных сценариев приводит к формированию мета-триггеров. Мета-триггеры влияют, будут ли запущены триггеры в сознании каждого конкретного индивида, либо они останутся неактивированными. Мета-триггеры – это триггеры-темы: политика, культура, спорт и т. д. К примеру, некий индивид интересуется песенным конкурсом «Евровидение», но не интересуется политикой. Тогда текст СМИ о политической природе «Евровидения» с большой долей вероятности не вызовет у индивида активации триггеров – оценочные связи в политической области его ментальной модели еще не сформированы.

Принятие концепции триггеров позволит обогатить ценностный анализ новым методом – триггер-анализом. Он представляет собой разновидность контент-анализа, которая сводится к выявлению и анализу использования в тексте повторяемых и актуальных в текущей ситуации триггеров. Выявив конкретные триггеры и связь между ними, мы сможем:

– понять принципы построения текстов на ценностном, а не только на лингвистическом уровне;

– выявить новые манипулятивные техники, используемые для смещения смысловых акцентов;

– установить на теоретическом и эмпирическом уровнях когнитивные связи между социальным миром, функционирующими в нем дискурсами и конкретными языковыми практиками;

– предметное изучение триггеров позволяет строить ценностно-политические модели социальных групп.

Имеет смысл резюмировать сказанное.

Во-первых, понята необходимость объединения различных подходов к интерпретации дискурса в рамках одного комбинированного подхода, функционирующего на микро-, мезо- и макроуровнях. Подобный подход позволит нам в дальнейшем рассмотреть деятельность сетевого сообщества на всех упомянутых уровнях.

Во-вторых, ценностно-политический дискурс описан в терминах конструируемого в нашей работе комбинированного подхода. В частности мы выяснили, что в контексте исследования ценностно-политический дискурс следует понимать как один из результатов социальных практик, оказывающий, в свою очередь, значительное влияние на них. В то же время медиадискурс, хотя и располагается на пересечении социально значимых дискурсов, сам по себе специфичен, поскольку отображает их по своим законам. Доступ к СМИ – привилегия, доступная элитам, поскольку дает возможность формировать дискурс, который будет потреблять аудитория. Потому ценностно-политический дискурс обуславливается идеологически в зависимости от ценностных систем акторов, имеющих доступ к распространению, переработке и последующему тиражированию информации. Таким образом, *ценностно-политический дискурс являет собой совокупность ценностно нагруженных артикуляционных практик, возникающих и совершающихся вокруг отношений власти, доминирования и подчинения, государственной организации общества, политических институтов, норм и принципов.*

В-третьих, ментальные политические модели индивида представляют собой индивидуальные ценностно-политические дискурсы – совокупности

интерпретаций политических фактов, испытывающие влияние социального и исторического контекстов. Данные совокупности можно представить в качестве сетевых структур, в которых некоторые связи не сформированы (либо слабы), а некоторые – укреплены. Обращаясь к СМИ, индивид либо ищет способ укрепить или наладить те связи, которые в его ментальной модели слабы, либо накладывает свою ментальную модель с укрепленными связями на модель, выстраиваемую журналистами, соотнося их.

В-четвертых, мы дополнили наш подход к пониманию дискурса путем разбора теории политического медиапрайминга. Главным в данной теории для нас оказался принцип со-вместной активации – при активации одного нода активируются также ноды, находящиеся рядом с ним. Это привело нас к пониманию того, что в ментальной модели индивида, обращающегося к СМИ, активируется не один смысловой узел, а целая цепочка. В случае с ценностно-политической областью упомянутой модели имеет смысл говорить о разворачивании цепочки ценностно-политических ассоциаций.

В-пятых, концепцией триггеров нами дополнена теория политического медиапрайминга: описаны как сама концепция, так и возможные принципы ее применения в научных исследованиях. Рассмотрев теорию политического медиапрайминга, мы обратили внимание, что для нашего исследования не хватает одной переменной – той, которая, активирует ценностно-политические ассоциативные цепочки. Мы назвали эту переменную «триггером» – *предельно емкой лексемой, заключающей в себе оценочный потенциал.* Активируя оценочные сценарии, триггеры становятся своеобразными «смысловыми крючками», за которые «цепляется» ментальная модель индивида. Естественно, что у каждого индивида свой набор ценностно-политических триггеров, зависящий от его личного опыта, мировоззрения и т. д. Также при этом выделен набор мета-триггеров, который функционирует на уровне сетевых сообществ, осуществляющих совместную интерпретационную деятельность.

Глава II. Сетевые сообщества как неклассические социальные общности

В предыдущей главе мы анализировали механизмы функционирования ценностно-политического дискурса по отношению к индивиду. В данной главе мы сделаем шаг вперед и выйдем на уровень сообществ, являющих собой, как известно, совокупности индивидов, объединяемых общими интересами и потребностями и определенным образом удовлетворяющих их, в том числе в этих же сообществах. Очевидным представляется следующий факт: в корне неверным будет анализ ментальных моделей сообществ путем простого наложения друг на друга ментальных моделей входящих в него индивидов. Сетевое сообщество функционирует по более сложным законам, и чтобы описать его, нам потребуется обратиться к современным социофилософским концепциям сообществ.

Одной из таких концепций – пожалуй, самой важной для нас – будет предложенная итальянским ученым Паоло Вирно концепция сообществ как множеств, лишенных очевидного единства. Эта идея присутствует у многих ученых и специалистов, которые занимались проблемами сообществ – различаются разве что иерархические основания для скрепления сообществ вместе. Рассмотрев разные подходы к описаниям сообществ, мы сможем понять, по каким законам существует сетевое сообщество.

Мы не оставим без внимания и предложенную нами в предыдущей главе концепцию ценностно-политических триггеров. Более того, мы предполагаем, что совместная интерпретация ценностно-политических триггеров со стороны входящих в сообщество индивидов является одним из основных элементов, благодаря которым сообщество существует и не распадается. Иными словами, природа сетевого сообщества сугубо коммуникативна.

Наконец, мы рассмотрим, каким образом происходит политическая интерпретация ценностных триггеров в сетевых сообществах и какие дискурсы поддерживаются этой интерпретацией. Мы покажем, что именно

со-интерпретация удерживает сообщества вместе, опишем процесс ее осуществления и увидим, как за счет нее сообщества подкрепляют сакральный и профанный политические дискурсы.

Безусловно, отправной точкой для нашего размышления будет являться подход к сообществу как к неклассической социальной общности. Понятие неклассической социальной общности широко, и в нашем исследовании нас будет интересовать не только множественный характер социальных связей между индивидами, но и осуществление индивидами некоторых видов совместной деятельности, без которой сообщество невозможно помыслить. Неклассичность сообщества, таким образом, наложит отпечаток как на совместную интерпретацию ценностных триггеров, так и на подкрепление определенных ценностных политических дискурсов, являющихся, с одной стороны, результатами со-интерпретаций, а с другой стороны, оказывающих влияние на последующие со-интерпретации.

2.1. Сетевые сообщества как множества

Итак, мы рассматриваем сетевые сообщества как неклассические социальные общности. В пределах этого представления расположено множество разнообразных концепций и теорий, авторы которых стремятся объяснить, что произошло с сообществами, после чего их стало невозможно причислять к классическим социальным общностям и возникла потребность в рассмотрении совокупностей индивидов с других ракурсов. Конечно, есть необходимость рассмотреть отличия неклассической общности от классической. Первое из них вынесено в название параграфа: сетевое сообщество имеет природу множества.

Нам представляется, что произошло, в первую очередь, изменение самой структуры социума. Сетевое сообщество опирается на технологию, данную в обыденном обличии: когнитивные процессы обеспечиваются интерфейсами, дающими доступ к политическим дискурсам (как справедливо отметил А. Р. Гэллоуэй: «Интерфейс, скорее, внутри объекта, между

эстетической формой “произведения” и более широким историческим и материальным контекстом, в который он погружен»[73]), коммуникативные процессы обнаруживают склонность к редукции транслируемых ими смыслов (отсюда и преобладание чатовой формы общения (короткими сообщениями в реальном времени) над форумной (как правило, более длинными сообщениями с существенной разницей во времени между ними), развитие эмодзи и стикеров (картинок с эмоциями, жестами, популярными персонажами и т. д,, которые используются вместо слов в сообщениях), блочная структура интерфейсов и даже самих текстов, при которой, как следует из названия, интерфейс либо текст делится на функциональные блок, упрощающие восприятие). Вообще, парадоксы часто возникают при попытке описать сообщество нового типа (и сетевое сообщество в частности). Так, описывая коллективную субъективность, Елена Петровская приходит к выводу о том, что ее оборотной стороной выступает деперсонализация[74]. Такая мысль является своеобразным продолжением идеи Паоло Вирно о множестве, которое потеряло единое и стремится заново обрести его – но уже не за счет государства, а за счет «общих способностей, присущих человеческому роду»[75]. Иными словами, многие нуждаются в едином и находят его в том, что присуще каждому из многих.

В целом, сообщества нового типа в современной науке чаще всего описываются именно как множества, стремящиеся обрести единство, но уже не за счет государства, обеспечивающего группу людей категорией «народа», а за счет универсальных человеческих качеств. Несмотря на такое стремление к деполитизации, потеря ориентиров становится важной составляющей при описании неклассических социальных общностей. Эта потеря может выражаться по-разному: например, в виде потери культурных иерархий, которые пытаются восстановиться с помощью иерархии модности,

[73] Гэллоуэй А. Р. Неработающий интерфейс / пер. с англ. // Медиа: между магией и технологией. Под ред. Н. Сосна и К. Федоровой. М., Екатеринбург, 2014. С. 288.
[74] Петровская Е. Безымянные сообщества. М., 2012. С. 31.
[75] Вирно П. Грамматика множества / пер. с ит. М., 2013. С. 17.

на что обратил внимание Джон Сибрук. «Старые различия между высокой культурой аристократии и коммерческой культурой масс были уничтожены»[76], – отмечает он, предлагая оценивать вкус аудитории через категорию «nobrow».

Несмотря на то, что Сибрук пишет о культуре в целом, не отвлекаясь в своем исследовании на политику, мы отметим, что американский автор верно подметил необходимость хотя бы какой-нибудь иерархии, на которую бы опиралось сообщество. Иерархия модности у Сибрука представляет собой ни что иное, как стремление к унификации, преодолению неконтролируемой множественности, приданию стройности ментальной модели коллективного субъекта, ее оформлению как ментальной модели.

Дисперсия индивидуальности ведет к индивидуальности нового типа – коллективного субъекта. Для политического участия коллективный субъект вовсе не бесполезен, бесполезен будет бездействующий коллективный субъект. Потеря классовой иерархии приводит к появлению иерархий нового типа. Наконец, потеря одного действия приводит к замещению его со-действием, осуществляемым в строгой солидарности с другими членами сообщества. Осознав эти явления, мы можем понять, что кажущиеся парадоксы на самом деле являются ими до тех пор, пока мы не проследим появление нового, фигурально выражаясь, на руинах старого. Как только понимается, чем замещается старое, так сообщества перестают казаться дезориентированными коллективными субъектами в поисках политического пути. Понимается, что они осуществляют когнитивную политическую деятельность, руководствуясь выбранными иерархиями, интерпретируя знаки-элементы в рамках сформированных политических дискурсов.

Можно сказать, что сетевые сообщества заняты преодолением своей дисперсности. К примеру, Герберт Малецке отмечал, что у аудитории СМИ «нет ни четкой структуры (она гетерогенна, разнородна), ни организации, ни распределения ролей, ни привычек и традиций, как в первичной группе.

[76] Сибрук Д. Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры / пер. с англ. М., 2013. С. 52.

Дисперсная публика отличается от толпы лишь временным обращением к сообщениям какого-либо СМИ»[77]. Однако Малецке разрабатывал свою концепцию полвека назад, когда не было ни доступных компьютеров, ни Интернета, ни, разумеется, сетевых сообществ. Немецкий ученый застал процесс разрушения старого классического сообщества и описал его, но он не мог знать со стопроцентной уверенностью, что техника сможет дать сообществу пространство для единения (в том числе и политического) даже с его гетерогенностью, а сетевые сообщества обзаведутся собственной организацией (например, администраторами и модераторами на форумах СМИ – по сути упрощенная модель государственного управления) и привычками (например, комментированием политических новостей).

На наш взгляд, наиболее широко и на самом высоком уровне абстракций рассмотрел функционирование современных сообществ французский философ Жан-Люк Нанси. Он рассматривает сообщество как бытие-со-вместно, подмечая, что «сообщество не есть предикат бытия или существования. Добавление или устранение характеристики сообщества ничего не меняет в понятии существования. Сообщество есть просто реальная позиция существования»[78]. И, следовательно, поиск бытия-со-вместно не должен прекращаться, иначе коллективный субъект потеряет коллективность, а вместе с ней и субъективную общность, оставив вместо себя множество субъективностей, которые обязательно вторгнутся в иные сообщества – ведь такова природа общества в целом. Как писал Никлас Луман: «Единство системы общества состоит в одном лишь отграничении от внешнего, оно заключено в форме системы, в дифференциации, непрерывно воспроизводящейся в ходе операций»[79]. Упомянутое отграничение вкупе с замкнутостью социальных операций приводит к тому, что субъект современного общества не может существовать вне собственно общества, которое, в свою очередь, тяготеет к коллективным субъективностям.

[77] Гнатюк О. Л. Основы теории коммуникации. М., 2013. С. 127.
[78] Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество / пер. с фр. М., 2011. С. 147.
[79] Луман Н. Общество общества / пер. с нем. М., 2011. С. 93.

В лумановском смысле Интернет можно назвать современной вершиной технологической социальности. Благодаря безразмерности пространства коммуникаций, Интернет обнаруживает тягу к разделению на сообщества. Более того, само создание и функционирование Интернета обусловлено возросшими коммуникативными потребностями общества, бесконечно плодящего коммуникации – ведь только они в «обществе общества» представляют подлинно социальные операции.

Резюмируя, отметим, что субъект может лишиться одного сообщества, но парадоксальным образом практически не лишается коллективности. Интернет, в понимании Вирно представляющий «общее место»[80], родил и поддерживает коллективные коммуникации, приводящие к воспроизводству коллективных субъектов и оперирующих так называемым «General Intellect» – всеобщим интеллектом. Это подводит нас к мысли о том, что интерпретационные возможности субъекта искусственно ограничены коллективностями: коллективным субъектом и всеобщим интеллектом – результатами навязанных крупными игроками рынка сокращения каналов свободной коммуникации и возможностей, доступных общающимся[81].

Теперь подведем итоги вышесказанному, выделив основные, на наш взгляд, черты сетевых сообществ и описав эти черты.

Сетевые сообщества выступают как множества. Данный тезис представляет собой отправную точку, с которой нужно начинать разговор о сетевых сообществах. Внутренняя множественность сообществ говорит о том, что единство, характерное для сообществ классического типа, не работает в неклассических социальных общностях, к которым относятся и сетевые сообщества. Так, например, в сообществах-множествах уже не работает категория «народности», которая обеспечивается государством. В сетевых сообществах единство достигается путем коллективизации общих человеческих способностей – таких, как, например, язык, который

[80] Вирно П. Указ. соч. С. 41.
[81] Wu T. The Master Switch: The Rise and Fall of Information Empires. N.Y., 2010. P. 113.

испытывает влияние репликативной культуры специфического сетевого пространства[82]. В итоге получаем «всеобщий» интеллект, управляющий сообществом. В отношении сообществ сетевых СМИ дисперсность перестает играть такую же важную роль, какую она играла во времена Г. Малецке, что позволило ученому сравнить аудиторию СМИ с толпой. Дисперсность не исчезла, но она начала нивелироваться стремительно развивающимися интерфейсами[83] – такими, как формы активации пользователя. Написать письмо в газету о понравившемся тексте и написать комментарий под материалом сетевого СМИ – одинаковые процессы с точки зрения формального результата, но технологически и содержательно они будут отличаться. А вслед за ними будут отличаться и собственно результаты.

Получается очередной парадокс: множественность сетевых сообществ заключается в преодолении их множественности за счет единых человеческих универсалий. Однако диалектика такого преодоления и обеспечивает скрепление множества, актуализируя потребности социальных структур (коими, вне всякого сомнения, сообщества и являются) в производстве символически генерализованных коммуникаций.

Множество поддерживается коллективной субъективностью, основным условием которой является деперсонализация[84]. То, что Е. Петровская называла «списыванием через называние», в нашем случае оборачивается снижением количества интерпретационных развилок у конкретного индивида за счет вовлечения его в конкретный ценностно-политический дискурс.

Ограничения, о которых мы говорим, зависят в первую очередь от ограничений коллективного («всеобщего») интеллекта. П. Вирно отмечал, что множество состоит из сети индивидов[85], но для того чтобы сеть не

[82] Кронгауз М. А. Мем в русскоязычном Интернете: опыт деконструкции // Русский язык и новые технологии / Сост. Г. Ч. Гусейнов, под ред. М. В. Ахметовой, В. И. Беликова. М., 2014. URL: http://www.nlobooks.ru/node/5140
[83] Гэллоуэй А. Р. Указ. соч. С. 272.
[84] Петровская Е. Указ. соч. С. 35.
[85] Вирно П. Указ. соч. С. 75.

распалась, необходимо нечто большее, чем наличие простой связи с помощью, к примеру, формы для комментариев. Если бы дело обстояло таким образом, то нам бы пришлось вновь вернуться на полвека назад, чтобы принять за данность концепцию дисперсной аудитории Г. Малецке.

На деле же связи между индивидами настолько сильны, что приводят к образованию принципиально иного типа со-вместного бытия, о котором мы поговорим чуть позже.

Думается, что множественность сетевых сообществ неспроста можно считать отправной точкой в понимании их сути. Сущность сетевых сообществ диалектична и амбивалентна: то есть, являет собой единство и борьбу противоположностей (выражаемых категориями «единого» и «многого»), а также за счет своей природы изменяет интерпретационные возможности индивида, сама меняясь при этом.

Наконец, сетевое множество в полной мере реализует черту, которую П. Вирно назвал «отсутствием собственного дома»[86]. Если народ такой дом имеет (свое государство), то дом сетевого сообщества представляет собой общее место – Интернет. Отсутствие собственного дома, в свою очередь, – это отсутствие приватности и, в политическом смысле, суверенитета. Тяга к общему месту в социальном аспекте означает тягу к деперсонализации, к коллективному субъекту и к единству в рамках множественности, обеспечиваемому коллективным («всеобщим») интеллектом.

Онтологический аспект существования сетевых сообществ может быть описан следующим определением: *сетевое сообщество – это реальная позиция существования, актуализированная за счет бытия-со-вместно*[87].

Реальность позиции существования сообщества, которое принято называть виртуальным, может показаться парадоксальной и кому-то, возможно, даже абсурдной. Однако в этом моменте мы придерживаемся позиции, согласно которой рассматривать Интернет в качестве отдельной от

[86] Вирно П. Указ. соч. С. 36.

[87] Стоит подчеркнуть, что данное определение затрагивает исключительно онтологический аспект изучения сетевых сообществ и не является единым и единственным определением сетевых сообществ.

реальности виртуальности в корне неверно, поскольку виртуальность является своеобразным отражением социальной деятельности людей – неточной копией, но сохраняющей важнейшие черты социальных интеракций.

Бытие-со-вместно, в свою очередь, которое уже опосредованно затрагивалось нами, становится возможным тогда и только тогда, когда работает коллективный («всеобщий») интеллект который, в свою очередь, не может работать без интеллектов конкретных индивидов, и, далее, оказывает влияние на индивидов, входящих в коллективный субъект (в результате чего получается своеобразная двусторонняя интерпелляция, ведь, в отличие от Альтюссера мы не сводим субъекта исключительно к эффекту от идеологии)[88]. Бытие-со-вместно, в свою очередь, определяет природу всех действий сообщества – как направленных во внешнюю (например, политическую) по отношению к сообществу среду, так и направленных на осуществление деятельности внутри сообщества. Таким образом, мы можем говорить, например, о со-понимании или со-интерпретации политических фактов.

Впрочем, далеко не каждый процесс может быть расценен как совместный. Например, процесс политической оценки может рассматриваться и как со-оценка, и как выведенный за пределы ментальной модели коллективного субъекта. В большинстве случаев, полагаем мы, не обойтись без точечных эмпирических исследований. Особенно это относится применительно к крупным общественно-политическим сетевым СМИ, которые собирают сотни комментариев к своим материалам.

Чем более крупное и чем менее идеологизированное СМИ мы рассматриваем, тем больше вероятность диверсификации предлагаемых политических оценок. И наоборот – скажем, в небольшом СМИ национальной диаспоры вероятность диверсификации политических оценок

[88] Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) / пер. с фр. // Неприкосновенный запас, №3 (77). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html

меньше, особенно в тех вопросах, которые касаются самой национальности. Если в первом случае вокруг СМИ формируется сообщество нового типа, то во втором еще сильна ориентация на единство через этнос – то есть, на сообщество старого типа. И в целом, эти сообщества будут разными: начиная от общих онтологических моментов, обеспечивающих их единство, и заканчивая вероятностью появления в них специфических феноменов – таких, как принцип Майнота, согласно которому чем крупнее СМИ, тем более оно заинтересовано в освещении масштабных политических явлений при замалчивании точек зрения меньшинств. Этот принцип назван так в честь городка Майнота в США, где в 2002 году поезд, перевозивший химические материалы, сошел с рельсов. Пострадали 1600 человек, 1 человек погиб, и при этом местные радиостанции умолчали о катастрофе, поскольку передавали в эфир новости, предоставленным им собственником – крупной национальной корпорацией[89].

Бытие-со-вместно предполагает существование как присутствие к-себе[90] – в этом плане Нанси лишает сообщество экспозиционности как своеобразного «броска наружу». При показной открытости сообщества-множества существуют лишь затем, чтобы захватить пространство, предоставленное ему, или, выражаясь языком Нанси, «рас-пространить» себя и раскрыть его самому себе[91]. Это позволяет понять, почему история (а журналистика, к слову, неспроста иногда называется «историей современности») «никогда не понималась как сумма индивидуальных историй, а всегда – как подлинный и единый модус общей экзистенции, которая сама есть подлинный модус экзистенции»[92]. Нанси утверждает, что история (в том числе и «история современности», и даже «политическая история современности», дополним мы) пишется сообществами, а не отдельными индивидами. Следовательно, со-интерпретация политических

[89] Кин Д. Демократия и декаданс медиа / пер с англ. М., 2015. С. 208.
[90] Нанси Ж.-Л. Указ. соч. С. 151.
[91] Там же. С. 186.
[92] Там же.

фактов, характерная для расширяющегося сообщества, будет стоять выше сугубо частной индивидуальной интерпретации. Сообщество «поглощает» индивида и закрывает его в себе, делая его своей частью и заставляя работать на себя. Иными словами, по отношению к индивиду сообщество гегемонично.

Такая природа сообщества подводит нас к следующему тезису: *крупные сетевые сообщества (например, сообщества крупных сетевых СМИ) носят скорее закрытый, чем открытый характер*.

Это утверждение может показаться парадоксальным, однако, как справедливо отметил Джон Кин: «архитектура открытого доступа, свойственная насыщенным медиа политическим структурам, компрометируется ее дроблением на закрытые зоны, которые, по сути, не позволяют гражданам свободно бродить по выбранным ими сайтам, подолгу задерживаясь на них»[93].

В самом деле, мы вновь наблюдаем единство и борьбу противоположностей: с одной стороны, внешняя открытость дает индивиду ощущение свободы; с другой – весь процесс его приобщения к сетевому сообществу загнан в узкие паттерны потребительских (в том числе и по отношению к политике) шаблонов. Чтобы попасть в сообщество, нужно для начала обзавестись специальным техническим средством, количество производителей которых весьма ограничено, затем подключиться к Интернету, что тоже можно сделать немногими способами, а после – искать свободное время и необходимый ресурс, в чье сообщество попасть. В общем, «олигополия приводит к рыночной цензуре мнений граждан и одновременно форм коммуникации, которые признаются невыгодными или не соответствующими рыночным интересам крупных фирм»[94].

Ключевым инструментом, способствующим закрытости сообществ, является время. Абзацем выше мы, ссылаясь на Ж.-Л. Нанси утверждали, что

[93] Кин Д. Указ. соч. С. 189-190.
[94] Там же. С. 208.

сообщество исторично, поскольку распространяется и раскрывается самому себе. Однако в случае с сообществами сетевых СМИ (да и большинства сетевых сообществ в целом) нужно учитывать их досуговую форму. Досуговость, в свою очередь, невозможно воспринимать не просто вне категории времени, но вне социальной категории «свободного времени». Немногие пользуются крупными общественно-политическими СМИ по работе, и те, кто делает это, скорее всего, принадлежат к числу символических элит: журналистов, ученых, преподавателей и т. д. Основная же масса потребителей (и, следовательно, сообществ-множеств) уделяет СМИ свое свободное время, за которое и борются элиты. Поскольку количество свободного времени ограничено, а киберпространство – нет, то сообщества автоматически замыкаются на конкретный ресурс и в дальнейшем закрываются, работая на вход, но не на выход. Выходит, что восприятие политической информации становится досуговой потребностью, причем потребностью, которая крайне редко приводит к конкретному внесетевому действию, о чем мы расскажем позже.

Диссонанс между ограниченностью «кибер-времени» и неограниченностью киберпространства приводит к еще одному явлению, которое, в свою очередь, служит отправной точкой для формирования закрытости сообщества. Речь идет об информационной перегрузке, которую Франко Берарди назвал «социокоммуникационной эпидемией»[95], выведя ее, тем самым, в плоскость патологий или, если быть совсем точным, психопатологий. Некоторые исследователи соглашаются с ним, выставляя в не лучшем свете сетевые общности в целом: «Мы поддаемся давлению, побуждающему нас категоризировать данные, и включаемся в рои “коллективного интеллекта”. Пожертвуйте свою мудрость толпам. Сайты показывают списки “самых читаемых” ссылок и сообщают, что думали и покупали пользователи, похожие на вас. Поразителен не сам поток мнений,

[95] BerardiF. Precarious Rhapsody. Semiocapitalism and the Pathologies of the Post-Alpha Generation. London. P. 44.

как однажды назвал это Бодрийяр, сколько возможность наслаждаться сходством с другими»[96].

Автор вышеприведенной цитаты Г. Ловинк полагает, что информационная перегрузка должна лечиться самовольной аскезой – своеобразным «даунгрейдом», заключающемся в искусственном сокращении времени, которое тратится на использование технологий. Сообщества, тем временем, живут своей жизнью, которая вовлечена в капитализацию нематериальностей, контролируемую корпорациями и политическими элитами. Ловинк во многом наивен, поскольку полагает, что повышение медиаграмотности спасет нас от информационной перегрузки, но поток информации извне не будет прекращаться – этого не допустят элиты, поддерживающие капитализм как общественно-политическую формацию, идеологию либерализма и демократию.

Сокращение использования технологий со временем будет все более тяжелым, поскольку сети теперь пронизывают слишком много сфер социальной жизни. Сетевые технологии не только утилитарны, но и модны; сообщества полностью вписались в культуру «ноубрау» с ее иерархией модности: достаточно посмотреть хотя бы на данные, свидетельствующие о продажах новых версий современных устройств – например, iPhone. Сокращение технологий извне противоречит идеологии либерализма, сокращение технологий от человека противоречит идеологии «ноубрау».

И все же было бы неверным говорить о том, что сообщества никак не реагируют на информационные перегрузки. Все-таки сообщества состоят из индивидов, которым не чужд инстинкт самосохранения. На наш взгляд, именно закрытость сообщества становится такой защитой от нарастающего потока информации.

Впрочем, эту защиту трудно назвать идеальной. Она родилась естественно, в результате капиталистической борьбы за ценный ресурс,

[96] Ловинк Г. Психопатология информационной перегрузки / пер. с англ. // Медиа: между магией и технологией / Под ред. Н. Сосна и К. Федоровой. М., Екатеринбург, 2014. С. 234.

которым обладает каждый, входящий в Интернет, – свободное время. Медиаимперии стремились расширяться таким образом, чтобы пользователь отдавал свое свободное время именно им, наращивая количество форм активации и даже давая пользователям мнимую символическую власть в виде возможности самим генерировать контент и ощущать себя политическим актором. Пользователь, проводящий все свободное время на одном сайте, безусловно, будет защищен от информационной перегрузки, но автоматически окажется вовлечен в один дискурс, диктующий ему условия для интерпретации триггеров. От индивидов «скрывается реальность их собственной беспомощности»[97]. Вряд ли такой результат можно назвать победой.

Сообщество, организованное по принципу «впускать и не выпускать», навязывает свой дискурс (свои дискурсы). И, хотя оно имеет дело с теми же ценностно-политическими триггерами, что и другие схожие с ним сообщества, оно претендует на монополизацию интерпретаций этих триггеров или, иными словами, на монополизацию значений элементов, находящихся в области дискурсивности и еще не обладающими твердыми назначенными характеристиками, а в широком смысле – и на монополизацию ценностной системы индивида.

Таким образом, закрытость сообщества – не парадокс и не патология, а реакция на патологию, идеологически обоснованная и являющаяся своеобразным «лекарством» с большим количеством побочных эффектов. Выходит, Ловинк прав в том, что касается необходимой для вовлечения в сообщество медиаграмотности: грамотный пользователь сможет и оградить себя от лишней политической информации, навязанной сверху, и ориентироваться внутри «всеобщего интеллекта», осознавая свою роль в нем. Аскеза же остается далекой перспективой, которая видится тем более туманной, чем более утверждаются ценности рыночного общества.

Отметим, что мы не пытаемся выставить капитализм как общественно-

[97] Herman E.S., Chomsky N. Manufacturing Consent: A Propaganda Model. NewYork, 1988. P. 57.

политическую формацию в исключительно неприглядном свете. Капитализм является установленной данностью, развитой и развивающейся, которая в настоящее время пронизывает все сферы мировой политической системы, имея свои достоинства и недостатки. Закрытость сообщества, ограничение паттернов поведения потребителя и, в целом, рассмотрение индивида на уровне потребителя/пользователя являются важными результатами работы (пускай зачастую неочевидной для самих потребителей) капитализма на технологическом рынке.

Резюмируем сказанное в параграфе. Сетевое сообщество в целом и сообщество сетевого СМИ в частности будут обладать следующими характеристиками:

– множественность. Это основная характеристика подобного рода сообществ, в которых сама утрата единства (которое ранее могло создаваться государством) становится отправной точкой для поиска новых объединяющих механизмов;

– реальность. Сообщество сетевого СМИ может казаться сколь угодно абстрактной конструкцией, однако оно не менее реально, чем технологии, которые вовлекают и удерживают индивидов в сети, или сами индивиды, а также политика (о чем мы писали в параграфе 1.3);

– бытие-со-вместно. Специфический тип бытия, реализуемый в сообществах. Он «настроен» на поддержку связей ментальных моделей индивидов и удержанию их в пределах всеобщего интеллекта – то есть, ментальной модели сообщества. Сообщество, не способное поддерживать со-вместность с помощью со-вместных процессов (например, социокогнитивных), распадается;

– открытость на вход, закрытость на выход. Этот тезис вовсе не означает, что из сообщества нельзя выйти. Однако, если по направлению «на вход» подавляющее большинство сообществ реализует стратегию открытости, то, получив аудиторию, стратегии работы с индивидами, составляющими сообщество, меняются на удержание. Подобный диссонанс

характерен не только для сообществ, но и для капиталистической реальности в целом, навязывающей уже не индивиду, но потребителю определенные паттерны поведения. Мы покупаем ноутбуки, создаваемые технологическими элитами, чтобы зайти на сайты и читать новости, создаваемые символическими элитами. Совокупность таких форм воздействия Т. ван Дейк отнес к когнитивным аспектам контроля: «Посредством особого доступа и контроля над средствами публичного дискурса и коммуникации доминирующие группы или институты могут воздействовать на структуры дискурса таким образом, что в результате знания, убеждения, нормы, ценности и идеология реципиентов – прямо или косвенно – формируются в интересах доминирующей группы»[98]. Сообщество просто не может быть открытым на выход, несмотря на тот факт, что ни один индивид не удерживается в нем насильно. При наличии сопротивления со стороны индивида оно будет сопротивляться этому сопротивлению – в этом и заключается одна из сторон закрытости сообщества. Вторая сторона также упоминалась нами: при внешней открытости интерфейсов, дизайна и т. д. пользователь зачастую не имеет представления о том, каким образом работает сайт с технологической стороны, каким образом обеспечивается финансирование издания, каким образом политическая информация собирается, обрабатывается и доходит до самого пользователя. Можно возразить, что знание подобной информации необязательно, однако не стоит забывать, что подобные белые пятна могут играть важную роль при реализации стратегий политического убеждения: достаточно показаться грамотным в вопросе, в котором индивид имеет пробелы, – и шансы на успех переубеждения человека заметно увеличиваются (более подробно мы писали об этом в первой главе настоящего исследования, когда рассматривали «белые пятна» ментальных моделей аудитории»).

Из приведенных выше черт, характерных для сетевых сообществ, пристального внимания заслуживают две: преодоление множественности в

[98] Дейк Т. ван. Указ. соч. С. 89.

множестве и со-процессы, обеспечивающие бытие-со-вместно. Остановимся на них подробнее, сделав упор на процессы со-интерпретации и со-оценки.

2.2. Преодоление множественности за счет со-вместной ценностной интерпретации триггеров

В предыдущем параграфе мы рассмотрели функционирование сообщества как множества, являющего собой реальную позицию существования, реализующего бытие-со-вместно, открытого на вход и закрытого на выход. Теперь настало время углубиться в некоторые аспекты функционирования сообщества. В частности, нас интересуют когнитивные процессы, с помощью которых в сообществе сетевых СМИ реализуется согласие.

Напомним, что А. Грамши воспринимал гегемонию как производство согласия в ущерб реальным интересам людей[99]. Теория Грамши, хотя и с некоторыми изменениями, по-прежнему остается популярной среди современных социологов и политологов. Воспользуемся ею и мы, скорректировав с учетом времени и предмета исследования: сначала на грамматическом уровне, затем и на понятийном.

Любое сетевое сообщество гегемонично – это следует хотя бы из дисбаланса между открытостью и закрытостью в нем. Политические и символические элиты не просто управляют сообществом, они реализуют стратегии – «дорожные» карты, которые позволяют индивиду отыскать путь к собственно сообществу. Далее начинаются стратегии удержания, в число которых входит и производство политического со-гласия.

Сообщества сетевых СМИ соответствуют этому утверждению, как немногие другие. Ведь сама деятельность СМИ носит комплексный характер: в нее вплетены и финансовый, и когнитивный, и эстетический, и многие другие аспекты. Многоаспектна и журналистская деятельность, яркой иллюстрацией чему служит теория социальных ролей журналистики

[99] Грамши А. Указ. соч. С. 64.

С. Г. Корконосенко[100].

Мы изменили грамшианское «согласие» на «со-гласие» для того, чтобы подчеркнуть изменившееся определение термина. На наш взгляд, в сообществах крупных сетевых СМИ нет смысла говорить о политическом согласии. Это утверждение в равной степени относится как, например, к крупному общественно-политическому СМИ, так и, скажем, к крупному спортивному СМИ (в наше время спорт снова политизируется). Мы полагаем, что при достижении «критической массы» аудитории сообщество сетевого СМИ перестает производить политическое согласие и начинает производить политическое со-гласие.

Чтобы четче проследить разницу между согласием и со-гласием, рассмотрим следующий пример. На сайте крупного спортивного сетевого СМИ происходит обсуждение матча. Болельщики условно делятся на три группы: болельщики одной команды, болельщики другой команды и нейтральные болельщики. Ни о каком производстве согласия в данном контексте речи быть не может: болельщики спорят друг с другом, поддерживают свою команду, зачастую не слышат аргументов противоположной стороны.

Этот пример легко переносится в политическую плоскость России – сегодня можно говорить о противоборстве двух крупных ценностно-политических дискурсов: условно-либерального и условно-консервативного (мы говорим об их условности, поскольку далее намерены показать их природу не через призму идеологий, а через призму когнитивных процессов, определяющих политическое сознание). На сайте крупного общественно-политического СМИ происходит обсуждение, скажем, санкций. Если СМИ изначально не подчеркивает своей оппозиционности (либо, напротив, близости к власти), то можно предположить, что обсуждение, скорее всего, будет вестись вокруг противопоставления России и остального мира. Разные политические дискурсы, в которых оперируют индивиды, могут в данном

[100] См. Корконосенко С. Г. Основы журналистики. М., 2001.

случае стать основанием для непреодолимых разногласий. При столкновении противоборствующих дискурсов в СМИ речь уже не идет о создании согласия, но при этом сообщество не перестает быть сообществом. Скажем, отколовшееся от издания «Лента.ру» сообщество в социальной сети «Вконтакте» под названием «Лентач» объединяет (на момент написания текста) более 1 300 000 пользователей. Несмотря на то, что «Лентач» прославился за счет критики социально-политической ситуации в России, в своих новостях (особенно в новостных подборках) этот информационный ресурс тяготеет к нейтральному стилю изложения, в то же время регулярно критикует сообщения из оппозиционного дискурса. Сейчас же большую часть контента сообщества составляют посты, сконструированные по принципу «краткий комментарий редактора + картинка юмористической направленности + ссылка на внешнее издание»[101], причем внешние издания могут принадлежать как к консервативному, так и к оппозиционному лагерю. В результате со-вместной интерпретации получаемой информации пользователями в комментариях появляются диаметрально противоположные точки зрения на одно и то же событие (даже если оно изначально интерпретировано редакцией сообщества). К примеру, в комментариях к новости о давке, возникшей в Уфе на бесплатной раздаче напитка «Кока-кола»[102], можно встретить сообщения в диапазоне от: «Как же противно, что так часто мелькает мой город с такими новостями… Дно»[103] до «Как будто в других странах такого нет»[104]. Почему так происходит?

Ответ на этот вопрос кроется в том, что вместо политического «согласия» сообщества производят политическое «со-гласие». Образно выражаясь, со-гласие – это не всегда стройный хор голосов, обеспечивающий жизнь сообществу. Оно опирается на саму природу Интернета, которая

[101] Нетрудно заметить, что в эпоху социальных сетей каждая крупная трагедия разделяет общество на две группы: сочувствующие и злорадствующие. / Лентач. URL: https://vk.com/wall-29534144_5207920
[102] Праздник к нам приходит, а у нас всё по-старому. / Лентач. URL: https://vk.com/wall-29534144_5207341
[103] Праздник к нам приходит, а у нас всё по-старому. / Лентач. URL:https://vk.com/wall-29534144_5207341?reply=5207380
[104] Праздник к нам приходит, а у нас всё по-старому. / Лентач. URL: https://vk.com/wall-29534144_5207341?reply=5207382

строится на простой аксиоме: активный пользователь – замеченный и экономически (и политически – добавим мы) осмысленный пользователь[105].

Правда такова, что аудитория, которая не проявляет себя, остается лишь цифрой на счетчике количества переходов. Обеспечение аудитории формами активации (такими, как форма для написания комментариев или возможность репоста понравившейся статьи на свою страницу в социальной сети, например) – не столько забота о потребностях аудитории, сколько первый шаг на пути к созданию сообщества. Введение форм активации пользователя сродни обретению дара речи, который затем будет поддерживать сообщество. Без форм активации журналисты будут иметь представление только об элитарной части сообщества, в то время как наиболее массовая останется незамеченной ими.

Появление форм активации дает аудитории право говорить. Сообщество не может функционировать без коммуникации. Без коммуникации сообщество будет аннигилировано нарастающей дисперсностью аудитории – разобщенность победит, если не будут предприняты попытки преодолеть ее.

И если для небольших СМИ политическое согласие все еще играет заметную роль, поскольку оно обеспечивает, например, лояльность, то после достижения определенной планки, аудитория начинает становиться все более разнородной, и удерживать ее в рамках только политического согласия уже не получается. Дисперсность перестает преодолеваться согласием и начинает преодолеваться политическим со-гласием.

Политическое со-гласие в нашем понимании – это многоголосье, которое слышно на определенном участке киберпространства в определенный промежуток «киберврeмени» в результате со-вместной интерпретации политической информации членами сетевого сообщества. Говоря чуть иначе, политическое со-гласие в сетевых СМИ – это со-вместное

[105] Сколько стоит активный пользователь? // Хабрахабр. URL: https://habrahabr.ru/company/mbt/blog/175081/

использование форм активации в рамках сообщества сетевого СМИ, которое производит не одну точку зрения по поводу получаемой политической информации в рамках не одного дискурса. Политическое со-гласие возникает не там, где существует и доминирует только один ценностно-политический дискурс, а там, где сталкиваются противоборствующие ценностно-политические дискурсы. Именно поэтому на политическое со-гласие ориентированы, прежде всего, крупные СМИ – именно они охватывают сразу несколько ценностно-политических дискурсов, отчего вероятность столкновения противоположных интерпретаций повышается. Для политического со-гласия не требуется унисон, оно может реализовываться и диссонансом, о котором В. В. Дементьев сказал следующее: «По всей видимости, русской культуре свойственен более спокойный взгляд на (прямой) диссонанс»[106].

Результатом политического со-гласия является «шумиха». Шумиха далеко не всегда способствует искажению коммуникации, поэтому неверно называть ее шумом. Шумиха обеспечивает политическому факту, событию либо явлению дополнительное текстовое сопровождение, позволяет индивиду приобщиться к политическому факту, событию либо явлению через коллективный («всеобщий») интеллект.

Со-гласие, впрочем, может и не означать непрерывный конфликт. Скорее, со-гласие вбирает в себя и согласие, и конфликт. Как отмечал П. Вирно: «Эмоциональная ситуация, кроме того, что она присутствует всегда и одновременно, также всегда амбивалентна. Таким образом, она может проявляться как в качестве молчаливого согласия, так и в качестве конфликта, иметь сходство как с покорностью, так и с критическим беспокойством»[107]. Можем добавить, что политическое со-гласие – это протяженная во времени совокупность эмоциональных состояний сообщества, вызываемая политическими фактами, событиями и явлениями и

[106] Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры. Категория персональности в лексике и прагматике. М., 2013. С. 237.
[107] Вирно П. Указ. соч. С. 103.

выражаемая коммуникативно.

Резюмируя вышесказанное, выделим основные черты политического со-гласия:

– оно выражается коммуникативно с помощью форм активации аудитории;

– оно рождается на стыке противоборствующих ценностно-политических дискурсов по достижении критической массы аудитории, интерпретирующих политические события с помощью этих дискурсов;

– оно включает в себя как согласие в грамшианском понимании (единство мнений, к которому приводят аудиторию символические элиты), так и конфликт (борьбу дискурсов за установление истинно верного значения многозначного элемента, находящегося в области дискурсивности);

– результатом политического со-гласия является «шумиха» («hype»), которая дает возможность приобщения к политическому факту, событию либо явлению за символическую (в данном случае действительно символическую – опирающуюся на символы) «плату» в виде дополнительного текста, сопровождающего прочитанное, увиденное или услышанное (в случае, если пользователь оставляет комментарий) либо в виде ретрансляции исходного текста (в случае, если пользователь делает репост);

– стратегический аспект установления политического со-гласия в сообществе заключается в преодолении дисперсности аудитории. То, что Г. Малецке сравнивал с толпой, с помощью со-гласия эволюционирует в общность с более развитыми когнитивными навыками, способную не просто бездумно потреблять и, при случае, мигрировать, но и заниматься производством политического контента. Пусть этот контент зачастую направляется исключительно на поддержание жизни сообщества, но, тем не менее, такую эволюцию можно назвать шагом вперед.

Однако производство со-гласия – лишь одна из когнитивных характеристик, присущих сообществу. Рассмотрим остальные.

Со-гласие возникает там, где существует иерархия. Уже упомянутый нами Д. Сибрук сделал попытку создания культуры вне иерархий и, видимо, осознав свою ошибку, все же ввел одну иерархию в отношении современной массовой культуры. Ею стала иерархия модности[108].

По мнению В. В. Ильина, «уточняя Вебера, можно сказать: мы являемся людьми, постольку-поскольку одарены способностью и волей занимать индивидуальное отношение к миру и придавать ему личностный смысл»[109]. Замечание, безусловно, верное, но, оказавшись внутри сообщества (и проживая бытие-со-вместно) понимаешь, что и оно требует уточнения. Количество личностных смыслов ограничено социальными общностями. Социализируясь, индивид в какой-то степени теряет часть своего индивидуального отношения к миру, заменяя его общественной частью. Некоторые формы активации в сетевых СМИ являются яркой иллюстрацией этого: скажем, возможность оценить комментарий или журналистский текст, нажав на иконки «плюс» или «минус». Оставляя для пользователя возможность выразить свою индивидуальность, редакции, тем не менее, оставляют и другую возможность: молчаливо поддержать или не поддержать текст, влиться в ряды поставивших «плюсы» и «минусы» без объяснений. В этом процессе присутствуют черты индивидуальности, но индивидуальности множественной, направленной вовне – на сообщество и контролируемой, соответственно, самим сообществом.

Впрочем, само наличие категории отношения (неважно, индивидуальное ли оно, индивидуально-коллективное или коллективное) среди общечеловеческих характеристик говорит нам о многом. Прежде всего, оно показывает, почему Сибрук не смог обойтись без иерархий: иерархии есть ни что иное, как структурированные политические отношения власти и подчинения, способствующие различению, категоризации и установке отношений с элементами из области дискурсивности. Иерархии

[108] Сибрук Д. Указ. соч. С. 18.
[109] Ильин В. В. Аксиология. М., 2005. С. 56.

структурируют действительность, и, как заметил П. Бурдье, служат инструментом «легитимации господствующего порядка с помощью установления различий»[110].

Когда мы говорим о сообществах, то обратим внимание не столько на индивидуальные иерархии, сколько на коллективные. Индивидуальные иерархии – это то, что приводит индивида к сообществу, в то время как коллективные иерархии направлены на поддержание интеграции индивида в сообщество (и менее масштабные общности, функционирующие внутри сообщества) и, соответственно, на жизнь самого сообщества.

Коллективные иерархии оказывают воздействие на когнитивные способности и журналиста, и редактора, и их аудитории. Сообщество не может сформироваться вне иерархий, поскольку именно они выступают в качестве своеобразного костяка для формирования социальной общности. Продолжая аналогию, если формы активации – это речевой аппарат сообщества, то коллективные иерархии – его скелет.

Иерархии часто связывают с ценностями, но мы считаем, что данные понятия нужно разделять, несмотря на их очевидную связь. Необходимость такого разделения обусловлена, в первую очередь, более общим характером иерархий. Например, представители аудитории сетевого СМИ могут считать, что издание должно больше писать о политике, но при этом оперировать разными политическими ценностями и, как следствие, разными политическими дискурсами.

Другими словами, коллективные общие иерархии влияют на то, какие ценностно-политические триггеры будут появляться в текстах издания, а коллективные ценностные иерархии – на то, как их будут интерпретировать.

Интерпретация, к слову, является еще одним важным моментом в когнитивной жизни сообщества сетевого СМИ. Все члены сообщества сетевого СМИ имеют дело с информацией, которую им приходится обрабатывать. Даже читатель, к которому информация попадает в

[110] Бурдье П. Социология социального пространства / пер. с фр. СПб., 2014. С. 91.

обработанном виде, не сможет не соотнести ее со своей ценностной системой, тем самым интерпретируя полученную информацию.

Мы полагаем, что в сообществах-множествах (и сообществах сетевых СМИ в частности) реализуется своеобразная форма интерпретации, которую мы назовем со-интерпретация. Со-интерпретация – это когнитивная характеристика бытия со-вместно, которая позволяет организовывать со-гласие в сообществе. Еще раз подчеркнем, что со-гласие не всегда является согласием, потому интерпретации не всегда должны совпадать. Различие интерпретаций может привести к открытому конфликту, но порождает политическое со-гласие, которое приведет к «шумихе».

Для того чтобы понять, чем является со-интерпретация, нам нужно указать, что именно интерпретируется. В соответствии с концепцией, разработанной нами в первой главе, интерпретации подвергаются ценностно-политические триггеры, внедренные в текст. Поскольку триггеры обращены как к тексту, так и к контексту, интерпретируется не только внутритекстовая реальность, а сам ценностно-политический дискурс, в который помещается текст – и вместе с дискурсом интерпретации подвергается сама реальность.

Введение в текст ценностно-политических триггеров – необходимое условие для возникновения интерпретации, поскольку триггер не является знаком с уже определенным значением. Напротив, триггер может быть интерпретирован по-разному в разных дискурсах. Именно поэтому введение его в текст позволяет не столько установить точки связи текста с контекстом, сколько вывести читающего в область дискурсивности, где функционируют все элементы.

Вначале элемент-триггер оценивается с точки зрения общей иерархии. В этот момент происходит оценка самой потребности в интерпретации. И если в результате этой оценки индивид (сообщество) приходит к выводу о необходимости интерпретации, то она начинается.

Ценностные связи, образующие ценностный дискурс индивида, активируются, и начинается процесс придания триггеру значения. Кажется,

что в этом отношении индивид свободен, однако его свобода относительна. На деле количество значений, которые можно придать тому или иному элементу, ограничено даже с учетом эмотивного компонента. Выходит, что вероятность сходства оценок и означивания одного элемента разными индивидами повышается.

Теперь представим себе, что аудитория некоего крупного сетевого СМИ читает один и тот же текст. Соответственно, триггеры, расположенные в тексте, будут одинаковы для всех. По итогам прочтения часть аудитории оставит комментарии, часть поставит «лайки», кто-то не сделает ничего. Но, вступая в интерпретационные отношения с триггерами текста, все сообщество в целом будет реализовывать процесс со-интерпретации. Как и в случае с со-гласием, со-интерпретация не означает тождественность конечного результата. И в то же время, количество конечных результатов будет ограничено дискурсами, в рамках которых ведется интерпретация. Поэтому мы считаем, что есть смысл говорить о со-интерпретации как о множестве разных путей, которыми индивиды внутри сообщества приходят к ограниченному набору результатов.

Не забудем, что в текст может быть включено несколько разных триггеров (собственно, так зачастую и происходит), поэтому вариации для соинтепретации значительно увеличиваются. Однако при этом количество конечных результатов увеличивается не пропорционально количеству триггеров. Объясняется это просто: триггеры интерпретируются в рамках дискурсов, количество которых ограничено. А количество дискурсов, в свою очередь, ограничивается со-интерпретацией триггеров в рамках сообществ.

Представим описанное в виде схемы (Рис. 2), отображающей модель когнитивных механизмов, функционирующих внутри сообщества. Желтым на схеме отмечен уровень текста, зеленым – уровень иерархий. Как только индивид воспринимает текст и расположенные в нем триггеры, начинается процесс сверки с иерархическими шкалами. Любая стрелка на «зеленом» уровне может прерваться, если не пройдет этот процесс. Совокупность

интерпретаций как процессов образует со-интерпретацию, результатом которой является получение со-гласия и, как следствие, шумихи.

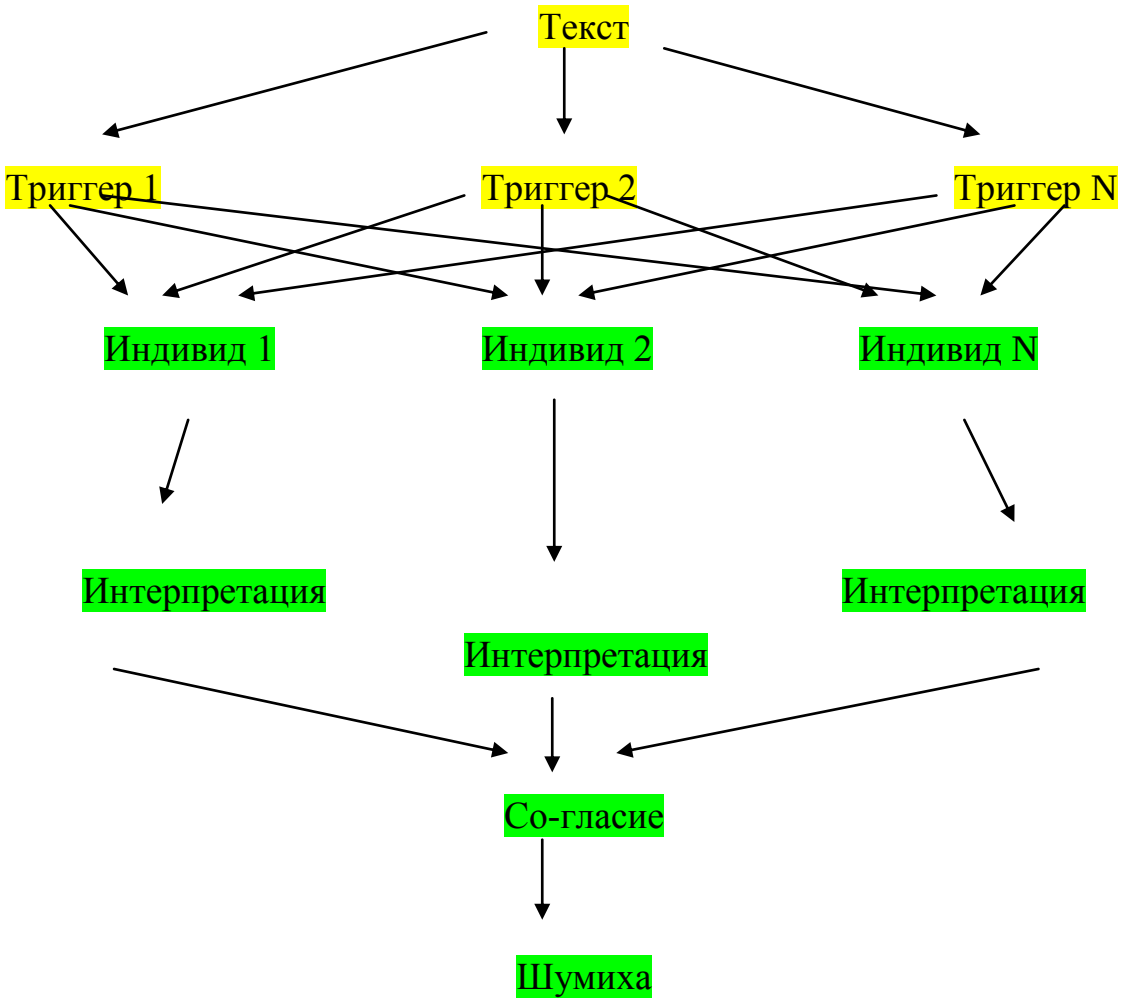

Рис. 2. Модель когнитивных механизмов, реализуемых в сообществе сетевого СМИ

В данном параграфе мы сконцентрировали внимание на когнитивных механизмах, реализуемых в сообществе сетевого СМИ. Мы рассмотрели такие процессы, как со-интерпретацию и политическое со-гласие, описали ценностные и общие иерархии, существующие в сетевых сообществах, а также выяснили, что установка политического со-гласия приводит к шумихе – специфическому способу размножения информации. Более того, мы пришли к выводу о том, что сетевое сообщество-множество является замкнутым на само себя. Непрерывно производя шумиху, оно лишь в крайне редких случаях становится политическим актором (но при этом прекращает быть сетевым сообществом). В основном роль сетевого сообщества сводится

к поддержанию конкретного ценностно-политического дискурса.

При этом мы концентрировались на коллективной субъективности как на способе осуществления бытия-со-вместно в сообществах-множествах. В итоге пришли к выводу, что, несмотря на множество развилок, ограниченное количество дискурсов, в рамках которых ведется со-интерпретация, приводит к ограничению конечных результатов со-интерпретаций и, как следствие, укреплению уже существующих дискурсов.

В следующем параграфе мы рассмотрим два наиболее крупных политических дискурса в современном российском медиапространстве и выясним, какие черты они приобретают в результате установления со-гласия за счет со-интерпретации триггеров.

2.3. Сакральный и профанный дискурсы в сетевых сообществах

В предыдущем параграфе мы рассмотрели, каким образом сетевое сообщество идентифицирует себя в качестве множества, а также, каким образом оно реализует свои когнитивные потребности.

Данный параграф рассматривается нами как связующее звено между сугубо теоретическими изысканиями и конкретными эмпирическими исследованиями, проведенными нами в рамках настоящей работы. Некоторые положения, описанные в нем, будут дополнительно рассмотрены и доказаны в следующей главе.

Итак, в предыдущем параграфе мы отметили, что в сообществах сетевых СМИ реализуется со-интерпретация и последующее политическое со-гласие, ведущее к шумихе. Но мы намеренно не отметили еще один результат со-интерпретации, заключающийся в конструировании реальности сообщества. В этом смысле мы сближаемся с Джеффри Александером и его теорией культурсоциологии.

Александер в своих трудах немало места уделил именно со-вместной интерпретации исторических и культурных феноменов. В частности, он рассматривал, каким образом Холокост лишился своей уникальности как

событие и превратился в меру зла для событий, которые происходили после него и которые не имели к нему никакого отношения. Александер безапелляционно заявляет: «Использование Холокоста как меры зла события, не имеющего к нему отношение, это не более, но и не менее, чем применение могущественной соединяющей метафоры для того, чтобы разобраться в социальной жизни»[111], причем такое использование не отражает «социологических сложностей, лежащих в основе <…> культурно-нравственных процессов»[112].

В самом деле, проще заявить, что время идет по спирали, и новые события уже когда-то были, чем пытаться осмыслить их заново. Впрочем, подход по наделению события характеристиками добра и зла за счет уже свершившихся исторических фактов может не просто привести к упрощению реальности, но и повлечь за собой более серьезные последствия.

Так, например, большой резонанс вызвала история, произошедшая в Кронштадте в 2015 году. Пожилая женщина, пережившая блокаду Ленинграда, не оплатила несколько пачек масла и была задержана сотрудниками магазина, которые вызвали милицию. В итоге женщина, видимо, от полученных переживаний, скончалась. История получила однозначную трактовку в СМИ, обвинивших во всем сотрудников магазина, не пожелавших договориться с женщиной и обрекших ее тем самым на смерть. Но никто из представителей СМИ не проверил один факт, который проскользнул в нескольких материалах на волне зарождения шумихи. Сотрудники магазина утверждали, что женщина не в первый раз попадается на краже[113], но этот факт в дальнейшем перестал играть роль. Более того, в частной беседе один из сотрудников новостного федерального агентства признался автору исследования, что в их редакции знали о версии сотрудников магазина и не стали ее проверять, чтобы не вызывать дополнительного резонанса.

[111] Александер Д. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / пер. с англ. М., 2013. С. 231.
[112] Там же.
[113] Смерть за пачку масла // Фонтанка.ру. URL: http://www.fontanka.ru/2015/02/04/171/

И сотрудники редакции федерального новостного агентства, и другие журналисты, прознавшие про этот факт, но продолжавшие упоминать суммарную прибыль сети «Магнит» и выдавать заголовки в духе «Смерть за пачку масла»[114] стали заложниками весьма щекотливой нравственной ситуации. Заключается она в том, что погибшая женщина была, ко всему прочему, блокадницей – то есть, относилась к категории людей, к которым в Петербурге и России в полной мере справедливо установилось трепетное и уважительное отношение. Однако, как мы видим на примере данной ситуации, никто не стал разбираться в ситуации полностью: со-гласие вылилось в шумиху, механизм со-интерпретаций сработал в удивительной степени синхронно.

Схожесть блокады Ленинграда с Холокостом и в том, что они рассматриваются в качестве безусловного зла, и в том, что они в дальнейшем могут оказать влияние на интерпретацию событий, с ними никак не связанных. Женщина с маслом была блокадницей, о чем регулярно напоминали СМИ и о чем сообщилось даже в официальном заявлении Следственного комитета: «Предстоит установить, насколько законно действовали сотрудники магазина. Были ли у них основания заподозрить женщину, *пережившую блокаду Ленинграда (*курсив наш. – *С.К.)*, в краже трех пачек масла и вызвать полицейских»[115]. С появлением данного заявления стало в полной мере возможно утверждать, что некоторые триггеры, которые на первый взгляд не кажутся политическими, могут оказывать влияние на органы власти.

Пережить блокаду Ленинграда – означает пережить несомненное зло, это не вызывает сомнений. Однако почему СМИ с такой настойчивостью упоминали о том, что умершая женщина пережила блокаду? Мы просмотрели 20 материалов, вышедших в СМИ разного уровня – от региональных до федеральных – в разное время после смерти женщины. И во

[114] Там же.

[115] Видеозапись из «Магнита» показала не «кражу», а «причинение смерти» // Фонтанка.ру. URL: http://www.fontanka.ru/2015/02/05/106/

всех материалах она упоминалась именно как блокадница.

Ситуация в высшей степени сложная, но Александер помогает разобраться в ней. Если мы применим его теорию по отношению к сложившейся ситуации, то поймем, что исторические универсалии становятся нравственными универсалиями в результате некоторых процессов: в частности, рутинизации, институализации и закреплении коллективного чувства с помощью различных мемориалов[116].

Блокадники – это победители, которые пережили абсолютное зло. Мы, безусловно, согласны с этим тезисом. Однако в данном случае блокада настойчиво соотносилась с событием, с ней не связанным, – причем соотносилась не только журналистами, которым, кажется, эмоциональность свойственна, но и представителями Следственного комитета. Почему такое соотнесение стало возможным?

На наш взгляд, описанная ситуация является типичным элементом, который может принять множество значений (мы, все же, допускаем, что кто-то мог встать на позицию, высказанную сотрудниками магазина). Его внедрение в дискурс связывается со следующими процессами:

– соотнесение с общими иерархиями. Разумеется, первыми тему подхватили СМИ из Петербурга – города, где память о блокаде по понятным причинам наиболее сильна;

– соотнесение с ценностными иерархиями. Блокада – мощный триггер, поскольку за ним стоит широкий исторический контекст, трагедия города и трагедия народа в целом;

– со-интерпретация. Средства массовой информации, проявившие поразительное единодушие, передали его аудитории за счет трансляции триггера «блокады», а также некоторых других приемов (например, упоминание об огромных выручках сети магазинов «Магнит);

– со-гласие. В данном случае можно говорить даже о согласии в рамках со-гласия. Хор осуждающих «Магнит» голосов обрел стройность;

[116] Александер Д. Указ. соч. С. 234-236.

– шумиха как следствие когнитивной работы сообществ. История вошла в Интернет, была в нем со-интерпретирована, растиражирована и вышла в оффлайн уже в виде «шумной» истории.

Остановимся на механизме интерпретации триггеров. На наш взгляд, в данном случае один ценностно-политический дискурс подавил другой, в результате противоположные мнения в СМИ не появились, а в сообществах осуждались. Эти дискурсы можно назвать сакральным и профанным.

Категории сакральности и профанности разбирались не только уже упомянутым нами Д. Александером, но и рядом других социологов и религиоведов. Ключевым в понимании сакральности для большинства из них является не столько обращение к иррациональностям, сколько антагонизм по отношению к профанности. Иными словами, сакральное противопоставляет себя профанному за счет обретения высшей значимости, являясь «мировоззренческой категорией, обозначающая свойство, обладание которым ставит объект в положение исключительной значимости, непреходящей ценности»[117]. У Александера сакральность противопоставляется «технической рациональности»[118], ведущей к расколдовыванию мира.

Самым же любопытным, на наш взгляд, является описание сакрального, которое некогда дал Эмиль Дюркгейм. Он утверждал, что «священное и светское всегда и везде воспринимались человеческим умом как два отдельных рода, как два мира, между которыми нет ничего общего»[119]. Именно поэтому при описании случая с блокадницей две противоположные стороны не смогли бы добиться согласия – у них не нашлось бы для установления согласия общих точек.

Несмотря на данное определение, Дюркгейм подчеркивает социальную природу сакрального: «Сакральное в сущности своей социально:

[117] Забияко А. П. Новая философская энциклопедия // URL: http://iph.ras.ru/elib/2625.html
[118] Александер Д. Указ. соч. С. 473.
[119] Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / пер с фр., под ред. А. Н. Красникова. М., 1998. С. 218.

общественные группы придают своим высшим социальным и моральным побуждениям облик священных образов, символов, добиваясь тем самым от индивида категорического подчинения коллективным требованиям»[120]. Политика в данном случае символизируется, становится не только деятельностью, но набором образов.

Поразительным образом предвосхитил сообщества с их со-интерпретацией и сакрализацией племянник Дюркгейма Марсель Мосс. Он отмечает, что и магическое, и религиозное – по сути, всего лишь сакрализация авангардно выхваченных социальных конструктов: «Магия, как и религия, – это игра "ценностных суждений", то есть выразительных афоризмов, приписывающих различные качества разным объектам, входящим в эту систему. Однако эти ценностные суждения, определяющие значимость объектов, являются не результатом действий отдельных духов, а выражением социальных чувств, сформированных то необходимым и универсальным, то случайным образом, относительно вещей, избранных по большей мере произвольно: растений и животных, профессий, полов, небесных светил, метеоров, элементов, физических явлений, вида ландшафта, материалов и т. д. Понятие маны, как и понятие священного, в конечном счете, оказывается лишь чем-то вроде категории коллективного разума, который лежит в основе ценностных суждений, определяющих значимость объектов, разума, который навязывает определенную классификацию вещей, разделяя одни, объединяя другие, устанавливает пути воздействия или пределы изоляции»[121].

Итак, мы вывели следующие черты сакрального:

– оно устанавливает исключительности – то есть, те категории, которые должны интерпретироваться однозначно. Сакральный дискурс не может быть дискурсом сомневающихся: для своих элементов он уже определил значения, и индивидам в данном дискурсе остается лишь

[120] Забияко А. П. Новая философская энциклопедия // URL: http://iph.ras.ru/elib/2625.html
[121] Мосс М. Социальные функции священного / пер. с фр. // URL: http://www.fedy-diary.ru/html/112010/07112010-09a.html

принимать его как данность;

– оно противостоит «технологическому рационализму». Сакральный дискурс покоится на вере, он не допускает исключительности разума, подменяя ее множеством других – более мелких в категориальном плане и не всегда реальных – исключительностей;

– оно не может сосуществовать с профанным. Точки сосуществования возможны тогда и только тогда, когда оба дискурса допускают многозначность элементов из области дискурсивности. Сакральный ценностно-политический дискурс подобной многозначности не допускает: в нем уже заложены необходимые значения;

– оно социально. Сакральное существует в обществе. Более того, сакральный дискурс – это социальный дискурс, который может проникать во все сферы жизни общества, включая политическую;

– оно ценностно нагружено. Мосс определил ценностное суждение как результат выражения социальных чувств. При этом выражении объекты материального мира наделяются иррациональными чертами, что приводит к их сакрализации. Сакральный ценностно-политический дискурс, как мы уже определили, социален, а потому может наделять иррациональными качествами объект из любой общественной сферы, включая политическую;

– оно неразрывно связано с коллективным разумом. Сакральность должна постоянно подтверждать себя для индивида и для сообщества. Более того, она немыслима вне сообщества, в котором индивиды, по сути, заняты лишь укреплением связей в сакральном ценностно-политическом дискурсе. Без уверенности и без веры сакральность потеряет ценность, которая, по мнению И. И. Докучаева «это предмет веры»[122].

Получается, что тот ценностно-политический дискурс, который в науке определяется как консервативный, в современной России становится сакральным. Его основные черты лежат даже не в политической, а в сакральной плоскости, и за счет социальности сакрального используются для

[122] Докучаев И. И. Указ. соч. С. 103.

интерпретации политического.

Рис. 3. Интерпретация политического через сакральное

Обратим внимание на представленный рисунок, взятый нами из социальной сети LiveJournal.ru. Текст, подписывающий фотографию В. В. Путина, – это подобие молитвы или даже заклинания. Он сакрален по своей природе, поскольку содержит и обращение к высшим силам, и разделение на сакрально-доброе и сакрально-злое. При этом на фотографии изображен президент России – лицо в высшей степени профанное, поскольку профанна и природа его деятельности, и Конституция, гарантом которой он является, и политическое в целом.

Однако в современной российской действительности сакральный дискурс поддерживается властями. Помимо подчеркнутой религиозности, проникающей в профанное законодательство (например, «Закон о защите чувств верующих»), на подкрепление сакральных интерпретаций появляющихся в современной жизни ценностных триггеров оказывает влияние поддержка «традиционных ценностей» или внешнеполитических факторов.

Рис. 4. Сакрализация коммерческой деятельности глобальных корпораций

Достаточно взглянуть на то, как интерпретировался триггер «санкции» в сакральном медиадискурсе. Санкции представлялись в качестве испытания, через которое россияне неизбежно пройдут. Журналисты регулярно указывали на отсутствие эффекта от западных санкций при наличии эффекта от «антисанкций», в то время как аудитория СМИ в социальных сетях рисовала картинки в стиле «Наш ответ санкциям». В какой-то момент под каток сакральной интерпретации попали даже те компании, которые расположены в России, состоят из российских сотрудников и производят товары из российского сырья, вкладывая свои налоги в бюджет России, являясь при этом частью глобальных брендов – таких, как «Макдоналдс».

Такая реакция (см. Рис. 4 из социальной сети «Одноклассники.ру») говорит о непрофанном понимании коммерческой деятельности (ведь эти компании действительно приносят пользу экономике России), а о сакральном, когда бренды становятся иллюстрацией сакрально-злого.

Профанный ценностно-политический дискурс в таких условиях воспринимается не столько как противоположность сакральному, сколько как дополняющая сакральное сторона: «Сакральное качественно отлично от профанного, но при этом оно может как угодно и где угодно манифестировать себя в профанном мире – в силу своей способности преображать любой объект в парадокс через посредство иерофании (в том смысле, что объект перестает быть самим собой, естественным объектом, при сохранении неизменным своего облика)»[123].

В последнее время много говорится о разобщенности российской оппозиции, отсутствии у нее ярко выраженного лидера и политической программы, которая устроила бы всех, кому не по душе нынешняя власть. У такой разобщенности есть свои истоки. Политические проблемы российской оппозиции во многом истекают из того, что она оппозиционна не собственно политическому, а профанному ценностно-политическому дискурсу. Скажем, в Европе или США оппозиция реализует коммуникативные практики в рамках того же профанного дискурса, в котором существует и власть, то есть власть и оппозиция оппозиционны друг к другу в одном дискурсе. В российских реалиях власть (например, через СМИ) укрепляет сакральный дискурс, в то время как оппозиция укрепляет профанный дискурс. В таких условиях невозможно разрешение ценностного конфликта между сакральным и профанным и, более того, возможны конфликты внутри профанного дискурса, ослабляющие оппозицию (например, известный конфликт в петербургском региональном объединении «Яблока», приведший к возникновению движения «Весна»[124]).

Сказанное позволяет нам вывести одну из черт профанного дискурса. В противовес сакральному дискурсу, который является дискурсом согласия по отношению к «своим», в профанном дискурсе не существует такого же

[123] Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения / пер. с фр. М., 1995. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/comporative_bogoslov/eliade/01.php
[124] Петербургское «Яблоко» раскололи декабрьские выборы // Коммерсант. URL: http://www.kommersant.ru/doc/1892952

четкого деления на своих и чужих. По отношению к сакральному профанный дискурс в большей степени является дискурсом интерпретаций и дискуссий. Пожалуй, профанный дискурс можно назвать *дискурсом несогласия.*

Такая природа профанного дискурса обусловлена тем, что основными *ограничителями в нем выступают формально закрепленные в законодательстве нормы*. Любой закон – это профанная категория. Соответственно, за пределами законодательства (в сфере этического, например) ограничения ослаблены. В противовес этому в сакральном дискурсе, формально существующем в рамках того же законодательства, даже очевидные преступления могут интерпретироваться не через формальный, а через «моральный» закон (в третьей главе мы подробнее рассмотрим этот случай на примере кейса «Charlie Hebdo»). На деле выходит, что в профанном дискурсе ограничители (формальные законы) менее жесткие, чем в сакральном (формальные и моральные законы), что приводит к разнообразию интерпретаций и повышает потенциал несогласия.

Профанный дискурс, как и сакральный, социален, он существует в обществе и вне общества невозможен. В то же время, профанный дискурс в большей степени структурирован, «менее дисперсен», чем сакральный. Это означает, что в профанном дискурсе различные сферы жизни общества в меньшей степени перемешаны и проникают друг в друга, нежели в сакральном, где политика может связываться с религией и культурой. Впрочем, мы не утверждаем, что профанный дискурс полностью недисперсен, мы лишь констатируем, что он менее дисперсен по отношению к сакральному.

Поскольку демократическая система в России остается закрепленной конституционно (в Статье 1), профанный дискурс действительно *тяготеет к либеральным ценностям*. В этом его отличие от сакрального дискурса, который в ценностном плане менее политизирован. Это означает, что в профанном дискурсе политические ценности выражены более явно, поскольку имеют под собой твердую идеологическую платформу. В

сакральном же дискурсе превалируют не собственно политические ценности. Вспомним хотя бы многочисленные выступления В. В. Путина, в которых он упоминает «традиционные ценности» как противовес западным[125]. Получается, что главный политический деятель государства (лицо, которое, в соответствии с системой «демократия – либерализм – капитализм», должно быть выразителем профанных категорий) в ценностном отношении выходит за пределы профанного дискурса и, более того, за пределы собственно политических ценностей. Триумвират «демократия-либерализм-капитализм», благодаря такой позиции, рассыпается, поскольку либерализм уже не является господствующей ценностной платформой.

Оппозиция России зачастую ведет себя в рамках «технологической рациональности»[126]. При этом и ее дискурс не способен адекватно отобразить существующую политическую реальность. Он интерпретирует ее с рациональных позиций, но при этом периодически скатывается к той самой сакральности, когда речь заходит об универсальных сакральностях, подпитываемых историей. Так, Великая Отечественная война сакрализуется в обоих дискурсах – следовательно, в чем-то они пересекаются. Основная проблема заключается в том, что подобное пересечение лежит в сфере именно исторических универсалий. Когда речь заходит о современной действительности, профанный дискурс обращается к подсчету убытков от санкций или к разговорам о недопустимости вторжения религиозного в светскую жизнь.

Профанный дискурс обращается к сакральностям и тогда, когда возникает потребность в наборе лояльного электората. Занимательной в этом плане нам представляется ситуация, когда известный оппозиционер Алексей Навальный на встрече с избирателями заявил о том, что поддерживает московский футбольный клуб «Спартак», а затем в интервью не смог ответить на вопросы о положении дел в команде и даже не знал имени

[125] Путин противопоставил традиционные ценности «хаотической тьме» // Лента.ру. URL: https://lenta.ru/news/2013/12/12/tradition/
[126] Александер Д. Указ. соч. С. 473.

главного тренера команды[127].

Регулярные обращения профанных деятелей к сакральностям разного рода только подтверждают, насколько крепко утвердился в современной российской действительности сакральный дискурс. Профанный дискурс сегодня являет собой лишь оппозицию сакральному. Отчасти это связано с социальными правилами, которые в России устанавливались не одно десятилетие.

Профанный дискурс, впрочем, укрепляется. Прежде всего, это касается тех, кто формировался как личность в период демократического бума 90-х. Во-первых, смена ментальностей – процесс медленный, а во-вторых, не обязательно профанный дискурс окажется наиболее органично вписанным в современную российскую действительность. Впрочем, то же самое можно сказать и о доминирующем сакральном дискурсе: мы можем только констатировать его доминирование и пытаться описать его, но мы не можем оценивать его с политической точки зрения, поскольку сведем наше исследование к частному мнению о политической ситуации.

Поэтому констатируем, что в современной политической жизни России отчетливо выделяются два ценностно-политических дискурса – сакральный и профанный, ведущие борьбу между собой. Эта борьба не может закончиться согласием, но обеспечивает политическое со-гласие, и потому стала очевидной для нас.

По итогам главы можем сделать следующие выводы.

Сообщество сетевого СМИ, как и любое сетевое сообщество, представляет собой множество. Утрата единства, дисперсность аудитории в нем становятся отправной точкой для поиска новых объединяющих механизмов.

В сообществе сетевого СМИ реализуется специфический тип бытия – бытие-со-вместно. Он «настроен» на поддержку связей ментальных моделей

[127] «Мы могли сохранить хренову тонну денег». Алексей Навальный – о том, кто и сколько украл на олимпийской стройке // Спорт сегодня. URL: http://www.sports.ru/tribuna/blogs/dud/557702.html

индивидов и удержанию их в пределах коллективного («всеобщего») интеллекта. Сообщество, не способное поддерживать этот тип бытия, распадается.

Сообщество сетевого СМИ открыто на вход и закрыто на выход. Этот тезис вовсе не означает, что из сообщества нельзя выйти. Однако если по направлению «на вход» подавляющее большинство сообществ реализует стратегию открытости, то, получив аудиторию, стратегии работы с индивидами, составляющими сообщество, меняются на удержание. Сообщество не может быть открытым на выход, несмотря на тот факт, что ни один индивид не удерживается в нем насильно. При наличии сопротивления со стороны индивида оно будет сопротивляться этому сопротивлению.

Внутри сообщества сетевого СМИ реализуется особая деятельность по преодолению множественности, которую мы назвали со-интерпретацией. Со-интерпретация предполагает постоянную совместную интерпретацию ценностных триггеров, поддерживающую ценностно-политический дискурс сообщества. Такие триггеры как «Владимир Путин», «санкции/антисанкции», «Крым» активируют и у журналиста, и у его аудитории цепочки ценностных ассоциаций. Индивид интерпретирует эти триггеры в рамках сетевого сообщества, входя в коллективный («всеобщий») интеллект, результатом чего является «коммуникативный взрыв», который мы назвали «шумихой». Соответственно, природа «шумихи» сугубо коммуникативна.

Однако сетевое сообщество стремится вырваться за те ограничения, которые накладывает на него его природа. Со-интерпретация, приводящая к «шумихе», обращена в оффлайн, за пределы сетевого сообщества. Так сетевое сообщество преодолевает свою множественность, реорганизуется и выходит за пределы виртуальности. В качестве примера можно привести как случай с блокадницей, описанный в данной главе, так и пример «хабаровских живодерок» – двух девушек, издевавшихся над животными в Хабаровске. Их переписка, в которой они обсуждали убийства, попала в руки пользователей Интернет-форума, которые за несколько дней распространили информацию

среди СМИ и аудитории сайта «ВКонтакте». Сетевое сообщество соинтерпретировало информацию однозначно, что привело к возникновению «шумихи». Однако появление «шумихи» осталось бы сугубо коммуникативным процессом, если бы не было предпринято никаких действий за пределами сетевых сообществ. Действия же были предприняты: девушек арестовали[128], вменили им ряд других преступлений[129], а убитым животным хотят поставить памятник[130]. Действия сетевого сообщества, таким образом, были направлены вовне, на другие сообщества с целью побудить их к действиям, что и удалось сделать. Владимир Путин, к примеру, поддержал идею об ужесточении наказания за жестокое обращение с животными[131].

Со-интерпретации на уровне сообществ объединяют в себе интерпретации на уровне индивидов. В рамках со-интерпретации сообщество стремится унифицировать итоги интерпретаций. На ценностно-политическом уровне это привело к образованию двух дискурсов – сакрального и профанного. В сакральном дискурсе устанавливаются категории, которые следует интерпретировать однозначно (исключительности); он покоится на вере и противостоит «технологическому рационализму», не допуская исключительности разума; он не допускает многозначности элементов и поэтому не может сосуществовать с профанным; он социален (является характеристикой общества) и ценностно нагружен, а также связан с коллективным разумом. Профанный дискурс, в свою очередь, является дискурсом несогласия, интерпретаций и дискуссий; ограничителями в нем выступают закрепленные законом нормы; он менее дисперсен, чем

[128] Хабаровские живодерки встретят Новый год под арестом // Вести. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2820368

[129] Хабаровским живодеркам вменили разбой, оскорбление религиозных чувств и возбуждение ненависти // TJournal. URL: https://tjournal.ru/37055-habarovskim-zhivodyorkam-vmenili-razboi-oskorblenie-religioznih-chuvstv-i-vozbuzhdenie-nenavisti

[130] Скульптор из Хабаровска начала работу над памятником убитым живодерками животным // TJournal. URL: https://tjournal.ru/37601-skulptor-iz-habarovska-nachala-rabotu-nad-pamyatnikom-ubitim-zhivodyorkami-zhivotnim

[131] Путин поддержал ужесточение наказания за жестокое обращение с животными // Лента.ру. URL: https://lenta.ru/news/2016/11/07/save_animals/

сакральный дискурс, ведь в нем различные сферы общественной жизни не проникают друг в друга; тяготеет к либеральным ценностям.

В следующей главе мы на эмпирическом материале рассмотрим сакральную и профанные интерпретации ценностных триггеров как журналистами, так и сообществами в целом.

Глава III. Ценностно-политические триггеры в современной российской медиасфере: внедрение, становление и развитие

Приведенная в данной главе совокупность результатов исследований является опытом триггер-анализа. Мы считаем необходимым сразу уточнить следующее: триггер-анализ, во-первых, призван дополнить метод ценностного анализа (находящийся, все же, в процессе своего становления, несмотря на ряд исследований, появившихся в последнее время, в которых этот метод замечательно описан и испробован в качестве инструмента анализа российской медиасферы), а во-вторых, является частной разновидностью контент-анализа, поскольку на общем уровне помогает нам исследовать содержание материалов СМИ. Однако необходимость выделения триггер-анализа в качестве отдельного метода, на наш взгляд, назрела по той же причине, по которой назрело появление самого понятия «ценностно-политический триггер». В сетевой среде информационные потоки интенсифицируются настолько, что меняются нарративные техники сетевых СМИ. Это приводит к появлению нового типа нарративной культуры, в которой важность развязки в нарративе снижается. Аудитория вынуждена воспринимать информацию фрагментарно – и в этом заключается потребность в ценностных триггерах и триггер-анализе. Пытаясь справиться с большим потоком политической информации, индивид обращается к уже знакомым для него понятиям, которые активируют у него цепочку ценностных связей, – триггерам. Мы, исследователи этого процесса, можем рассмотреть, к каким триггерам обращается аудитория, как они возникают, меняются или развиваются в медиасреде, а самое главное – в какие ценностно-политические дискурсы «приоткрывают дверь» эти триггеры.

Также мы считаем необходимым объяснить, почему мы пришли к необходимости исследований нескольких триггеров, вместо исследования одного. Во-первых, мы хотели рассмотреть не только те триггеры, которые сравнительно давно установились в российской медиасреде, но и те, которые

появились в ней совсем недавно. Это позволит более четко описать процесс внедрения триггера в медиасферу. Во-вторых, мы хотим рассмотреть не только собственно политические ценностные триггеры, но и те, которые с политикой связаны опосредовано, но, тем не менее, активируют цепочки ценностных ассоциаций, поддерживающие политические дискурсы. В-третьих, хотим посмотреть, как разные триггеры интерпретируются в одном и том же дискурсе – сакральном или профанном. Это поможет глубже описать механизмы сакрализации или профанизации триггеров в целом.

Поскольку мы исследуем не сами СМИ, а сетевые сообщества, то и механизм выбора материалов для изучения отличается от классического. Основные принципы нашего исследования следующие:

– мы отказались от изучения материалов СМИ на основе различных рейтингов. Главный критерий, по которому материал мог попасть в наше исследование, – его присутствие в Интернете и наличие гиперссылок на него в социальных сетях. Необходимость присутствия в Интернете обусловлено «сетевой природой» нашего исследования, а вот необходимость наличия гиперссылок необходимо пояснить дополнительно. Социальные сети давно превратились в главный инструмент для формирования сетевых сообществ, инструмент даже более удобный, чем сайт с дополнительными функциями. Игнорировать его просто бессмысленно, особенно на фоне популяризации таких сообществ, как «Лентач» и «Образовач». Обработав материал без захода в социальные сети, мы рискуем упустить львиную долю комментариев, которые могли бы многое рассказать нам о сакрализации или профанизации ценностных триггеров;

– поскольку мы изучаем сетевые сообщества, нам кажется неправильным игнорировать аудиторию СМИ, что, к сожалению, происходит слишком часто. Чтобы в полной мере оценить реакцию сообщества на тот или иной материал, недостаточно просто просмотреть комментарии к материалу и количество «лайков» (к тому же, эти функции и вовсе могут быть отключены. Массовое отключение комментариев в Интернет-СМИ мы

наблюдали, когда появилась первая информация о том, что средства массовой информации обяжут отвечать за содержание комментариев). Гипертекстуальность, о которой так много было сказано в российской науке (как правило, как об одной из составляющих системы «конвергентность – гипертекстуальность – интерактивность»), на деле нечасто берется в расчет в различных «casestudies». Мы рассматривали материалы СМИ вместе с комментариями к ним как на внешних сайтах, так и на внутренних (благо, проследить распространение ссылки без труда можно с помощью обычных поисковых систем – Yandex, Google и т.д.);

– мы установили следующие рамки, ограничивающие наше исследование. На содержательном уровне мы рассматривали три триггера («CharlieHebdo», «Санкции/антисанкции», «Крым»). Триггер «CharlieHebdo» рассматривается нами через призму своего появления в российской медиасфере. Сообщение о террористическом акте в офисе редакции сатирического журнала позволило зафиксировать появление нового ценностного триггера, который по истечении небольшого количества времени приобрел политический оттенок, став следствием идеологического раскола между Россией и европейскими странами (в частности, Францией). Случай с лексемами «санкции/антисанкции» – классический пример не появления ценностного триггера (о санкциях писалось и применительно к Югославии в 90-е, и применительно к Ирану в наше время, да и в целом это понятие регулярно появлялось в российской медиасфере), а его повторной актуализации в медиасфере. Наконец, «Крым», который и раньше становился предметом жарких споров на всех политических уровнях с Украиной, но после его включения в состав России стремительно аккумулировал сакральности и профанности (в зависимости от того, в каком дискурсе он фигурировал). Крым – яркий пример ценностного триггера, который развивается – меняется, сохраняя при этом свои общие черты. Хронологические рамки нашего исследования: 28 февр. 2014 г. (появление в Крыму отрядов самообороны, более известных как «вежливые люди») –

1 сент. 2015 г.

В общей сложности мы проанализировали 1113 комментариев к 418 материалам как федеральных СМИ («Лента», «Медуза», «Российская газета», «RussiaToday», «РБК», «Лентач» и др.), так и региональных («Южный Урал», «Тарское Прииртышье», «Фонтанка.ру», «ЗАКС.ру» и др.)

Для начала систематизируем некоторые полученные нами данные.

Из 418 рассмотренных нами материалов лишь 51 (12%) остался без комментариев как на сайте, так и в сообществах издания в социальных сетях (если таковые имелись). Имеет смысл говорить, что коммуникативная активность сообществ сетевых СМИ находится на достаточно высоком уровне, в чем не последнюю роль сыграли социальные сети. Таким образом, «шумиха» вокруг рассмотренных нами триггеров действительно существует, что подтверждается эмпирическим путем.

Из 367 прокомментированных материалов лишь 29 (8%) имели комментарии только на сайте издания при отсутствии комментариев (или самого сообщества) в социальных сетях. 159 (43%) материалов имели комментарии только в социальных сетях, 179 (49%) материалов имели комментарии как на сайте издания, так и в социальных сетях. Очевидно, что социальные сети становятся главным инструментом по генерации «шумихи», в то время как сами СМИ выдают информационные поводы для генерации «шумихи». Вывод подтверждает и то, что из 1113 проанализированных нами комментариев 731 (66%) фиксировался в социальных сетях, а 382 (34%) – на сайтах изданий.

Представляется интересным посмотреть, насколько активны сетевые сообщества. Для этого мы разделили их на три группы: малые (до 10 000 пользователей), средние (от 10 000 до 100 000 пользователей) и крупные (более 100 000 пользователей). Логично, что больше всего комментариев было оставлено в крупных сообществах – 511 (70%). В средних сообществах было оставлено 156 комментариев (21%), в малых – 64 (9%).

Если мы усредним количество пользователей в рассмотренных нами

сообществах, скажем, до 5 000 для малых, до 50 000 для средних и 500 000 для крупных, то выяснится, что в малых сообществах усредненный индекс активности (результат деления количества комментариев на количество пользователей) составляет 0,0128 комментариев на пользователя, в средних – 0,00312 комментариев на пользователя, в крупных – 0,001022 комментария на пользователя.

Получается, что активнее генерируют «шумиху», а, следовательно, более склонны к ее преодолению малые сообщества, в которые входят, как правило, сообщества региональных СМИ или изданий, репрезентирующих узкие, зачастую маргинализированные идеологии. Средние и крупные сообщества генерируют «шумиху» количественно, но не качественно, и потому им труднее преодолеть ее, выйдя за пределы виртуальности именно в качестве гомогенного сообщества, а не конкретных индивидов.

3.1. Ценностный триггер «CharlieHebdo»: установка и политизация в российской медиасфере

7 января 2015 года в Париже исламские террористы напали на офис сатирического еженедельника «Charlie Hebdo», убив 12 и ранив 11 человек. Подробности нападения и последовавшие за ним события описывались в СМИ, вызвав отклик со стороны общественности. Отклик заключался не только в ценностной интерпретации произошедших событий: митинги в поддержку «Charlie Hebdo» или против религиозных карикатур собрали десятки тысяч человек. На наших глазах название «Charlie Hebdo» превратилось из малоизвестного за пределами Франции словосочетания в политический символ, который заставляет одних выступать с осуждением убийств, ставить хэштег #JeSuisCharlie и рассуждать о свободе слова, а других – негативно высказываться о карикатурах и выказывать готовность защищать свои религиозные ценности.

В данном параграфе мы проследим становление «CharlieHebdo» как ценностного триггера и его дальнейшую политизацию в сообществах. Также

мы рассмотрим две антагонистические ценностные позиции, возникшие в результате распространения триггера в медиадискурсе, соответствующие конкретным политическим идеологиям. Мы также планируем найти закономерности в построении аргументирующих конструкций медиатекстов (к которым мы относим как журналистские материалы, так и комментарии к ним, в том числе и на внешних сайтах). При этом предполагаем, что, несмотря на многообразие мнений, пространство для интерпретации теракта в редакции «Charlie Hebdo» оказалось весьма ограниченным, поскольку изначально ограниченными были ценностные установки и механизмы редукции значений, связанных с атакой террористов. Если описанное выше соответствует действительности, то оно найдет свое отображение в качестве унификации аргументирующих конструкций в журналистских текстах и комментариях к ним.

Для того чтобы понять, каким образом начинается становление триггера, нужно отметить следующее: существует событие, отображаемое в медиадискурсе, и существует событие само по себе, которое мы назовем «чистым событием». Чистое событие лишено какой бы то ни было возможности для оценочной интерпретации, исторического контекста и даже лиц; оно не детерминировано ничем, кроме самого себя, и существует как данность исключительно в умозрительных построениях. Это предельно редуцированный факт, который можно помыслить, отсекая все, кроме объективных пространственно-временных характеристик. Всё, что затем появляется в медиасфере, является наложением на этот факт контекста.

Разумеется, чистое событие невозможно в когерентном мире, где течение времени непрерывно, а каждое событие детерминировано предыдущими и детерминирует последующие. Это основанное на методологии идеальных типов М. Вебера[132] искусственно созданное построение необходимо для того чтобы выхватить из него мгновение – конструкт, который еще не превратился в триггер, но вскоре им станет –

[132] См.: Вебер М. Избр. произв. / пер. с нем. М., 1990. С. 512.

«CharlieHebdo».

Таким образом, первый этап становления триггера – умозрительный, заключающийся в выделении из чистого события сжатой лингвистической конструкции, пригодной для аккумуляции контекста. Следует обратить внимание, что чистое событие невозможно в окружающем мире, оно является результатом обратного пути из дискурса во внедискурсивное пространство и, следовательно, продуктом *по-мышления.* Тем не менее, будущий триггер можно выхватить только из чистого события, в этом и заключается необходимость его введения.

На втором этапе событие попадает в медиадискурс. Когда это произойдет – зависит от того, каким образом информация достигла медиа. Например, когда очевидец диктует свои наблюдения журналисту, чистота события разрушается: очевидец априори ограничен в своих наблюдениях, журналист, в свою очередь, также ограничен множеством факторов: временем, своими когнитивными способностями, языком, идеологиями и т.д.

Все, что мы наблюдаем в социальном мире, – не чистые события, а нагруженный ценностями результат, одновременно заключающий в себе возможность детерминации. Триггеры могут существовать только в таком мире, поскольку, чем сильнее цепочка ценностных ассоциаций, которую вызывает триггер, тем он мощнее. Сила цепочки ценностных ассоциаций заключается либо в ее длине, либо, как это чаще всего бывает, в апелляции к сакральным ценностям. Говоря о сакральном, мы подразумеваем и то профанное, которое наделяется признаками сакрального, то есть, само по себе является триггером, поскольку аккумулировало в себе контекст, связанный с понятиями «священного», «высшего» или даже «потустороннего». В качестве примера можно привести сакрализацию образа матери.

Журналист, передающий новость о нападении на редакцию «Charlie Hebdo», является представителем символической элиты. Однако, несмотря на свою элитарность, он сам подвержен ограничениям. Власть журналиста

заключается в конструировании реальности, но из-за объективных и субъективных ограничений, накладываемых на него, реальность, создаваемая им, уже не будет чистой. На входе в медиадискурс чистое событие распадается на множество интерпретированных событий. В этой точке «CharlieHebdo» становится триггером, поскольку начинается процесс, без которого триггеризация невозможна, – тиражирование. Сервис статистики поисковых запросов Google показывает, как вырос интерес к запросу «CharlieHebdo» в январе 2015 года: в 16,7 раз по сравнению с февралем 2006 года, в 25 раз по сравнению с сентябрем 2012 года, в 50 раз по сравнению с ноябрем 2011 года[133].

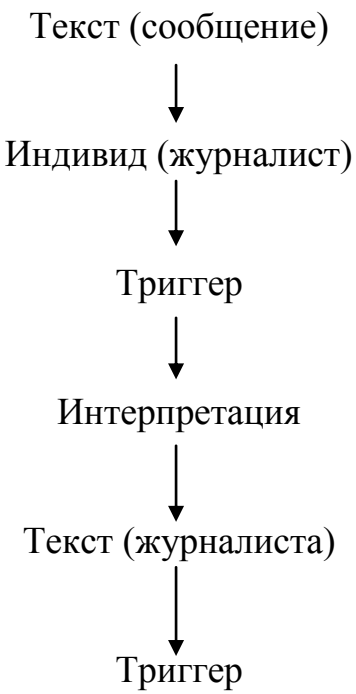

Рис. 5: Линейная модель механизма триггеризации.

Обратившись к схеме, выведенной нами во второй главе данного исследования (Рис. 2), мы поймем, что триггеризация является непрерывным процессом с момента попадания события из области чистого события в медиадискурс. Получив сообщение о нападении на офис «Charlie Hebdo», журналист сталкивается с тем, что в нашей схеме отмечено как «Текст». Затем журналист интерпретирует полученную информацию и вводит в текст обозначение «CharlieHebdo». По мере поступления новой информации

[133] Google Trends // URL: http://www.google.com/trends/explore#q=charlie%20hebdo

журналист все больше обращается к обозначению «CharlieHebdo», интерпретируя его и тиражируя – превращая в триггер. Применительно к одному абстрактному журналисту наша схема, представленная на Рис. 2, на Рис. 5 будет выглядеть иначе.

На втором этапе распространения триггера происходит его оформление как собственно триггера. Это достигается путем тиражирования триггера в медиасфере. Незадолго до процесса тиражирования – на этапе осмысления информации о событии – происходит разрушение чистого события. Можно сказать, что рождение триггера возможно тогда и только тогда, когда мы уже не можем помыслить чистое событие.

После того как триггер попадает в медиадискурс и распространяется в нем, начинается процесс аккумуляции контекста. Журналисты вспоминают, какие карикатуры публиковались в «Charlie Hebdo» ранее[134]; аудитория дает отклик на сконструированное событие, высказываются политические элиты и т. д. Триггер разрастается не только вширь, но и вглубь. Вариативность ассоциативных цепочек повышается. Так, сразу после трагедии высказался президент Франции Франсуа Олланд, обозначив основанную на либертарианской идеологии ценностную позицию французских политических элит – свобода слова и единство превыше всего[135]. Будто в противовес высказыванию Олланда произошел захват заложников в кошерном магазине. Заявления и действия, интерпретации и ценностные ассоциации начали приумножаться вслед за новостными сообщениями о нападении. Не чистая реальность, а сконструированная новостными агентствами, дополнилась эксплицитной субъективностью колумнистов, политиков и рядовых пользователей, получивших возможность выразить себя в комментариях.

Третий этап становления триггера – аккумуляция контекста. Если на

[134] Журнал CharlieHebdo за час до нападения опубликовал карикатуру на лидера ИГ // Взгляд. URL: http://vz.ru/news/2015/1/7/723461.html

[135] Олланд назвал нападение на CharlieHebdo терактом // Lenta.ru. URL: http://lenta.ru/news/2015/01/07/hollande/

втором этапе накапливается субъективное, мимикрирующее под объективное, то во время аккумуляции контекста плодится субъективное, являющее себя медиасфере как субъективное. На этом этапе происходит то, что постструктуралисты назвали редукцией смыслов. Появление интерпретаций события приводит к борьбе дискурсов, каждый из которых стремится оставить конкурирующий дискурс в области дискурсивности – пространстве «добавочных значений, возникающих в артикуляционной практике, то есть значений, которые имеет или имел каждый знак, но которые исключены определенным дискурсом ради создания единства значения»[136].

На четвертом этапе произошло окончательное соотнесение триггера «CharlieHebdo» с сакральным и профанным дискурсами. Особенно ярко такое соотнесение произошло в сакральном дискурсе. Те СМИ, которые интерпретируют действительность через категории сакральностей, окончательно перестали рассматривать «CharlieHebdo» сквозь призму сочувствия. Оборот «да, но», часто встречаемый в этих СМИ в первые дни после теракта исчезает, на смену ему приходит резкая критика карикатур в «Charlie Hebdo». Особенно резкой вышла критика карикатуры на жертв разбившегося малазийского «Боинга»: «Потом (после теракта в редакции «Charlie Hebdo». – *С. К.*) было произнесено много всяких громких слов, насчет важности защищать свободу слова. Даже вышел номер с очередной карикатурой на пророка Мухаммеда, правда, новая картинка получилась скорее пресной, нежели оскорбительной. Более того, в прошлом месяце «Charlie Hebdo» объявил, что мусульман они больше дразнить не будут. Возможно, без постоянных скандалов издание стало плохо продаваться, вот журнал и выбрал себе новые мишени — несчастных людей, которые точно не смогут ответить»[137].

Ценностный триггер обрастает политическими значениями.

[136] Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Д. Указ. соч. С. 57.
[137] Неуместная шутка: Charlie Hebdo выбрал для карикатур жертв малайзийского «Боинга» // Вести.ру. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2652596

Идеологический раскол между Россией и европейскими странами повлиял на «политизацию» триггера «CharlieHebdo», в результате которой индивиды, интерпретирующие триггер в сакральном дискурсе, встали перед выбором. С одной стороны, теракт в редакции привел к гибели журналистов, а смерть является особой категорией в сакральном дискурсе. С другой стороны, слишком велики оказались идеологические разногласия: если сакральный дискурс тяготеет к национал-консерватизму, то профанный дискурс (в рамках которого действует «Charlie Hebdo» – к либерализму). В итоге политическое перевесило: выстроенные в рамках сакрального дискурса связи отторгли понятие тотальной свободы слова и установились антагонистично по отношению к триггеру.

Стремление дискурсов установить единство значения, о котором мы писали выше, можно соотнести с природой сообществ, проявляющих себя в рамках этих дискурсов. В дальнейшем на примере сетевых СМИ мы будем рассматривать, каким образом явили себя ценностно-политические позиции в различных дискурсах, поэтому имеет смысл вести речь именно о сетевых сообществах. Сетевое сообщество, как мы уже писали выше, – это изначальное стремление к преодолению дифференциации, объединение с помощью дискурса в дискурсе. При этом возможности для объединения ограничены, поскольку дифференциация уже легитимирована самой природой сообщества. Поиски единого значения – это архаизм, создающий мнимое единство внутри множества, которое может быть нарушено при внедрении в дискурс нового знака. Сама суть множеств подразумевает возможность перемещения между дискурсами. Можно вспомнить слова П. Бурдье: «Культура объединяющая (медиум коммуникации) есть культура разделяющая (инструмент различения), которая легитимирует различия»[138].

Диалектика сетевых сообществ в данном случае подразумевает борьбу дискурсов в одном пространстве, в которой не будет проигравших или победивших, поскольку в нем нет арбитров и четких правил. Члены

[138] Бурдье П. Указ. соч. С. 112.

сообществ реализуют бытие-вместе, которое вовсе не говорит о необходимости сливаться в одно целое. Они группируются вокруг религиозных или политических ценностей, поскольку такие ценности подразумевают присутствие высших идентичностей, но связи настолько ослаблены, что имеет смысл говорить о существовании мини-сообществ внутри других сообществ – то есть о дальнейшей дифференциации. Мини-сообщества сохраняют верность высшим идентичностям, но как только мы рассмотрим их в контексте всемирных сообществ, то увидим, что «быть-вместе означает, напротив, неимение подобной идентичности в какой бы то ни было форме и соучастие в этом "отсутствии идентичности". На языке философии это называется конечностью, а конечность и есть то, что образует сообщество»[139]. Иными словами, мелкое в едином сохраняет верность единству, но оно уже не является всеобщим, а погружено в свой дискурс. И в то же время, наличие таких малых сообществ является иллюстрацией к процессам дифференциации, характерных для множеств.

Мы предположили, что именно ценности, апеллирующие к высшим идентичностям, составляют базу для ценностной интерпретации материалов СМИ: наличие двух оппозиций в материалах, посвященных атаке на редакцию «Charlie Hebdo», представляет собой стремление к преодолению дифференциации в кризисное время.

Чтобы подтвердить или опровергнуть выдвинутую нами гипотезу, мы проанализировали 112 публикаций, посвященных атаке на «Charlie Hebdo» и 327 комментариев к ним. Анализ публикаций (напомним, что под публикациями мы имеем в виду как собственно журналистские тексты, так и комментарии к ним) велся по следующим категориям:

– общая позиция. Нас интересовали публикации, позиции авторов которых можно условно обозначить либо как «Я – Шарли», либо как «Я – не Шарли»;

– апелляция к высшим идентичностям;

[139] Петровская Е. Указ. соч. С. 24.

– лингвистические средства, с помощью которых ведется аргументация;

– конкретные ценности, представленные в материале;

– наличие в публикации категории «зла» и конкретные лексемы, идентифицирующиеся с ней;

– действия, ассоциирующиеся с публикациями, то есть выход за пределы собственно сетевого сообщества (сетевых сообществ).

Полученные данные мы систематизировали в Табл. 1.

Табл. 1. Точки ценностного единства в материалах сетевых СМИ, посвященных нападению на «CharlieHebdo»

Позиция	**«Я – Шарли»**	**«Я – не Шарли»**
Высшая идентичность	Профанный характер.	Сакральный характер.
Ценности	Политические: свобода слова, единство, свобода самовыражения, жизнь, человек.	Религиозные: смирение, аскеза, свобода вероисповедания, жизнь, Бог.
Лингвистические средства	Лексемы, связанные с лишением жизни, главным образом, «убийство»	Конструкция: «Да, но».
Категория «зла»	Убийцы, фундаментализм.	Карикатуры.
Действия (выход за сетевое сообщество)	Марш Республики, митинги в память о погибших, возложение цветов к посольству Франции.	Митинги против религиозных карикатур, убийство Бориса Немцова.

Проанализируем полученные данные.

Наличие двух полярных точек зрения, как фиксируемых в медиасфере, так и нашедших свое отображение в виде конкретных действий, говорит, в первую очередь, об ограниченности возможностей для ценностной интерпретации нападения на «Charlie Hebdo». Аккумуляция контекста вокруг этого триггера произошла таким образом, что у сообществ возникла потребность в преодолении дифференциации и единении – то, о чем сказал Франсуа Олланд сразу после теракта. Природа триггера «CharlieHebdo» такова, что ассоциативные цепочки с большой долей вероятности выведут к абстракциям высокого порядка и, следовательно, к высшим идентичностям.

Такой выход – типичная реакция на кризисную ситуацию.

При этом два враждебных по отношению друг к другу дискурса начали редуцировать значения до тех пор, пока не остались максимально приемлемые. Остальные значения отправились в область дискурсивности, откуда они могут быть выхвачены исключительно для того, чтобы указать на их ложность.

Выше мы писали о двух категориях ценностей, апеллирующих к высшим идентичностям. Вокруг них и сформировались две позиции. Позиция, поддерживающая журнал, развернулась в сторону профанных или политических идентичностей. Неспроста одними из первых, кто выразил ее, стали политические элиты. Профанная идентичность – это стремление множества вспомнить о том, что когда-то оно было народом, и за счет этого преодолеть кризис.

Вторая идентичность – сакральная или религиозная. Религиозный дискурс выделил ноды, связанные с деятельностью «Charlie Hebdo», и активировал связи этих нодов с религиозными ценностями. Нарушение сакральности в религиозном дискурсе карается. Правда, видны затруднения, с которыми столкнулись авторы текстов, осуждавшие политику «Charlie Hebdo». Диссонанс между официально заявленным осуждением убийства в любой мировой религии и необходимостью кары за деятельность по сокрушению сакрального стал главной причиной полной редукции некоторых знаков и повлиял на систему аргументации множеств, объединенных сакральной идентичностью. Причем, как мы уже упоминали выше, одним из важнейших факторов осуждения «Charlie Hebdo» в сакральном дискурсе стали различия в политических идеологиях. Выходит, что политическое в данном случае стало отправной точкой для дальнейшей дифференциации и наращивания антагонизма. А уже затем активировались связи, отвечающие за религиозные ценности. В подавляющем большинстве публикаций против карикатур используется – имплицитно или эксплицитно – конструкция «да, но», являющаяся лингвистическим выражением движения

от политического к религиозному.

«Сегодня, говоря “нет” терроризму и убийствам, насилию, мы говорим также “нет” ничем не объяснимому стремлению определенной группы людей издеваться над религиозными ценностями»[140], – заявление патриарха Кирилла.

«Да, людей жалко. Ничьи художественные грешки не заслуживают смерти. Но будет ли умный человек отождествлять себя с красной тряпкой, которой машут перед быком?»[141] – пишет Иван Ерпылев.

В имплицитном варианте конструкцию «да, но» можно найти, к примеру, в материале «Российской газеты» «Откуда пришли братья Куаши?»[142]. В нем конструкция выведена на уровень композиции текста: начало посвящено трагедии, которая разразилась во Франции, а затем включается «но» – и разговор переходит в плоскость миграционных проблем. Выходит, что «да, теракт – это трагедия, но он стал следствием непродуманной миграционной политики».

Те, кто принял профанную идентичность, активно используют лексему «убийство» как характеристику атаки на «Charlie Hebdo». Что характерно, в рассмотренных нами публикациях, авторы которых выразили позицию «Я – Шарли», нападение на редакцию чаще характеризуется именно как «убийство», а не «теракт».

Например, на эксплуатации понятия «убийство» построен текст политолога Георгия Бовта «Правы все, кроме убийц»[143]. Иногда «убийство» заменяется более экспрессивными лексемами, например, «бойней». Так охарактеризовали произошедшее журналисты «Медузы»[144] и «Московского комсомольца»[145]. Меняется, впрочем, уровень экспрессии, но не суть.

---

[140] Ценности не писаны // Газета.ру. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2015/01/26_e_6387881.shtml
[141] Дошарлились // Южный Урал. URL: http://uralpressa.ru/docs/3.pdf
[142] Откуда пришли братья Куаши? // Российская газета. URL: http://www.rg.ru/2015/01/12/paris.html
[143] Правы все, кроме убийц // Газета.ру. URL: http://www.gazeta.ru/comments/column/bovt/6371029.shtml
[144] Мы все равно смеемся // Медуза. URL: https://meduza.io/feature/2015/01/08/karandash-protiv-kalasha
[145] Как в Реймсе проходила операция по задержанию террористов, расстрелявших Charlie Hebdo // Московский комсомолец. URL: http://www.mk.ru/politics/2015/01/07/islamisty-ig-rasstrelyali-10-chelovek-v-ofise-francuzskogo-zhurnala-sharli-ebdo.html

Мы также посчитали необходимым выделить категорию «зла» в ее культурсоциологической сущности, выведенной Д. Александером – то есть в качестве зла, которое «производится не просто для того, чтобы поддерживать господство и власть, как заявили бы Фуко и Маркс, но чтобы сохранять возможность выносить положительные оценки»[146]. Позиция «Я – Шарли» персонифицирует и идеологизирует зло, противоположная позиция рассматривает зло как результат творческого процесса. Ценностный конфликт возникает потому, что в культурсоциологическом понимании зло не может рассматриваться в отрыве от добра. Иными словами, если есть возможность оценивать нечто как зло, то есть возможность и вывести из него добро. При персонализации зла персонализируется и добро. Посмертное награждение художников «Charlie Hebdo», публикация материалов с их биографиями – это лишь некоторые примеры, демонстрирующие попытки персонализации добра. В то же время, позиция «Я – не Шарли» рассматривает зло как результат творческого процесса той группы людей, которую противоположная позиция персонифицирует в качестве добра. Это противоречие имеет политический базис, и оно неразрешимо.

Действия, которые последовали за внедрением триггера «CharlieHebdo» в медиадискурс, также весьма любопытны. Ряд сообществ стал выходить за пределы «шумихи», превратившись в полноценных политических акторов. Поначалу самыми яркими из них, безусловно, стали митинги. Интересно, что обе стороны выбрали этот легальный метод высказывания своей позиции. Еще более интересным представляется то, что медийное позиционирование этих митингов окончательно легитимировало различия высших идентичностей как различия между профанным и сакральным. «Марш Республики» – название, апеллирующее к политическому, государственному, «митинг против религиозных карикатур», напротив, говорит о защите сакрального. А затем произошло убийство Бориса Немцова: по версии

[146] Александер Д. Указ соч. С. 271.

Следственного комитета России, в качестве мести за его поддержку «Charlie Hebdo». Радикальные формы сакрализации не оперируют понятиями земных законов: потому кровь за оскорбление не считается недопустимой. Убийство Б. Немцова показало опасность излишней, радикальной сакрализации и ее участия в политических процессах: в профанном дискурсе триггер «CharlieHebdo» не может быть интерпретирован в качестве механизма такой расправы. Убийство организаторов теракта, в отличие от убийства Б. Немцова, легально встроено в профанный дискурс, в этом их отличия. В сакральном дискурсе смерть Б. Немцова может оправдываться: «А ведь надо было раньше его приручить в 2002 году, когда он с Каспаровым тайно посещал в Лондоне педофила и извращенца Буковского. На Каспарова, кстати, сейчас уголовное дело в США за коррупцию и взятки. То есть вся эта компашка друг друга стоит <…> Всем им пора уже перед Богом предстать за свои преступления»[147]. Несмотря на радикальную сакрализацию, в цитате явно прослеживается разница в политических идеологиях: упомянуты США, Лондон и коррупция, причем, по версии автора публикации, столица Великобритании является местом нахождения «педофила и извращенца».

Наконец, рассмотрим ценности, к которым обращаются авторы публикаций, чтобы увидеть, где начинает интерпретироваться триггер. Ни одна позиция, кроме ярых религиозных фундаменталистов, для которых доступ к медиадискурсу ограничен, не смеет отрицать ценность жизни. На этом уровне триггер «CharlieHebdo» еще не разветвлен, цепочки ассоциаций ведут в одну сторону. Но в дальнейшем начинаются бинарные оппозиции: ценности, связанные с политическими свободами, ставятся в противоположность смирению с отсутствием некоторых свобод и даже к выбору самоограничения как важнейшего качества человека. Наконец, само мирское – человек как ценность – ставится в противоположность возвышенному – Богу как ценности. Иными словами, политическое при интерпретации данного триггера, став отправной точкой, окончательно

[147] Вадим Проскурня // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall212728716_797

уступает место религиозному.

Апеллируя к ценностям, «шумиха» выходит за пределы сетевого пространства. Так что ценность – катализатор разрыва коммуникативной сущности «шумихи», то, что подталкивает некоторых членов сетевого сообщества к действиями за пределами сети. Разумеется, ценность должна быть тесно увязана с высшими идентичностями, чтобы обладать достаточной силой для такого разрыва.

Иными словами, ценностный конфликт вокруг интерпретации триггера «CharlieHebdo» – конфликт между сакральным и профанным. Дальнейшая судьба триггера «CharlieHebdo», как мы писали выше, может быть разной, но одно позволительно сказать с уверенностью: если время пощадит триггер, то он не поможет решению проблем, возникающих в результате ценностного раскола, поскольку этот ценностный раскол усугубляется и поддерживается расколом идеологическим. Напротив, призывы к единению сплотили разные группы внутри одного большого множества, не объединенного ничем, кроме своей разобщенности. И убийство Бориса Немцова, к сожалению, может стать не последним внесетевым действием, вызванным интерпретацией триггера «CharlieHebdo».

3.2. Становление ценностного триггера в российской медиасфере (на примере лексем «санкции» и «антисанкции»)

Если «CharlieHebdo» как ценностный триггер в российской медиасфере ранее не проявлялся, то триггер «санкции» новым для отечественных СМИ назвать нельзя. В мировой истории международных отношений немало примеров санкционной политики, и такая политика находила отображение в российских СМИ. Выше уже приводились эти примеры – Югославия и Иран. И неудивительно, что санкции, которые вводились против других стран, рассматривались в наших СМИ иначе, нежели те санкции, которые вводятся против России.

Югославские санкции – и сегодня, и раньше – виделись в СМИ как

очевидное зло для экономики (вспоминалась, скажем, гиперинфляция[148]). Санкции против Ирана (как и югославские, они были поддержаны Россией), должны были стать «серьезным сигналом Ирану о необходимости более активного и открытого сотрудничества с МАГАТЭ для снятия сохраняющихся озабоченностей и вопросов в отношении его ядерной программы»[149].

Чтобы понять трансформацию триггера «санкции» от югославо-иранских времен, посмотрим, как российские СМИ характеризовали санкции в отношении этих государств.

1. Санкции априори негативны для любой экономики. Новостные сообщения, скажем, о гиперинфляции в Югославии и других трудностях в стране, раздираемой войной, были обычным делом для медийного дискурса. В случае с Ираном многие СМИ решились воздержаться от разбора последствий санкционной политики, их не интерпретировал этот триггер как позитивный. Мы считаем, что основное влияние на интерпретацию триггера «санкции» оказала общественно-политическая ситуация: первые ограничения в отношении Югославии вводились в начале 90-х, когда правопреемница СССР держала курс на сближение с Западом, санкции против Ирана вводились до «Мюнхенской речи» В. В. Путина, которая считается точкой отсчета для формирования сакрального дискурса (именно тогда, к слову, В. В. Путин ссылался, в частности, на «тысячелетнюю историю России» – прием, характерный для сакрального, но никак не для профанного дискурса).

2. Несмотря на первый пункт, Россия поддержала санкции в отношении обоих государств, на что и был сделан упор в

[148] Жизнь под санкциями. Как это было в Югославии // Афиша. Воздух. URL:http://vozduh.afisha.ru/art/zhizn-pod-sankciyami-kak-eto-bylo-v-yugoslavii/

[149] Совбез ООН ввел санкции против Ирана. Россия поддержала // Newsru. URL: http://www.newsru.com/world/23dec2006/sank.html

российских средствах массовой информации. Чаще всего этот факт просто констатировался (без оценки), но даже сама констатация говорит о многом. Например, о том, что журналисты решили обратить внимание не столько на сам факт подрыва экономик, признаем, не самых далеких от нас стран, сколько на факт поддержки как таковой – то есть, на внешнюю политику страны.

3. Тем не менее, в российских СМИ подчеркивалось, что решение о санкциях принимало мировое сообщество, а Россия выступала в качестве страны, присоединившейся к этому решению. Данный момент очень важен, поскольку говорит об интерпретации России в качестве «присоединившегося» или «согласившегося» государства. То есть, речь не ведется о политическом антагонизме по отношению к мировому сообществу.

После «Мюнхенской речи» В. В. Путина начинается формирование сакрального дискурса, в котором Россия интерпретируется как «неприсоединившееся» государство. Несмотря на тот факт, что «Мюнхенская речь» была наполнена профанными отсылками (например, к Уставу ООН), суть ее сводилась именно к выведению России за пределы профанного дискурса.

Уже в 2008 г. положения «Мюнхенской речи» о проведении «независимой внешней политики» нашли подтверждение в конфликте в Южной Осетии. Но, безусловно, наиболее ярко раскол между сакральным дискурсом российской власти и профанным дискурсом западных стран проявился в результате конфликта на Украине. Семи лет, прошедших с «Мюнхенской речи», оказалось вполне достаточно, чтобы сакральный дискурс установился в качестве официального, нашел поддержку в российском обществе , обзавелся собственным антагонистом в лице профанного дискурса и стал ориентиром для проведения внутренней и внешней политики.

Безусловно, «санкции», которые страны Запада наложили на Россию в

результате ее реакции на события на Украине, являются полностью профанным концептом. По сути они представляют собой легально оформленные ограничения, да и сам термин «санкции» носит профанный характер. Тем интереснее наблюдать за его интерпретацией в сакральном дискурсе.

Сакральный дискурс не мог «проигнорировать» триггер «санкции» и оставить его в области дискурсивности, не интерпретируя и не встраивая его в свою ассоциативную систему. Во-первых, потому, что санкции действительно нанесли удар по экономике России и по благосостоянию граждан, во-вторых, потому что сакральный дискурс к моменту введения санкций претендовал на господство в медиасфере, а в-третьих, потому что вновь актуализировался политический антагонизм России по отношению к ряду государств.

Неудивительно, что именно слово «санкции», по мнению российских лингвистов, вошло в тройку слов 2014 года[150]. Символично, что в Финляндии «словом года» (точнее, словом, наилучшим образом передающим атмосферу 2014 г.) признали слово «сыр Путина» – сыр, который не попал на российские прилавки из-за введенных «антисанкций» и оказался в финских магазинах по доступной цене[151].

Итак, санкции были применены по отношению к России, оказали влияние не просто на экономику, а на благосостояние отдельных граждан, актуализировали идеологический разрыв между Россией и некоторыми другими государствами и, соответственно, не могли игнорироваться сакральным дискурсом. Однако интерпретационные техники тех СМИ, которые функционируют в сакральном дискурсе, отличаются от техник 10-летней давности, поэтому сложилась любопытная ситуация: элемент «санкции», по сути, снова попал в медийный дискурс из области дискурсивности, но его означивание произошло иным образом, нежели

[150] Российские лингвисты выбрали «словом года» выражение «Крымнаш» // Flarus. URL: http://news.flarus.ru/?topic=4513

[151] «Сыр Путина» стал словом года в Финляндии // НТВ.ру. URL: http://www.ntv.ru/novosti/1268404/

происходило ранее, потому «санкции» стали ценностным триггером, но не тем триггером, который внедрялся в медийный дискурс 10 и 20 лет назад.

На изменение интерпретации триггера «санкции» повлияли не только устойчивые позиции сакрального дискурса, но и, конечно, изменение политической позиции России. Если раньше Россия была «присоединившимся» государством, которое поддерживало санкции в отношении других стран, то теперь она сама оказалась на месте этих стран, что, безусловно, не могло не сказаться на активации соответствующих цепочек ценностных ассоциаций. Произошла своеобразная «перезагрузка» триггера: лексема осталась той же, но контекст изменился, поскольку изменились противоборствующие дискурсы, а, следовательно, изменились и связи между соответствующими нодами, и сами группы нодов. «Шумиха» обратилась внутрь, ведь санкции наложены на Россию, и интерпретация триггера не могла не измениться. Если мы обратимся к Рис. 2, представленному в предыдущей главе, то увидим, что в данном случае изменились все составные части нашей схемы: интерпретация триггера (из-за изменившегося характера санкций), «шумиха» (она обращена на Россию), тексты, в которых содержатся триггеры (опять из-за того, что санкции наложены на Россию), и, соответственно, меняется и сам триггер. Лексически он остается тем же, а в сочетании с контекстом изменяется. Проще говоря, интерпретируется не столько сам триггер «санкции», сколько «санкции в отношении России». Для дальнейшего удобства мы будем подразумевать под триггером «санкции» именно «санкции в отношении России».

Теперь рассмотрим, как же интерпретируется ценностный триггер «санкции» в сакральном дискурсе. В качестве эмпирической базы мы взяли 163 материала из СМИ и 282 комментария к ним.

Выше мы уже упоминали о том, что в сакральном дискурсе триггер «санкции» должен быть переосмыслен, поскольку сам термин «санкции» является профанным. Такое переосмысление произошло. Санкции представлялись в сакрально ориентированных СМИ следующим образом:

1. Как трудности, которые нужно преодолеть. «Трудность» – категория еще не сакральная, но уже близка к ней, поскольку соседствует с истинно сакральной категорией «испытания». Следовательно, санкции представляют собой испытание, которое Россия как политически сильная держава успешно пройдет. Сакрализация испытания – типичный прием в религиозных книгах (вспомним хотя бы Иисуса в пустыне) и в религиозных же традициях и обрядах (например, многочисленные посты в христианстве и исламе, запрет на употребление определенной пищи в иудаизме и исламе и т.д.) Четче всего данная позиция была высказана через государственные СМИ Дмитрием Медведевым: «Наша страна крепкая и кто бы как на нас ни давил, мы все равно будем жить в нашей любимой стране, развивать ее, вкладывать деньги, заниматься обустройством собственного государства»[152]. Это краткое высказывание насыщенно сакральным, а совсем не политическим: «крепость», «давление», «любовь», «забота» (последнее – имплицитно через профанные категории «обустройства» и «государства»).

2. В сакральном дискурсе концепт «испытания» оказывается недостаточен для интерпретации триггера «санкций». Выясняется, что смирения недостаточно для восприятия трудностей, и тогда ценностные цепочки активируются в сторону политических антагонистов – государств, принявших санкции в отношении России. Здесь проявляется двоякая сущность сакрального дискурса: он является дискурсом согласия-в-себе (иными словами, интерпретируя ситуацию в рамках сакрального дискурса, два индивида с большей долей вероятности придут к согласию, нежели два индивида, интерпретирующих ту же ситуацию в рамках профанного дискурса), но, в то же время, дискурсом несогласия-вовне (сакральный дискурс оппозиционен по отношению ко всем другим дискурсам). Обращаясь к

[152] Медведев: никакие санкции России не страшны // Вести.ру. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=1886676

государствам, принявшим санкции, сакрально ориентированные СМИ обращаются, тем самым, вне своего дискурса, а потому априори антагонистичны. Для таких СМИ Запад сталкивается уже не с сакральным испытанием, а с профанными трудностями, которые стали прямым следствием попытками надавить на Россию в угоду согласию внутри своего дискурса. Пример – высказывание Аркадия Дворковича: «Новые хаотичные шаги по введению и расширению санкций для России – всего лишь продолжение глупой политики, которую ведут наши партнеры и друзья. Санкции создают трудности не только для России, но и для других стран, в частности для Европы. Европа много теряет от введенных США санкций. Можно сказать, что они были направлены не против России, а против Европы»[153].

3. Так как сакральный дискурс является дискурсом согласия-в-себе, он предполагает поощрение за поддержку себя и наказание за оппозиционность. В случае с санкциями сакральный дискурс обнаруживает классически-сакральный оптимизм: санкции не просто являются испытанием для России и ее граждан, санкции не просто создают трудности для тех, кто их ввел – санкции еще и являются катализатором для социального и политического развития России (в русле сакральности), то есть идут на благо самому государству: «Уже после 2015 года санкционный режим против России потеряет эффективность»[154].

4. Слабо представлена, но, тем не менее, присутствует в сакральном дискурсе интерпретация санкций через пессимистические настроения. Этот пункт, в общем, коррелирует с пунктом 1, но далеко не всегда сопутствует ему как в СМИ, так и в комментариях к материалам СМИ. Пессимистические настроения можно

[153] Дворкович назвал глупостью санкции против России // Газета.ру. URL: http://www.gazeta.ru/business/news/2015/09/04/n_7553363.shtml
[154] Atlantico: Уже через год санкции станут для России не страшны // RussiaToday. URL: http://russian.rt.com/inotv/2015-05-04/Atlantico-Uzhe-cherez-god-sankcii

идентифицировать через следующий материал: «Владимир Путин с сожалением констатировал, что “рассчитывать на изменение недружественного курса партнеров в обозримом будущем не приходится”. А США скорее всего ужесточат санкционный режим – дискуссии на эту тему продолжаются. “Причины этого давления понятны, – заявил президент, – Мы проводим независимую внутреннюю и внешнюю политику и не торгуем суверенитетом”. По его мнению, граждане страны, основные политические силы и бизнес понимают подоплеку происходящих событий и знают, что нужно делать в сложившейся ситуации»[155].Заметим, что В. В. Путин, в отличие от Д. А. Медведева, более профанирует (и политизирует) свою речь, разбавляя ее такими профанными терминами, как «суверенитет», «независимость», «политика». Однако за этим профанированием, тем не менее, стоит мощный сакральный дискурс, где «суверенитет» и «независимость» оборачиваются «свободой», поскольку стоят в одном предложении с отрицанием «торговли» – по сути, отрицанием профанной сущности внутренней и внешней политики России. Ключевой же в приведенной нами цитате является лексема «понимание», через которое сакрализация достигает своего апогея и окончательно переводит на первый взгляд профанную цитату в сакральный дискурс. Сакральное здесь, как и в случае с «CharlieHebdo», отталкивается от профанного, а если быть точным, то от политического.

Теперь рассмотрим, как интерпретировался триггер «санкции» в профанном дискурсе:

1. Санкции вредят России. То, что раньше писалось по отношению к Югославии и Ирану, стало реальностью в нынешней политической обстановке. Но только профанный дискурс продолжает в

[155] Путин призвал готовиться к худшему: санкции против России ужесточатся // Моск. комсомолец. URL:http://www.mk.ru/politics/2015/07/03/putin-prizval-gotovitsya-k-khudshemu-sankcii-protiv-rossii-uzhestochatsya.html

полной мере интерпретировать санкции как экономический инструмент давления. В профанном дискурсе санкции не могут быть «испытанием», они по умолчанию считаются работающим инструментом политического и экономического давления. Когда мы рассматривали интерпретацию триггера «санкции» в сакральном дискурсе, то привели цитату Д. А. Медведева. Теперь мы снова приведем цитату премьер-министра России, но ретранслированную в другом СМИ – существующем в профанном дискурсе: «Присоединение Крыма повлияло на нашу экономику. Нет практически ни одной отрасли экономики, которую бы ни затронули те или иные политические меры, начиная от финансовой сферы, от ограничений в доступе к иностранным кредитам и заканчивая импортом технологий»[156].

2. Оптимизм, характерный для сакрального дискурса, в профанном дискурсе меняется на пессимизм. Если санкции воспринимаются как вред для российской экономики и серьезный политический удар, то помочь может только их отмена, которой в ближайшее время не предвидится. До тех пор, пока санкции не отменены, экономика России и ее политическое положение в мире находится под ударом: «Если продолжится тенденция сегодняшнего дня, то, по-видимому, в среднесрочной перспективе рубль будет падать»[157]. Русская служба BBC и вовсе выпустила материал под заголовком: «Курс рубля – дело в политике, а не в экономике», где встречается, в частности, такая фраза: «Не надо иллюзий, пока есть президент Путин, у нас в стране никаких политических реформ не будет»[158].

[156] Медведев признал, что аннексия Крыма нанесла России ущерба на 25 миллиардов евро // Крым. Реалии. URL: http://ru.krymr.com/content/news/26969709.html

[157] В среднесрочной перспективе рубль будет падать // КоммерсантЪ. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2707237

[158] Курс рубля – дело в политике, а не в экономике // BBC. Русская служба. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2015/08/150820_5floor_rouble_trouble

3. В отличие от сакрального дискурса, в профанном дискурсе Россия показывается как страна, в отношении которой санкции представляются обоснованной мерой. В примере из предыдущего пункта присоединение Крыма к России называется аннексией, что коррелирует с ценностно-политическими интерпретациями в профанном дискурсе. Более подробно ценностный триггер «Крым» мы рассмотрим в следующем параграфе, а пока констатируем, что в профанном дискурсе санкции представляются как заслуженное наказание – не как испытание, но, скорее, как геополитическая аналогия тюремному заключению.

Рассмотрев ценностно-политический триггер «санкции», перейдем к рассмотрению другого ценностно-политического триггера, связанного с ним, – «антисанкции».

6 августа 2014 года Россия налагает продуктовое эмбарго в отношении отдельных видов сырья, продовольствия и сельскохозяйственной продукции из стран, которые ввели экономические санкции против России. В СМИ этот шаг мгновенно соотносится с уже установившимся к тому моменту в медиасфере ценностным триггером «санкции» (хотя природа российского продуктового эмбарго, безусловно, отличается от санкций, примененных в отношении нашей страны). В результате рождается сопутствующий ему триггер, который является самостоятельным, но, в то же время, слабо идентифицируемым вне «санкций», – «антисанкции».

Само понятие «антисанкции» более характерно для сакрального дискурса (это, впрочем, не означает, что оно не может использоваться в профанном дискурсе) по следующим причинам:

– во-первых, подчеркивается ответный характер санкций, введенных Россией по отношению к Западу, а, следовательно, их интерпретация должна отличаться от интерпретации западных санкций;

– во-вторых, приставка «анти-» нивелирует эффект от уже установленного триггера «санкции». Поясним подробнее: к моменту

введения Россией продуктового эмбарго, ценностный триггер «санкции» уже оказался негативно окрашен как в сакральном, так и в профанном дискурсе. В первом он интерпретировался как «испытание», во втором – как экономические трудности, сказывающиеся на простых гражданах. Даже подчеркнуто оптимистические настроения, которые продуцировал сакральный дискурс, можно считать следствием признания негативного эффекта от санкций. И сам конструкт «антисанкции» не только отображает ответный характер введенных Россией мер, но и нивелирует негативный эффект от триггера «санкции» («санкции» – это плохо, «антисанкции» – это «антиплохо»).

В таких условиях создание триггера «антисанкции» является примером эффективной работы сакрального дискурса по артикуляции элементов из области дискурсивности. Следуя логике предыдущего параграфа, мы увидим, что поначалу действия России лежали в сфере чистого события, и только затем попали в соответствующие дискурсы: политический, медийный, культурный и т. д. Сакральный дискурс переработал чистое событие, выдав, во-первых, запоминающийся, а во-вторых, идеологически выверенный триггер. Об успехе работы сакрального дискурса говорит и то, что триггер «антисанкции» подхватили и профанные СМИ. И пусть они интерпретируют его по-своему: как мы уже писали, задача триггера – активировать цепочки ценностных ассоциаций, в самом процессе оценки он не участвует, будучи всего лишь инструментом.

Подробнее рассмотрим, как ценностный триггер «антисанкции» рассматривался в сакральном дискурсе.

1. Сакральный дискурс интерпретирует «антисанкции» как политический ответ. Более того, в сакральном дискурсе ответный характер российского эмбарго – первая «остановка» в цепочке ценностных ассоциаций. Иными словами, «анти-» превалирует над «санкциями». Казалось, бы сакрального в теологическом понимании в такой интерпретации мало: то же христианство учит смирению

перед лицом трудностей (см. пункт о «санкциях» как испытании). Однако сакрализация может вестись не только через религиозные категории. Еще один важный инструмент сакрализации – это обращение к истории (снова вспоминаем «Мюнхенскую речь» и слова о «тысячелетней истории России»). «Антисанкции» – это продукт новой Холодной войны (пусть Холодной, но все же войны), а самые сакрализуемые войны в истории России – Отечественная и Великая Отечественная – показывали, что наша страна не выступает в роли агрессора, а лишь защищает свою территорию. Правоту наших слов подтверждает и пример Крыма: по официальной российской версии, озвученной В. В. Путиным в фильме «Крым. Путь на Родину», введение российского воинского контингента на территорию другого государства было обусловлено необходимостью защиты русского населения. Впрочем, о Крыме мы еще поговорим в третьем параграфе. В сакральном дискурсе не просто вспоминаются Гитлер и Наполеон (К примеру, описание того, как россияне справляются с трудностями: «Я же считаю, что это не “парадокс”, а особенность русского характера, которую Западу давно бы уже пора было уяснить себе на печальных примерах Гитлера и Наполеона»[159]), но и активно используется прием десакрализации ценностно-политических триггеров, сакрализуемых в других дискурсах. В качестве примера приведем материал сайта «Вести.ру», в котором в позитивной тональности сообщается о появлении в российских магазинах коврика для вытирания ног с изображением американского флага. Грубая десакрализация легитимируется с помощью комментариев аудитории: «Читатели британской газеты, судя по комментариям, оценили выдумку российских предпринимателей. “Такие коврики надо продавать по всему миру, они практически в любой стране

[159] Америка потеряла Россию // Новости (новостная лента). URL: https://vk.com/wall-50645448_14504

будут пользоваться популярностью", – отметил один из Интернет-пользователей. Другой комментатор отметил: "Я американец, и я понимаю, почему люди так делают"»[160].

2. Из первого пункта вытекает и второй: в сакральном дискурсе триггер «антисанкции» может распространиться на любые другие триггеры, имеющие отношение к оппозиционным дискурсам, даже если эти триггеры не имеют отношение к собственно продуктовому эмбарго. Приведенный нами выше пример с ковриком – не единственный; грубая десакрализация при конфликте дискурсов не имеет границ и находит поддержку в сетевых сообществах.
3. Так как триггер «антисанкции» аккумулирует конфликтные интерпретации, то кажется логичным, что в сакральном дискурсе упор будет сделан на эффект от введенного эмбарго. Подсчеты потерь «врага» – важный прием в сакральном дискурсе в период конфронтации с профанным, он помогает, во-первых, немного «профанировать» эффект (через экономические и политические категории), а во-вторых, подкрепляет сакральный дискурс через интерпретацию эффективности проводимой властью политики. Небольшое дополнение по первому пункту: в своем противоборстве, и сакральный, и профанный дискурсы «заходят на территорию соперника», поскольку атака на профанные категории со стороны сакрального дискурса и наоборот – это демонстрация твердости связей в своем дискурсе и их слабости в другом. Даже в коротких новостных сообщениях можно проследить попытки анализа: «Уже сейчас понятно: в ближайшее время предложение будет сильно превышать спрос, и для большого количества компаний введение эмбарго станет финальной точкой в карьере»[161]. Конфронтация

[160] Западные СМИ о российских «антисанкциях»: москвичи вытирают ноги о флаг США // Вести. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2227234

[161] Европа подсчитывает убытки от антироссийских санкций // Суть событий. URL: http://argumentiru.com/world/2014/08/358078

дискурсов идет поистине по военным законам: необходимо информировать не только о своих победах, но и о потерях врага.

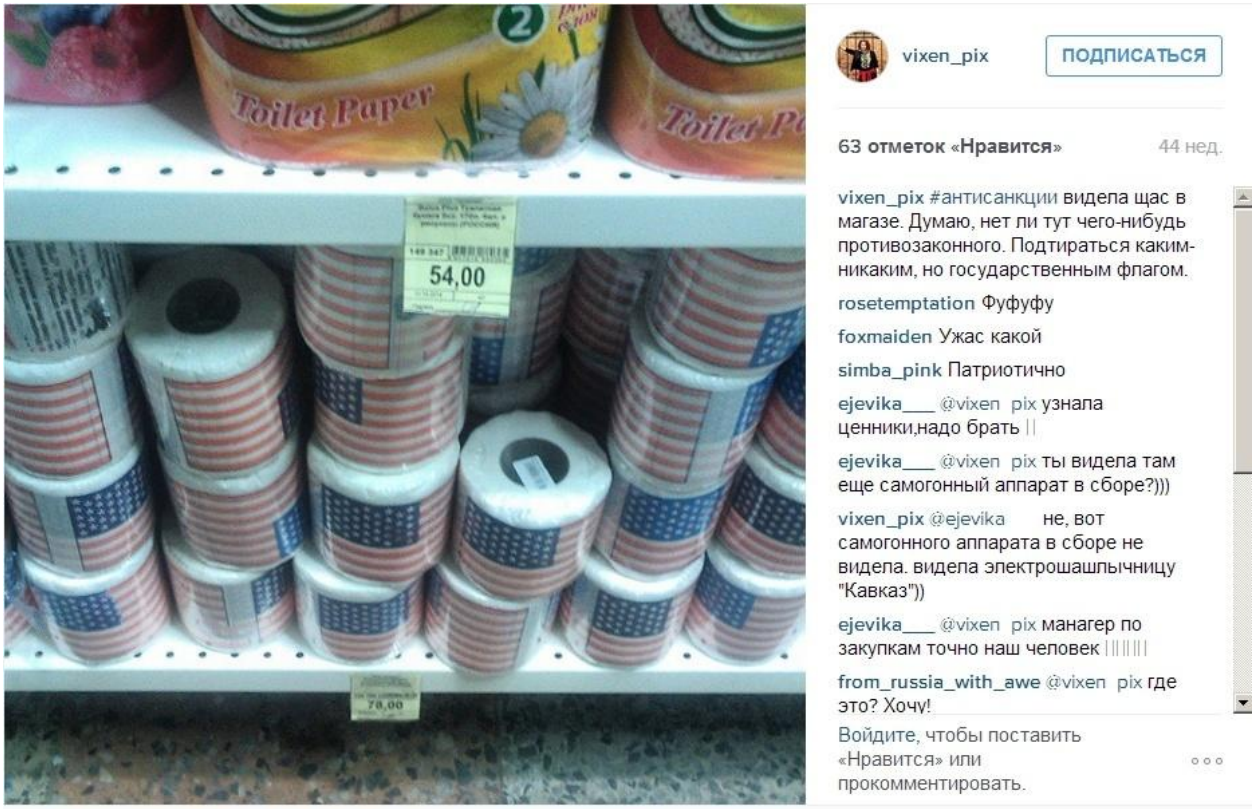

Рис. 6. Расширение триггера «антисанкции» в сакральном дискурсе. Источник: социальная сеть Instagram.

В противовес сакральному, профанный дискурс интерпретирует триггер «антисанкции» иначе – главным образом, через профанные категории.

1) Большинство сообщений профанных СМИ о продуктовом эмбарго посвящены подсчету убытков России от введенных ограничений. Подчеркивается высокий уровень продуктовой инфляции (как и в случае с триггером «санкции»), указывается на обеднение ассортимента и слабый эффект в рамках импортозамещения. Показательным выглядит материал с сайта «Слон.ру», в котором собраны все указанные нами темы: «Для рядовых потребителей главное следствие антисанкций – дополнительный импульс для раскручивания продовольственной инфляции. <…> Ассортимент –

обеднел. <…> Цены, очевидно, продолжат быстро укрепляться. По итогам года рост, весьма предварительно, можно оценить на уровне прошлого года, то есть в районе 15% <…> Наиболее заметными бенефициарами антисанкций стали производители сыров и масла»[162].

2) В противовес сакральному дискурсу, в котором антисанкции России предстают для Европы «катастрофой»[163], в профанных СМИ сдерживаются в оценках ущерба, который несут европейские страны. Более того, в некоторых СМИ даже появляется информация о выгоде, которую Европа получает от антисанкций: «За год, прошедший с введения Россией продуктового эмбарго для ЕС, Европа нарастила объем экспорта на 5%. Всего в третьи страны было поставлено продуктов на 105,6 млрд евро, что на 4,8 млрд евро больше, чем в период с августа 2013 по май 2014 годов»[164].
3) В профанном дискурсе большое внимание уделяется социальным и культурным последствиям санкционной войны, а политические последствия, как ни странно, отходят на второй план (видимо, потому, что они уже интерпретированы с помощью ценностно-политического триггера «санкции»). Для сакрального дискурса это менее характерно, поскольку социальное и культурное – категории профанные, а, следовательно, по умолчанию незначимые. Профанные СМИ пишут, в частности, о гастро-турах за санкционными продуктами: «Петербуржцы массово отправляются в Финляндию за маслом, сыром и молоком, к которому они привыкли, и которое теперь у нас под запретом»[165]. Любопытной представляется еще одна связь, установившаяся в профанном дискурсе: на волне уничтожения

[162] Полгода назад Россия ввела антисанкции. К чему они привели? // Слон.ру. URL: http://slon.ru/biz/1212272/
[163] Российские антисанкции стали катастрофой для европейских стран // Вести.ру. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=1899541
[164] Евросоюз заработал 5 млрд евро на российских антисанкциях // Новый день. URL: http://newdaynews.ru/economy/540189.html
[165] В России появились новые шоп-туры – по продуктовым магазина Европы // Сургутинформтв. URL: http://sitv.ru/arhiv/news/russia/71028/

санкционных продуктов, в сетевых сообществах установилась связь между геополитической ситуацией и уровнем жизни населения, в результате чего появились и распространились предложения отдавать незаконно ввезенные санкционные продукты нуждающимся, вместо того, чтобы уничтожать сыр, мясо и прочую еду: «Лучше бы изъяли эту санкционку и нуждающимся отдали вместо того, чтобы еще и на утилизацию деньги тратить!!!! Сытый голодного не разумеет! И здесь становиться очевидным, кто есть кто!»[166] Нельзя не оценить и эффект, который оказал триггер «антисанкции» на культуру. Главным образом, этот эффект проявился в тиражировании в сетевых сообществах юмористических картинок, посвященных «антисанкциям». Это можно считать небольшой победой профанного дискурса, поскольку актуализация вирусного эффекта вкупе с сатирической направленностью контента обладает мощным убеждающим или подкрепляющим (заметим, не переубеждающим) импульсом (см. Рис. 7). Справедливости ради отметим, что и в сакральном дискурсе замечено вирусное распространение посвященных антисанкциям картинок, но в них не юмористический, а «подбадривающий» импульс, позволяющий интерпретировать санкции в контексте сакральной борьбы в целом, а также самодостаточности и самобытности русской гастрономической культуры в частности (см. Рис. 6).

В целом, отметим, что триггеры «санкций» и «антисанкций» являются ярким примером того, как политическая информация интерпретируется и дозируется в разных дискурсах. Если в триггерах «CharlieHebdo» и «Крым» заложены основания для их диаметрально противоположной интерпретации (культурные различия в первом случае и несовершенство международной правовой системы, допускающее нерешаемые ситуации, во втором), то триггер «санкции/антисанкции» уникален не просто как неразрывная совокупность двух концептов в одном. «Санкции/антисанкции» – триггер,

[166] Виктор Власов // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall209393352_2238

который в своем лексическом значении несет весьма ограниченный герменевтический потенциал. И на его примере мы можем наблюдать то, что некоторые назвали бы манипулятивными техниками и с чем мы вынуждены не согласиться. Ограниченность герменевтического потенциала триггера «санкции/антисанкции» – это вызов и для сакрального (в большей степени), и для профанного (в меньшей степени) дискурсов, поскольку им приходится задействовать все свои интерпретационные возможности, чтобы встроить элемент в себя. И у них это, на наш взгляд, получается.

Рис. 7. «Культурный эффект» триггера «антисанкции» в профанном дискурсе. Источник:https://mediazor.ru/68889-runet_otmetil_god_bez_sanktsionnoy_edyi_sotnyami_produktovyih_memov.html

Рис. 8. Визуальная интерпретация триггера «антисанкции» в сакральном дискурсе. Источник: https://pp.vk.me/c625231/v625231212/73a/bqSR4i4Rm0U.jpg

Отметим также, что в ценностно-политических триггерах «санкции» и «антисанкции» заложен, на наш взгляд, низкий потенциал для вывода сообществ за пределы виртуальности. С одной стороны, сообщества интерпретируют триггер «санкции» как безусловно негативный, что создает протестный потенциал. Однако в сакральном дискурсе протестный потенциал быстро нивелируется интерпретацией «санкций» как трудностей, которые надо преодолеть. Профанный же дискурс, по нашему мнению, артикулирует и интерпретирует триггер «санкции» так, как это подобает символическим элитам – прибегая к цифрам и используя научный подход в целом. Но для переубеждения индивида, склонного к сакральной интерпретации политических событий, этого недостаточно, поскольку сакральный дискурс, как мы уже упоминали, во многом опирается на веру. Единственное, что может найти отклик у индивида с сакральным мышлением, – это уничтожение санкционной еды, которую можно было бы отдать нуждающимся. Однако в одиночку данный аргумент не работает, а иных аргументов, доступных для интерпретации в сакральном дискурсе, в профанном дискурсе не находится.

Наилучшим образом проиллюстрирует наш вывод Табл. 3.

Таблица 3. *Основные семантические точки интерпретации ценностно-политического триггера «санкции/антисанкции» в сакральном и профанном дискурсах*

	Санкции (сакральный дискурс)	**Санкции (профанный дискурс)**	**Антисанкции (сакральный дискурс)**	**Антисанкции (профанный дискурс)**
Повод для введения	Новая холодная война, развязанная Западом	Агрессивная внешняя политика России	Необходимость защищать Россию от агрессивной внешней политики других стран	Стремление отомстить любой ценой
Экономический эффект	Слабо выражен, ЕС теряет больше	Сильно выражен, растет инфляция, рубль падает	Сильно выражен, ЕС теряет миллиарды, Россия налаживает импортозамещение, растет внутреннее производство	Слабо выражен, потери для Евросоюза колеблются от незначительных до их полного отсутствия (вплоть до извлечения

				выгоды)
Политический эффект	Россия становится центром многополярного политического мира, приобретая новых союзников	Россия становится изгоем на геополитической карте мира	Россия становится самодостаточным государством, способным не зависеть от внешней политики других стран	Изоляция России усугубляется, что приводит к уменьшению ее геополитического влияния
Потенциал для вывода сообщества за пределы виртуальности	Низкий	Умеренный	Низкий	Низкий

3.3. Априори конфликтный «Крым»: повторная актуализация ценностно-политического триггера в медиасфере

В ночь с 27 на 28 февраля 2014 года в Крыму появились вооруженные люди в военной форме без опознавательных знаков, которые в кратчайшие сроки взяли под свой контроль стратегически важные точки полуострова и блокировали расположенные на нем военные части Вооруженных сил Украины. В течение марта в Крыму был проведен референдум о присоединении к России, а затем полуостров официально (со стороны России) стал частью Российской Федерации, что и было закреплено соответствующими изменениями в конституционно-правовой базе.

Крымский кризис вызвал б***о***льшую волну негатива по отношению к России, нежели, скажем, конфликт в Южной Осетии шестью годами ранее. Формально он стал поводом для введения первых санкций против России, породив тем самым другой триггер. Как итог, правовой статус Крыма до сих пор не закреплен всеми сторонами-участницами конфликта, полуостров перешел на рубль и открыл границы с Россией, однако ни Украина, ни ООН не признают его частью РФ. Статус Крыма – яркий пример различия между «де-юре» и «де-факто. Оказавшись в ситуации, когда право наций на самоопределение сталкивается с правом государства на территориальную целостность, международная правовая система раз за разом демонстрирует свою несостоятельность в решении данного вопроса: так было с Абхазией и

Южной Осетией, с Косово и с Крымом.

Легально Крым не является частью России: одного референдума недостаточно, нужно еще и согласие Украины, которого, разумеется, не получить. В то же время, представляется очевидным желание крымчан жить в составе России. Вокруг этих двух позиций, в целом, и строится интерпретация триггера «Крым» в сакральном и профанном дискурсах.

Стоит заметить, что вопросы о статусе Крыма поднимаются давно: (вспомним героя одного известного фильма, который призывал украинцев «ответить за Севастополь» – весьма яркий показатель актуализации проблемы в обществе). Поэтому не следует говорить о повторном внедрении ценностно-политического триггера в медиасферу, поскольку он из нее не выпадал. Скорее, смысл анализа сводится к повторной актуализации ценностно-политического триггера.

В отличие от предыдущего параграфа, в котором мы говорили о полном изменении триггера «санкции» по сравнению с 1990-ми годами (поскольку теперь санкции направлены на Россию, что подразумевает совершенно другие интерпретации, а «шумиха» направляется внутрь), то в случае с триггером «Крым» ситуация носит несколько иной характер.

Как мы уже упоминали выше, вопрос о статусе Крыма поднимался и после распада СССР. Уже тогда в медиасфере можно было найти некоторые признаки современной интерпретации триггера «Крым» в сакральном и профанном дискурсах, о которых мы поговорим дальше. Изменилась лишь цепочка исходных событий: крымчане провели референдум о присоединении к России, Россия поддержала присоединение Крыма, полуостров де-факто стал российским. Поскольку при распаде СССР крымский вопрос стоял не так остро, то и «шумиха» не стала по-настоящему массовой. В 2014-м году геополитическая ситуация привела к массовому «коммуникативному взрыву», который распространился по медиасфере в виде «шумихи».

Для начала рассмотрим основные моменты, характерные для интерпретации триггера «Крым» в сакральном дискурсе:

1. «Крым» сакрализуется, главным образом, через историю. Его легальный статус как части Украины оспаривается, а аргументом выступает кровь, пролитая русскими за этот полуостров: «Крым для России выстрадан, за эту землю проливали кровь десятки тысяч русских воинов во время многочисленных русско-турецких войн, во время Первой и Второй мировых войн прошлого столетия. Неисчислимое множество русских солдат потеряли свои жизни при обороне города-героя Севастополя, сыгравшего ключевую роль в отражении вражеских вторжений с юга. Город Севастополь, олицетворяющий русскую доблесть и величие Черноморского флота, является неоспоримым национальным символом России»[167]. То же самое подчеркивается в документальных фильмах «Крым. Путь на Родину»[168] и «Битва за Крым»[169], транслировавшихся по центральным российским каналам и вызвавших немалый ажиотаж. История стала наиболее употребляемой интерпретацией в сакральном дискурсе – 79% рассмотренных нами «сакральных» текстов содержали в себе те или иные ссылки на исторический контекст. При этом чаще всего она употреблялась умеренно – среди других аргументов, но при этом сохраняя признаки доминирующей интерпретации.
2. В сакральном дискурсе триггер «Крым» вызывает ассоциативные связи / интерпретации – территория полуострова связана со священными для русской истории местами: «Крымский полуостров – это еще и сакральная территория, на которой получает святое крещение первый христианский князь Руси Владимир Святославович»[170]. Здесь намечается прямая конфронтация с профанным дискурсом, поскольку ни пункт 1, ни пункт 2 не являются достаточным обоснованием для

[167] Сакральное значение Крыма для России: крещение, кровь и слезы // Противоход. URL: http://protiproud.parlamentnilisty.cz/ru/politics/1176.htm
[168] Крым. Путь на Родину // YouTube. URL: http://www.youtube.com/watch?v=t42-71RpRgI
[169] Битва за Крым // НТВ. URL: http://www.ntv.ru/video/806620/
[170] Сакральное значение Крыма для России: крещение, кровь и слезы // Противоход. URL: http://protiproud.parlamentnilisty.cz/ru/politics/1176.htm

передачи территории в состав России при отсутствии согласия со стороны Украины. Именно сакральность чаще всего (в 29% случаев) выступала в качестве лейтмотивов рассмотренных нами текстов. Можем предположить, что авторы текстов считают святость Крыма для России самодостаточным аргументом, не требующим дополнительной интерпретационной подпитки.

3. Сакральный дискурс через триггер «Крым» реализует конфликтные политические интерпретации: Россия ведет холодную войну (не по своей воле) с Западом, у границ России идет настоящая война, и русские люди в опасности – следовательно, их нужно защитить. Необходимостью защиты русского населения Крыма в фильме «Крым. Путь на Родину»[171] В. В. Путин обосновал появление российских военных на территории другого государства.
4. Если есть потребность в защите, следовательно, необходим образ агрессора, существующего вне сакрального дискурса и потому подлежащего уничтожению (не обязательно физическому). Сакральный дискурс интерпретирует для сетевых сообществ образ врага, обращаясь, опять же к одному из самых сакральных событий в отечественной истории: «Сегодня как никогда хлестко звучат слова писателя Юлиуса Фучика: “Люди, будьте бдительны! Фашизм не должен пройти! Боритесь с ним в самом зародыше!”[172] Сакральный дискурс политически приравнял национализм к фашизму и распространил его на всех, существующих в профанном дискурсе (реализация несогласия-вовне) – прием очевидный, но от этого не менее удачный. Фашизм – категория абсолютного зла в сакральной Великой Отечественной войне, а потому установка на его место новых общественно-политический реалий гарантирует эффект в сообществах,

[171] Крым. Путь на Родину // YouTube. URL: http://www.youtube.com/watch?v=t42-71RpRgI
[172] Туляки на митинге в защиту Крыма: «Защитили Севастополь в 1944-м, защитим и сейчас!» // Myslo. URL: http://myslo.ru/news/tula/tulyaki-na-mitinge-v-podderzhku-krima-zashchitili-sevastopol-v-44-zashchitim-i-seychas/

реализующих интерпретации в сакральном же дискурсе, а, следовательно, помогает сакральному дискурсу поддерживать себя. Опасность, исходящая от врага и вызывающая необходимость защитить население Крыма (см. предыдущий пункт) стала главным аргументов в 24% рассмотренных нами текстов. При этом как вспомогательная, «редкая» интерпретация она использовалась всего в 10% случаев. Если в тексте появляется опасность, то она (как и сакральность) своеобразно «подчиняет» себе другие интерпретации.

5. В отличие от триггера «санкции/антисанкции», «Крым» стал очевидной победой сакрального дискурса на поле массовой культуры. Конфликт породил несколько запоминающихся мемов, которые мгновенно распространились по Интернету и, следовательно, поспособствовали поддержке сакрального дискурса: «вежливые люди», «няш-мяш», «Крым наш».

Рис. 9. Интерпретация конфликта через юмористическое – несомненная удача сакрального дискурса. Источник: Livejournal.com

6. Легальность почти не выступает в качестве главной темы в рассмотренных нами текстах, однако активно используется как вспомогательная интерпретация. Это не означает, что в сакральном дискурсе ставится под сомнение законность проведенного в Крыму референдума о присоединении к России, однако слабость данного

аргумента заключается в том, что Украина согласия на проведение референдума не давала. Поэтому референдум как факт сделанного народом выбора используется лишь в совокупности с другими интерпретациями.

7. Наконец, присоединение Крыма к России рассматривается в сакральном дискурсе как очередная военная и геополитическая победа. В уже названном нами фильме «Крым. Путь на Родину» немало времени рассказывается об уникальности военной операции, проведенной на территории полуострова, к которой ни Украина, ни Европа, ни США оказались не готовы.

В профанном дискурсе интерпретация триггера «Крым» ведется иначе.

1. Основной упор делается на нелегальность (и, следовательно, нелегитимность) присоединения Крыма. Референдум не признается, поскольку не был согласован с Украиной. Кроме того, в ряде источников упоминается, что Крым не являлся независимым государством на момент присоединения к России: «Получается парадокс. Решение Крыма о независимости не может быть легитимным, так как оно не подтверждено референдумом. Вопроса о независимости НЕ БЫЛО в бюллетенях для голосования»[173]. Впрочем, разговор о нелегальности присоединения Крыма к России служит лишь для подкрепления профанного дискурса, но никак не для его распространения на «территорию» сакрального дискурса. Все дело в том, что в сакральном дискурсе правовая и политическая составляющая всегда будет находиться в подчиненном отношении к высшим идентичностям сакрального толка: убийство, например, в сакральном дискурсе – это, в первую очередь, лишение человека жизни, нарушение заповеди и т. д., а не преступление, определенное земным законом. В таких условиях аргумент о нелегальности

[173] Роковая ошибка юристов Путина – Крым не может быть присоединен к России // Правда-TV. URL: http://www.pravda-tv.ru/2014/03/28/46318

референдума и последовавших за ним событий в сакральном дискурсе столкнется с контраргументами, описанными нами выше: Крым – земля российской воинской славы, на которой проживают русские люди, нуждающиеся в защите от фашизма. Диалога дискурсов не возникнет – здесь просто нет точек соприкосновения, вокруг которых его можно было бы вести. Именно нелегальность присоединения полуострова стала «лидером» среди интерпретаций триггера «Крым» в профанном дискурсе. О нелегальности и нелегитимности как ее следствии писали авторы почти всех рассмотренных текстов (94%).

2. В профанном дискурсе излагаются экономические и политические последствия присоединения Крыма к России, причем в негативном ключе. Во-первых, присоединение Крыма привело к санкциям в отношении России и ее международной изоляции (движение от триггера к триггеру в рамках профанного дискурса, в сакральном дискурсе эта связь ослаблена). Во-вторых, присоединение Крыма оказалось весьма дорогостоящей операцией, на которую пошли бюджетные деньги: «У правительства нет источников для возврата накоплений НПФ за 2014 год, признал в среду министр финансов Антон Силуанов: «”Источников для этого нет. Никто не собирался эти деньги возвращать, потому что эти деньги пошли наКрым, на принятие антикризисных мер. Сейчас пока еще ресурс этот есть – скорее всего, пойдет на поддержку программы социально-экономического развития Крыма и Севастополя”, – заявил Силуанов»[174]. Здесь профанный дискурс апеллирует, как несложно догадаться, к профанностям – материальным ценностям. Однако материальные ценности в сакральном дискурсе вторичны, и, следовательно, точек соприкосновения дискурсов, кроме, собственно, триггера «Крым», вновь не наблюдается. Экономическая интерпретация триггера «Крым» лишь немного уступила

[174] Пенсии россиян ушли в Крым // Газета.ру. URL: http://www.gazeta.ru/business/2014/06/25/6085969.shtml

интерпретации «нелегальности» (61 использование против 63). Предположим, что экономическую интерпретацию можно считать условным лидером, поскольку санкции в отношении компаний были введены уже после референдума и присоединения Крыма к России.

3. Профанный дискурс вчистую проиграл борьбу сакральному на поле «массовой культуры». Мемы и прочие вирусные картинки, распространившиеся по Интернету, в подавляющем большинстве случаев оказались продуктом сакрального дискурса.
4. Профанный дискурс, интерпретируя триггер «Крым», в меньшей степени апеллирует к эмоциям, нежели сакральный. Даже эмоции в профанном дискурсе, как правило, выводятся логически: Крым присоединен нелегально, в Крыму располагаются российские военные, следовательно, Крым оккупирован. Собственно, оккупация Крыма – едва ли не единственная установившаяся в профанном дискурсе эмоциональная интерпретация, да и та характерна, в большей степени, для украинских СМИ и, к тому же, имеет профанную природу: «Крым сейчас, безусловно, оккупирован Россией»[175].
5. В то же время, даже внутри профанного дискурса нет единства по поводу статуса Крыма, что, безусловно, ослабляет его. Отсутствие единства обусловлено самой природой профанного дискурса, терпящего инакомыслие внутри себя: «Навальный добавил, что полуостров, который “был захвачен с вопиющим нарушением всех международных норм”, сейчас является частью РФ. Украинцам политик посоветовал не обманывать себя: “он останется частью России и больше никогда в обозримом будущем не станет частью Украины”»[176].
6. Отметим, что в профанном дискурсе количество основных интерпретаций событий в Крыму меньше, чем в профанном. Мы видим

[175] ОлегКашин // Facebook. URL: https://www.facebook.com/oleg.kashin/posts/10152317543388112
[176] Навальный заявил, что Крым наш, и признал в Путине выдающегося политического деятеля // Newsr. URL: http://www.newsru.com/russia/15oct2014/navalny.html

в этом связь с пунктом 4 – профанный дискурс логичен, а логика не подразумевает множество интерпретаций. «Профанные» тексты сосредоточены не на разнообразии системы аргументации, не на апелляции к эмоциям читателя и попыткам выведения морали на фоне нелегальности, а в большей степени на морали, соотносящейся с легальностью и даже зависящей от нее: легальное – хорошо и легитимно; нелегальное – плохо и нелегитимно.

Таким образом, при интерпретации триггера «Крым» профанный дискурс становится жертвой собственной природы, допускающей дискуссии и соотносящей события с «земными» законами. Аргументы, рождаемые в профанном дискурсе, хотя и соотнесены с нормами международного права, но не апеллируют к высшим идентичностям и не блещут разнообразием. Сакральный дискурс выхватил «Крым», повторно его актуализировал и даже вывел в пространство «массовой культуры», распространив свое влияние и на нее. И чем больше Крым будет находиться в составе России, тем более сакральный дискурс будет укреплять свою интерпретацию триггера «Крым» как единственно верную.

Соответственно будут вести себя и сетевые сообщества. Потенциал для вывода сообществ за пределы виртуальности при интерпретации триггера «Крым» еще меньше, чем в случае с триггерами «санкций» и «антисанкций». Сегодня он реализуется, по сути, в виде праздников и митингов в годовщины присоединения полуострова. Мы считаем, что такая редукция протестного потенциала происходит во многом потому, что триггер «Крым» – наиболее политизированный из рассматриваемых нами. В случае с «CharlieHebdo» имеет смысл говорить о ярко выраженном религиозном аспекте его интерпретации (при сохранении политического), в случае с «санкциями» и «антисанкциями» явно выражен экономический эффект. Присоединение же Крыма к России представляет собой значимое геополитическое событие. Все его интерпретации – даже сакральные – идут от этого факта. По сути, и сакральный, и профанный дискурсы интерпретируют ценностно-

политический триггер «Крым» через призму политической легитимности, только подходят к ней через разные цепочки ассоциаций.

В данной главе мы рассмотрели три триггера с точки зрения их внедрения, повторного внедрения и повторной актуализации в медийном дискурсе, а также с точки зрения их интерпретации в сакральном и профанном дискурсах. Мы можем сделать вывод, что сакральный и профанный дискурсы действительно не склонны к согласию между собой, вместе они способны обеспечивать лишь «со-гласие», приводящее к «шумихе». Реальные же действия совершаются в рамках какого-либо одного дискурса.

При этом борьба дискурсов между собой не приводит к полноценной победе одного из них. Каждый дискурс одерживает свои «победы» и «поражения», которые заключаются в установке определенного значения элемента в сознании индивидов и коллективном сознании сообществ.

Если профанный дискурс политичен, то сакральный стремится к расширению. Возникает парадоксальная ситуация: официально проводимая Россией политика лежит не только в сфере политического, а выходит за его рамки. Оппозиционный по отношению к сакральному профанный дискурс в таком случае ослабляется: он бьется не только с внешним, но и с внутренним несогласием.

Триггер-анализ, как нам кажется, и в дальнейшем окажется полезным при исследовании противоборствующих дискурсов, поскольку ценностные триггеры будут появляться регулярно, и борьба за их означивание между профанным и сакральным дискурсами продолжится до тех пор, пока сакральный дискурс не выйдет из российской политики. В обратную сторону это утверждение не работает: политика, по умолчанию, профанна, и ее сакрализация накладывается на профанность и не поглощает ее полностью. Можем сказать, что внутри сакрального дискурса существует собственный сакрально-профанный дискурс. В то же время, вне профанного дискурса политика существовать не может. Поэтому либо два этих дискурса

продолжат свою конфронтацию, либо профанный дискурс установится в российской политике в качестве не просто доминирующего, но единственного (во что, признаться, верится с трудом).

Наконец, отметим, что движение сетевых сообществ за пределы виртуальности и превращение их в полноценных политических акторов зависит от их размеров (малые сообщества легче организуются), а также от интерпретационного потенциала того или иного ценностно-политического триггера. Чем больше в триггере заложено сугубо политического, тем меньше вероятность реализации сценария вывода сообщества за пределы виртуальности. И напротив, если в триггере помимо политического заложен потенциал для конфликтной интерпретации, обращенной к высшим идентичностям (например, религии в сакральном дискурсе или свободе в профанном дискурсе), тем больше вероятность организации малых сетевых сообществ как политических акторов.

Стоит отметить, что вышесказанное характерно для политической ситуации, сложившейся в России после 2014 года. Нам кажется, что именно наше предположение объясняет гетерогенность российской оппозиции, а также невозможности в обозримом будущем повторения протестного движения 2011-2012 годов. Сакральный дискурс укрепился в качестве доминирующего политического дискурса современной России, что поддерживается в том числе и сетевыми сообществами. В противовес ему профанный дискурс превращается в гетерогенную массу, объединяемую лишь общими идеологическими связями.

Заключение

Сетевые сообщества представляют собой неклассические социальные общности. Собственно сетевое сообщество (а сообщества сетевых СМИ относятся к такому типу) раскрыто-в-себя: оно не может быть направлено на преобразование политической жизни, поскольку как только собственно сетевое сообщество раскроется-наружу (что мы видели во время арабской весны), оно перестанет быть собственно сетевым. Природа сетевых сообществ в политологическом аспекте исключительно коммуникативна: они авангардно выхватывают из информационного потока политические события, строят вокруг них коммуникацию – и существуют исключительно до тех пор, пока ведется коммуникативная деятельность (со-гласие в противовес грамшианскому согласию), базирующаяся на ценностях. Такие сообщества являются коллективным субъектом, в котором могут сосуществовать и даже конфликтовать разные дискурсы, целью этого субъекта не может быть разрешение конфликтов (это вывело бы его за пределы сети). Сетевые сообщества как коллективный субъект являют собой *общающееся множество* – и более ничего. Результат их деятельности нематериален и несхватываем: он являет себя в виде «шумихи» – или «коммуникативного взрыва» – постоянного обсуждения актуальных политических фактов, чья цель – укрепление установленных в ментальных моделях связей.

Вместе с выходом на уровень невиртуальной деятельности сетевое сообщество преодолевает свою сущность, переставая быть собственно сетевым сообществом и становясь полноценным политическим актором, оказывающим влияние на политическую сферу жизни общества. Наиболее приспособлены к такому выходу, как мы выяснили в нашей работе, немногочисленные сообщества, формирующиеся вокруг недоминирующих идеологий (представленных в сакральном и профанном дискурсах). Кроме того, объединяющим фактором для сетевого сообщества может служить его

географическая локальность. Подобные сообщества образуются, как правило, вокруг региональных СМИ.

В свою очередь сообщества крупных федерального уровня сетевых СМИ (например, «Ленты.ру» или «Медузы») не тяготеют к выходу на уровень невиртуальной политической деятельности. Такие сообщества объединяются «шумихой», но гетерогенность аудитории упомянутых нами СМИ не дает ее преодолеть.

Таким образом, политическая деятельность сетевых сообществ заключается в непрерывной коммуникативной генерации, базирующейся на ценностях и выраженной в виде совокупности артикуляционных практик – то есть дискурса. Сообщества выводят политику в публичную сферу с помощью дискурса, выступающего в данном случае в качестве инструмента.

Необходимо объединить различные подходы к интерпретации дискурса в рамках одного комбинированного подхода, функционирующего на микро-, мезо- и макроуровнях. Подобный подход позволяет рассматривать деятельность сетевого сообщества на всех упомянутых уровнях.

В контексте исследования ценностно-политический дискурс является одним из результатов социальных практик, оказывающий, в свою очередь, значительное влияние на них. В то же время медиадискурс, хотя и располагается на пересечении социально значимых дискурсов, сам по себе специфичен, поскольку отображает их по своим законам. Доступ к СМИ – привилегия элит, поскольку он дает возможность формировать дискурс, который будет потреблять аудитория. Потому ценностно-политический дискурс обуславливается идеологически в зависимости от ценностных систем акторов, имеющих доступ к распространению, переработке и последующему тиражированию информации.

Ценностно-политический дискурс являет собой совокупность ценностно нагруженных артикуляционных практик, возникающих и совершающихся вокруг отношений власти, доминирования и подчинения, государственной организации общества, политических институтов, норм и

принципов.

Ментальные модели мира индивида представляют собой индивидуальные дискурсы – совокупности интерпретаций политических фактов, испытывающие влияние социального и исторического контекстов. Данные совокупности можно представить в качестве сетевых структур, в которых некоторые связи не сформированы (либо слабы), а некоторые – укреплены. Обращаясь к СМИ, индивид либо ищет способ укрепить или наладить те связи, которые в его ментальной модели слабы, либо накладывает свою ментальную модель с укрепленными связями на модель, выстраиваемую журналистами, соотнося их.

Наш подход к пониманию дискурса дополняется путем разбора теории политического медиапрайминга. Главным в данной теории для нас оказался принцип со-вместной активации – при активации одного нода активируются также ноды, находящиеся рядом с ним. Этот принцип приводит нас к пониманию того, что в ментальной модели индивида, обращающегося к СМИ, активируется не один смысловой узел, а целая цепочка. В случае с ценностно-политической областью упомянутой модели имеет смысл говорить о разворачивании цепочки ценностно-политических ассоциаций.

Теория политического медиапрайминга, тем не менее, нуждается в дополнениях. В частности, в ней обнаруживается недостаток одной переменной – той, которая, активирует ценностно-политические ассоциативные цепочки. Мы назвали эту переменную «триггером» – предельно емкой лексемой, заключающей в себе оценочный потенциал. Активируя оценочные сценарии, триггеры становятся своеобразными «смысловыми крючками», за которые «цепляется» ментальная модель индивида. Конечно, у каждого индивида свой набор триггеров, зависящий от опыта, мировоззрения и т. д. Также в работе был выделен набор мета-триггеров, который будет функционировать на уровне сетевых сообществ, осуществляющих совместную интерпретационную деятельность политических фактов.

Ценностно-политический триггер представляет собой образ, через который ментальная модель обращается к ценностной системе, активируя цепочку ценностных ассоциаций (которые, в свою очередь, определяются соответствующим политическим дискурсом и, в то же время, подкрепляют его). Введение ценностно-политического триггера, безусловно, не решит всех проблем со связыванием воедино различных теорий дискурса, но станет одним из шагов на пути к этому.

В крупных сетевых сообществах сосуществуют два конфликтных по отношению друг к другу ценностно-политических дискурса. Один из них мы назвали сакральным (соответствующим национал-консервативной политической идеологии), другой – профанным (соответствующим либертарианской политической идеологии). Оба представляют собой своеобразные интерпретационные модели, в которых устанавливаются связи между означенными политическими знаками, а также означиваются элементы из области дискурсивности. Разница между ними в том, что сакральный дискурс склонен к интерпретации ценностно-политических триггеров через сакральные категории (то есть те категории, которые не закрепляются формально и, следовательно, формально неизмеримы: душа, лидер, испытание, традиция, святость и т. д.), в то время как профанный дискурс оперирует категориями, которые закреплены формально (закон, эффективность/неэффективность, деньги, менеджмент и т. д.). Не стоит думать, что в сакральном дискурсе невозможны профанные интерпретации политического и наоборот. Интерпретация в рамках сакрального и профанного помогает нам понять лишь то, какие связи будут активированы в первую очередь, а последующая интерпретация каждого случая должна вестись на предметном уровне.

Конфликт между сакральным и профанным принципиально нерешаем. При этом важно понимать, что принципиальная нерешаемость ценностного конфликта подобного рода устанавливается только при рассмотрении соответствующих дискурсов «здесь и сейчас». Сакральное не берется из

ниоткуда, поначалу оно также лежит в области дискурсивности – неозначенное и потому непонятное. А формирование устойчивого дискурса, в свою очередь, – протяженный во времени процесс. То же самое касается и его падения. Принципиальная нерешаемость ценностно-политических конфликтов в современном российском обществе вытекает из принципиальной несовместимости дискурсов, в которых они протекают. А ценностно-политические конфликты могут быть решаемы в том случае, если они протекают в рамках одного дискурса.

В подобных условиях СМИ становятся ретрансляторами ценностно-политических триггеров. Убеждающий потенциал СМИ проявляет себя только в тех случаях, когда связи между различными нодами в ментальной модели индивида не крепки. Чем крепче установленные связи в ментальной модели индивида, тем больше вероятность несогласия с интерпретацией триггера в СМИ, если она не соответствует необходимому дискурсу. Говоря проще, чем крепче связь, тем больше вероятность, что индивид обвинит журналиста и не прислушается к его аргументам, если интерпретация триггера не будет соответствовать его собственной. Иными словами, потенциал СМИ заложен в убеждении, а не переубеждении.

Практическая значимость работы заключается в следующем:

1. Выведена переменная, которая может использоваться в политической науке – ценностно-политический триггер, а также разработан метод исследования, дополняющий ценностный анализ – триггер-анализ. С помощью триггер-анализа можно отследить как ценностные колебания определенной группы людей относительно другой группы/личности/события, так и отношение пользователей к какой-либо политической идеологии, партии, общественно-политическому движению. Кроме того, триггер-анализ может применяться при анализе агитационных и пропагандистских техник и прочих идеологически насыщенных актов.

2. В работе описан механизм возникновения «шумихи» как формы существования сетевого сообщества. С помощью анализа механизма

возникновения и развития «шумихи» показано, каким образом сетевое сообщество выходит в оффлайн и переходит к действиям за пределами виртуальности, становясь политическим актором. Данный анализ может применяться в политологических и социологических исследованиях, направленных на изучение критических состояний толпы (например, на митингах), а также для профилактики негативных последствий, к которым может привести выход сообществ оффлайн (беспорядки и т. п.) – в случае увеличения агрессивных интерпретаций определенных триггеров можно запустить кампанию, направленную на снижение уровня агрессии.

3. Триггер-анализ, выполненный в третьей главе диссертации, показал принципиальную несовместимость профанного и сакрального дискурсов, которые всегда будут конфликтны по отношению друг к другу. В то же время, черты сакрального порой бывают уместны и в профанном дискурсе, что может позволить политтехнологам и журналистам грамотно распределять соответствующие триггеры в рамках одного дискурса.

4. Также в третьей главе данного исследования оценены сакральный и профанный дискурсы, выделены их сильные и слабые черты при интерпретации некоторых триггеров. Этот анализ может быть использован журналистами, которые работают в СМИ, тяготеющем к определенному дискурсу. Акцентируя внимание аудитории на сильных чертах дискурса и стараясь избегать его слабых черт, журналист сможет создавать в рамках выбранного дискурса такую политическую картину, которая укрепит определенные связи в ментальной модели индивида и сообщества СМИ в целом.

Данная работа открывает перспективы для проведения дальнейших исследований в различных областях науки. В частности, неразрешаемые противоречия между сакральным и профанным ценностно-политическими дискурсами могут использоваться при изучении коммуникативных агрессий. Сценарии со-интерпретации триггеров в сообществах могут изучаться в электоральной социологии. Наконец, в политической науке открываются

перспективы для изучения состояния и изменения ценностно-политических дискурсов как в России, так и в остальном мире, а также их влияния на отношения власти и подчинения.

Список литературы

Электронные источники

1. *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) / Л. Альтюссер [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. –2011. –№3 (77). – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html
2. Америка потеряла Россию [Электронный ресурс] // Новости (новостная лента). –2014. – 29 декабря. – Режим доступа: https://vk.com/wall-50645448_14504
3. Американский генерал: «Путин –самый уважаемый мировой лидер» [Электронный ресурс]// РИА «Новости». – 2015. – 9 июня. – Режим доступа: http://ria.ru/world/20150609/1068956622.html
4. «Антисанкции» мгновенного действия [Электронный ресурс] // Росбалт. – 2014. – 7 августа. – Режим доступа: http://www.rosbalt.ru/main/2014/08/07/1301427.html
5. Антисанкции: назло и вопреки [Электронный ресурс] // КоммерсантЪ. – 2015. –17 августа. –Режим доступа: http://www.kommersant.ru/doc/2785881
6. Без шансов [Электронный ресурс] // Колта. – 2014. – 5 мая. – Режим доступа: http://www.colta.ru/articles/music_modern/3091
7. Битва за Крым [Электронный ресурс] // НТВ. –2014. –7 июня –Режим доступа: http://www.ntv.ru/video/806620/
8. В России появились новые шоп-туры – по продуктовым магазинам Европы [Электронный ресурс] // Сургутинформтв. – 2014. – 28 августа. – Режим доступа: http://sitv.ru/arhiv/news/russia/71028/
9. В среднесрочной перспективе рубль будет падать [Электронный ресурс] // КоммерсантЪ. – 2015. – 10 авпреля. – Режим доступа: http://www.kommersant.ru/doc/2707237
10. Видеозапись из «Магнита» показала не «кражу», а «причинение смерти» [Электронный ресурс]// Фонтанка.ру. – 2015. – 5 февраля. – Режим

доступа: http://www.fontanka.ru/2015/02/05/106/

11. *Власов В.* «Какие же все-таки дебилы эти чиновники!!!» [Электронный ресурс] // Вконтакте. – 2015. – 8 августа. – Режим доступа: https://vk.com/wall209393352_2238

12. Дворкович назвал глупостью санкции против России [Электронный ресурс] // Газета.ру. – 2015. – 4 сентября. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/business/news/2015/09/04/n_7553363.shtml

13. *Демьянков В. З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии [Электронный ресурс]// Когнитивные аспекты лексикографии. – 2002. – Режим доступа: http://www.infolex.ru/PolDis.html

14. Дошарлились [Электронный ресурс]// Южный Урал. –2015. –21 января. – Режим доступа: https://vk.com/wall34160226?offset=80&w=wall34160226_1325

15. Евровидение завершилось по-соседски [Электронный ресурс] // Новости Mail.ru. –2011. –16 мая. – Режим доступа: https://news.mail.ru/society/5900776/

16. Европа подсчитывает убытки от антироссийских санкций [Электронный ресурс] // Суть событий. – 2015. – 18 января. –Режим доступа: http://argumentiru.com/world/2014/08/358078

17. Евросоюз заработал 5 млрд евро на российских антисанкциях [Электронный ресурс] // Новый день. –2015. –10 августа. – Режим доступа: http://newdaynews.ru/economy/540189.html

18. Жестокая легкость правосудия [Электронный ресурс] // Новая газета. – 2015. – 28 августа. – Режим доступа: http://www.novayagazeta.ru/society/69708.html

19. Жизнь под санкциями. Как это было в Югославии [Электронный ресурс]// Афиша. Воздух. – 2014. – 29 октября. – Режим доступа: http://vozduh.afisha.ru/art/zhizn-pod-sankciyami-kak-eto-bylo-v-yugoslavii/

20. Журнал CharlieHebdo за час до нападения опубликовал карикатуру на лидера ИГ [Электронный ресурс] // Взгляд. –2015. –7 января. –Режим

доступа: http://vz.ru/news/2015/1/7/723461.html

21. Западные СМИ о российских «антисанкциях»: москвичи вытирают ноги о флаг США [Электронный ресурс] // Вести. –2014. –25 декабря. –Режим доступа: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2227234

22. История Крыма [Электронный ресурс] // Дилетант. – 2014. – 5 апреля. – Режим доступа: http://diletant.ru/articles/20424496/

23. Как в Реймсе проходила операция по задержанию террористов , расстрелявшихCharlieHebdo [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. – 2015. – 7 января. – Режим доступа: http://www.mk.ru/politics/2015/01/07/islamisty-ig-rasstrelyali-10-chelovek-v-ofise-francuzskogo-zhurnala-sharli-ebdo.html

24. *Кашин О.* Вот даже скорее для себя [Электронный ресурс] // Facebook. – 2014. – 7 марта. – Режим доступа: https://www.facebook.com/oleg.kashin/posts/10152317543388112

25. Китайские мечты Кремля могут растаять как дым [Электронный ресурс]// Эхо России. – 2015. – 6 сентября. – Режим доступа: http://ehorussia.com/new/node/11447

26. Кончита ля комедия [Электронный ресурс] // Российская газета. –2014. – 12 мая. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2014/05/11/evrovideniye-site.html

27. *Кронгауз М. А.* Мем в русскоязычном Интернете: опыт деконструкции // Русский язык и новые технологии / Сост. Г. Ч. Гусейнов, под ред. М. В. Ахметовой, В. И. Беликова. М., 2014. –Режим доступа: http://www.nlobooks.ru/node/5140

28. Крым – священная земля для России [Электронный ресурс] // Русская весна. – 2015. – 21 августа. – Режим доступа: http://rusvesna.su/news/1440107493

29. Крым. Путь на Родину [Электронный ресурс] // YouTube. – 2015. – 15 марта. – Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=t42-71RpRgI

30. Курс рубля – дело в политике, а не в экономике [Электронный ресурс] //

BBC. Русская служба. –2015. –15 августа. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/russia/2015/08/150820_5floor_rouble_trouble

28. Медведев и Путин рассказали о любимой музыке [Электронный ресурс] // Единая Россия. Официальный сайт партии. –2011. –25 ноября. – Режим доступа: http://er.ru/news/67320/

31. Медведев: никакие санкции России не страшны [Электронный ресурс] // Вести.ру. – 2014. – 12 августа. – Режим доступа: http://www.vesti.ru/doc.html?id=1886676

32. Медведев признал, что аннексия Крыма нанесла России ущерба на 25 миллиардов евро [Электронный ресурс] // Крым.Реалии. – 2015. – 21 апреля. – Режим доступа: http://ru.krymr.com/content/news/26969709.html

33.Мы все равно смеемся [Электронный ресурс] // Медуза. – 2015. – 8 января. – Режим доступа: https://meduza.io/feature/2015/01/08/karandash-protiv-kalasha

34. «Мы могли сохранить хренову тонну денег». Алексей Навальный – о том, кто и сколько украл на олимпийской стройке [Электронный ресурс]// Спорт сегодня. – 2015. – 7 марта. – Режим доступа: http://www.sports.ru/tribuna/blogs/dud/557702.html

35. Навальный заявил, что Крым наш, и признал в Путине выдающегося политического деятеля [Электронный ресурс]// Newsru. –2014. –15 октября. – Режим доступа: http://www.newsru.com/russia/15oct2014/navalny.html

36. Нетрудно заметить, что в эпоху социальных сетей каждая крупная трагедия разделяет общество на две группы: сочувствующие и злорадствующие. [Электронный ресурс] // Лентач. – 2016. –26 декабря. – Режим доступа: https://vk.com/wall-29534144_5207920

37. Неуместная шутка: Charlie Hebdo выбрал для карикатур жертв малайзийского "Боинга" [Электронный ресурс] // Вести.ру. – 2015. – 14 августа. – Режим доступа: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2652596

38. Олланд назвал нападение на CharlieHebdo терактом [Электронный

ресурс] // Lenta.ru. –2015. – 7 января. – Режим доступа: http://lenta.ru/news/2015/01/07/hollande/

39. Откуда пришли братья Куаши? [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2015. – 12 января. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2015/01/12/paris.html
40. Пенсии россиян ушли в Крым [Электронный ресурс] // Газета.ру. – 2014. – 25 июня. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/business/2014/06/25/6085969.shtml
41. Петербургское «Яблоко» раскололи декабрьские выборы [Электронный ресурс] // Коммерсант. – 2012. – 16 марта. – Режим доступа: http://www.kommersant.ru/doc/1892952
42. Полгода назад Россия ввела антисанкции. К чему они привели? [Электронный ресурс] // Слон.ру. – 2015. – 5 февраля. – Режим доступа: http://slon.ru/biz/1212272/
43. Правы все, кроме убийц [Электронный ресурс] // Газета.ру. – 2015. – 10 января. –Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/column/bovt/6371029.shtml
44. Праздник к нам приходит, а у нас всё по-старому. [Электронный ресурс] // Лентач. –2016. –26 декабря. –Режим доступа: https://vk.com/wall-29534144_5207341
45. Путин призвал готовиться к худшему: санкции против России ужесточатся [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. – 2015. – 3 июля. – Режим доступа: http://www.mk.ru/politics/2015/07/03/putin-prizval-gotovitsya-k-khudshemu-sankcii-protiv-rossii-uzhestochatsya.html
46. Путин противопоставил традиционные ценности «хаотической тьме» [Электронный ресурс] // Лента.ру. – 2012. – 12 декабря. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2013/12/12/tradition/
47. «Путин самолично решений не принимает. Он – менеджер» [Электронный ресурс] // Новости Украины. – 2014. – 4 августа. – Режим доступа: http://from-ua.com/news/317406-mnenie-putin-samolichno-reshenii-

ne-prinimaet-on-menedzher.html

48. Путин поддержал ужесточение наказания за жестокое обращение с животными [Электронный ресурс] // Лента.ру. – 2016. – 7 ноября. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2016/11/07/save_animals/

49. Роковая ошибка юристов Путина – Крым не может быть присоединен к России [Электронный ресурс] // Правда-TV. – 2014. – 28 марта. – Режим доступа: http://www.pravda-tv.ru/2014/03/28/46318

50. Российские антисанкции стали катастрофой для европейских стран [Электронный ресурс] // Вести.ру. –2014. –17 августа. – Режим доступа: http://www.vesti.ru/doc.html?id=1899541

51. Российские лингвисты выбрали «словом года» выражение «Крымнаш» [Электронный ресурс] // Flarus. – 2014. – 25 декабря. – Режим доступа: http://news.flarus.ru/?topic=4513

52. Сакральное значение Крыма для России: крещение, кровь и слезы [Электронный ресурс] // Противоход. –2015. –18 марта. –Режим доступа: http://protiproud.parlamentnilisty.cz/ru/politics/1176.htm

53. Санкции помогут России вытеснить США с зернового рынка? [Электронный ресурс] // Национальная служба новостей. – 2015. – 6 сентября. – Режим доступа: http://nsn.fm/economy/sanktsii-pomogut-rossii-vytesnit-ssha-s-zernovogo-rynka.php

54. Сколько стоит активный пользователь? [Электронный ресурс] // Хабрахабр. –2013. –2 апреля. – Режим доступа: https://habrahabr.ru/company/mbt/blog/175081/

55. Скульптор из Хабаровска начала работу над памятником убитым живодерками животным [Электронный ресурс] // TJournal. – 2016. –23 ноября. – Режим доступа: https://tjournal.ru/37601-skulptor-iz-habarovska-nachala-rabotu-nad-pamyatnikom-ubitim-zhivodyorkami-zhivotnim

56. Смерть за пачку масла [Электронный ресурс] // Фонтанка.ру. – 2015. – 4 февраля. – Режим доступа: http://www.fontanka.ru/2015/02/04/171/

57. Совбез ООН ввел санкции против Ирана. Россия поддержала

[Электронный ресурс] // Newsru. – 2006. – 23 декабря. – Режим доступа: http://www.newsru.com/world/23dec2006/sank.html

58. «Сыр Путина» стал словом года в Финляндии [Электронный ресурс] // НТВ.ру. – 2014. – 28 ноября. – Режим доступа: http://www.ntv.ru/novosti/1268404/

59. Трудности нас закаляют [Электронный ресурс] // Тарское Прииртишье. – 2015. – 14 мая. – Режим доступа: http://www.tp-tara.ru/item.asp?id=7960

60. Туляки на митинге в защиту Крыма: «Защитили Севастополь в 1944-м, защитим и сейчас!» [Электронный ресурс] // Myslo. – 2014. – 15 марта. – Режим доступа: http://myslo.ru/news/tula/tulyaki-na-mitinge-v-podderzhku-krima-zashchitili-sevastopol-v-44-zashchitim-i-seychas/

61. Хабаровские живодерки встретят Новый год под арестом [Электронный ресурс] // Вести. – 2016. – 11 ноября. – Режим доступа: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2820368

62. Хабаровским живодеркам вменили разбой, оскорбление религиозных чувств и возбуждение ненависти [Электронный ресурс] // TJournal. – 2016. – 11 ноября. – Режим доступа: https://tjournal.ru/37055-habarovskim-zhivodyorkam-vmenili-razboi-oskorblenie-religioznih-chuvstv-i-vozbuzhdenie-nenavisti

63. Ценности не писаны [Электронный ресурс] // Газета.ру. – 2015. – 26 января. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2015/01/26_e_6387881.shtml

64. Atlantico: Уже через год санкции станут для России не страшны [Электронный ресурс] // RussiaToday. – 2015. – 4 мая. – Режим доступа: http://russian.rt.com/inotv/2015-05-04/Atlantico-Uzhe-cherez-god-sankcii

Книги

1. *Адорно Т.* Негативная диалектика / Т. Адорно ; пер. с нем. Е. Л. Петренко. – М.: АСТ, 2013. – 512 с.

2. *Александер Д.* Смыслы социальной жизни: культурсоциология / Д. Александер ; пер. с англ. Г. К. Ольховикова. – М.: Праксис, 2013. – 640 с.
3. *Анненкова И. В.* Медиадискурс XXI века: лингвофилософский аспект языка СМИ. / И. В. Анненкова. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 2011.– 392 с.
4. *Бабаева Е.* В. Дискурсивное измерение ценностей / Е. В. Бабаева. – Волжский: ГОУВПО «МЭИ (ТУ)» в г. Волжском, 2003. – 101 с.
5. *Баранов А. Н.* Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Г. А. Сатарова, Е. А. Шипова. – М.: Фонд ИНДЕМ, 2004. – 94 с.
6. *Барт Р.* Мифологии / Р. Барт; пер. с фр., вст. ст и комм. С. Н. Зенкина – М.: Академический проект, 2014. – 352 с.
7. *Барт Р.*S/Z / Р. Барт; пер. с фр. Г. К. Косикова и В. П. Мурат. – М.: Академический проект, 2009. – 384 с.
8. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист; пер. с фр. Ю. Н. Караулова, В. П. Мурат, И. В. Барышевой, И. Н. Мельниковой. – М: Прогресс, 1974. – 446 с.
9. *Бурдье П.* Социология социального пространства / П. Бурдье; пер. с фр. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2014. – 288 с.
10. *Ван Дейк Т.* Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. Ван Дейк; пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Аматова. – М. : ЛИБРОКОМ, 2013.– 344 с.
11. *Ван Дейк Т.* Язык. Познание. Коммуникация / Т. Ван Дейк; пер. с англ. М. А. Дмитровской, С. Н. Сухомлиновой, С. А. Ромашка, С. Ю. Медведевой, Г. Е. Крейдлин, В. С. Оптовой, О. А. Гульги. – СПб.: Ленанд, 2015. – 320 с.
12. *Вебер М.* Избранные произведения / М. Вебер; пер. с нем. М. И. Левиной, А. Ф. Филиппова, П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
13. *Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / П. Вирно; пер. с ит. А. Петровой. – М.: Ад Маргинем, 2013. – 176 с.

14. *Гнатюк О. Л.* Основы теории коммуникации / О. Л. Гнатюк. – М.: КноРус, 2013.– 256 с.
15. *Грамши А.* Избранные произведения в трех томах. Том третий. Тюремные тетради / А. Грамши; пер. с ит. Н. С. Бондарчука, Э. Я. Егермана, И. Б. Левина. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1959. – 569 с.
16. *Гулыга А. В.* Эстетика в свете аксиологии / А. В. Гулыга. – СПб.: Алетейя, 2000. – 447 с.
17. *Дебор Г.* Общество спектакля / Г. Дебор; пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. – М.: Опустошитель, 2014. – 232 с.
18. *Дементьев В. В*. Коммуникативные ценности русской культуры: категории персональности в лексике и прагматике / В. В. Дементьев. – М.: Глобал Ком, 2013. – 336 с.
19. *Дери М.* Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков / М. Дери. – М.: АСТ, 2008. – 480 с.
20. *Деррида Ж.* Позиции / Ж. Деррида; пер. с фр. В. В. Бибихина. – М.: Академический проект, 2007. – 170 с.
21. *Докучаев И. И.* Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры / И. И. Докучаев. –СПб.: Наука, 2009. 600 с.
22. *Дюркгейм Э.* Социология / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 2006. – 352 с.
23. Журналистика в мире политики / С. Г. Корконосенко [и др.]; под ред. С. Г. Корконосенко. – СПб.: Издательство Михайлова В. А., 2004. – 448 с.
24. Журналистика. Общество. Ценности / В. А. Сидоров [и др.]; под ред. В. А. Сидорова. – СПб.: Петрополис, 2012. – 448 с.
25. *Забияко А. П.* Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] / А. П. Забияко. – М.: Мысль, 2001. –Режим доступа: http://iph.ras.ru/elib/2625.html
26. *Ильин В. В.* Аксиология / В. В. Ильин. – М.: Издательство МГУ, 2005. – 189 с.
27. *Йоргенсен М. В., Филипс Л.* Дискурс-анализ. Теория и метод /

М. В. Йоргенсен, Л. Филипс; пер. и научная редакция А. А. Киселевой. – Харьков: Гуманитарный центр, 2008. – 351 с.

28. *Канетти Э.* Масса и власть / Э. Канетти; пер. с нем. и предисловие Л. Ионина. – М.: АСТ, 2013. – 576 с.
29. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
30. *Кин Д.* Демократия и декаданс медиа / Д. Кин; пер. с англ. Д. Кралечкина. – М.: Издательство ВШЭ, 2015. – 312 с.
31. *Клюев Ю. В.* Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия / Ю. В. Клюев. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2010. –260 с.
32. *Корконосенко С. Г.* Основы журналистики / С. Г. Корконосенко. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 287 с.
33. *Крюков В. В.* Основные концепции теории ценностей: учебное пособие / В. В. Крюков, М. П. Данилкова. – Новосибирск: Из-во НГТУ, 2003. – 248 с.
34. *Лотман Ю. М.* Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
35. *Луман Н.* Реальность массмедиа / Н. Луман; пер. с нем. А. В. Антоновского. – М.: Канон, 2012. – 240 с.
36. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман; пер. с нем. И. Д. Газиева. – СПб.: Наука, 2007. – 648 с.
37. *Луман Н.* Общество общества. Том 1 / Н. Луман; пер. с нем. О. Никифорова и А. Антоновского. – М.: Логос, 2011 г. – 640 с.
38. *Луман Н.* Общество общества. Том 2 / Н. Луман; пер. с нем. О. Никифорова и А. Антоновского. – М.: Логос, 2011 г. – 672 с.
39. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
40. *Маркузе Г.* Критическая теория общества / Г. Маркузе; пер. с англ. А. А. Юдина. – М.: АСТ, 2011. – 384 с.

41. Медиа: между магией и технологией / Н. Сосна [и др.]; ред.. Н. Сосна и К. Федорова. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. – 330 с.
42. Медиа накануне постсекулярного мира /В. А. Сидоров [и др.]; под ред. В. А. Сидорова. – СПб.: Петрополис, 2014. – 176 с.
43. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон; пер. с англ. Е. Н. Егоровой, З. В. Кагановой, В. Т. Николаева, Е. Р. Черемессиновой. – М.: АСТ, 2006. – 880 с.
44. Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Э. Дюркгейм [и др.];под ред. А. Н. Красникова. – М.: Канон, 1998. – 432 с.
45. *Могилевич Б.Р.* Социально-политический дискурс языка в контексте межкультурной коммуникации / Б.Р. Могилевич. –Саратов: Научная книга, 2007. –160 с.
46.*Мосс М.* Социальные функции священного[Электронный ресурс] / М. Мосс. – СПб: Евразия, 2000. – Режим доступа: http://www.fedy-diary.ru/html/112010/07112010-09a.html
47. *Нанси Ж.-Л.* Непроизводимое сообщество / Ж.-Л. Нанси; пер., сост., общ. ред. и вст. ст. Ж. Горбылевой. – М.: Водолей, 2011. 208 с.
48. *Нейсбит Д.* Высокая технология, глубокая гуманность. Технологии и наши поиски смысла / Д. Нейсбит, Н. Нейсбит, Д. Филипс.; пер. с англ. А. Анвайер – М.: АСТ, 2005. – 384 с.
49. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет; пер. с исп. С. Л. Воробьева, А. М. Гелескул, Б. В. Дубина, А. Б. Матвеева. – М.: АСТ, 2008. – 352 с.
50. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке / Т. Пикетти; пер. с фр. А. Дунаева. – М.: Ад Маргинем, 2008. – 592 с.
51. *Поттер Д.* Дискурсивная психология / Д. Поттер. –М.: МАКС-Пресс, 2004. – 211 с.
52. *Петровская Е.* Безымянные сообщества / Е. Петровская. – М.: Фаланстер, 2012. – 392 с.

53. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций / П. Рикер; пер. с фр., вст. ст. и комм. И. С. Вдовиной. – М.: Академический проект, 2008. – 704 с.
54. *Сибрук Д.* Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры / Д. Сибрук; пер. с англ. В. Козлова. – М.: Ад Маргинем, 2013. – 304 с.
55. *Сидоров В. А., Ильченко С. С., Нигматуллина К. Р.* Аксиология журналистики. Опыт становления новой дисциплины / В. А. Сидоров., С. С. Ильченко, К. Р. Нигматуллина. – СПб.: Роза мира, 2009. – 174 с.
56. *Сидоров В.* А. Аксиология журналистики: учебное пособие / В. А. Сидоров. – СПб.: ИД «Петрополис», 2016. – 204 с.
57. *Сидоров В. А.* Политическая культура журналиста / В. А. Сидоров. – СПб: Петрополис, 2010. – 240 с.
58. Современный российский медиаполис: монография / под ред. С. Г. Корконосенко. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2012. – 322 с.
59. *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин. – М.: АСТ, 2006. – 1176 с.
60. Теории журналистики в России: зарождение и развитие / Под ред. С. Г. Корконосенко.– СПб.: Издательство СпбГУ, 214. – 272 с.
61. *Томпсон С., Брайант Д.* Основы воздействия СМИ / С. Томпсон, Д. Брайант; пер. с англ. В. В. Кулебы и Я. А. Лебеденка. – М.: Вильяме, 2004. – 426 с.
62. *Тоффлер Э.* Третья волна / Э. Тоффлер; пер. с англ. С. Барабанова, К. Бурмистрова, Л. Бурмистровой, З. Заритовской, Е. Комаровой, Н. Кротовской, В. Кулагиной-Ярцевой, А. Микиша, И. Москвиной-Тархановой, Е. Рудневой, К. Татариновой, Н. Хмелик. – М.: АСТ, 2009. – 800 с.
63. *Тоффлер Э.* Шок будущего / Э. Тоффлер, П. Гуревич; пер. с англ. А. Мирер, К. Бурмистрова, Л. Бурмистровой, Е. Комаровой, Н. Кротовской, В. Кулагиной-Ярцевой, А. Микиша, И. Москвиной-Тархановой, Е. Рудневой, Н. Хмелик. – М.: АСТ, 2008. – 557 с.

64. *Фрэзер Д.* Золотая ветвь / Д. Фрэзер; пер. с англ. М. Рыклина. – М.: Изд-во политической литературы, 1983. – 704 с.
65. Ценностный дискурс в науках и теологии / отв. ред. И. Т. Касавин. – М.: ИФРАН, 2009. – 351 с.
66. *Хабермас Ю.* Ах, Европа : Небольшие политическтие сочинения, XI / пер. с нем. Б. М. Скуратова. – М.: Изд-во «Весь мир», 2012. – 160 с.
67. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас; пер. с нем. Ю. С. Медведева. – СПб.: Наука, 2008. – 424 с.
68. *Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма / Ю. Хабермас; пер с нем Л. В. Воропай. – М.: Праксис, 2010. – 272 с.
69. *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология» / Ю. Хабермас; пер. с нем. Л. В. Хорькова. – М.: Праксис, 2007. – 208 с.
70. *Элиаде М.* Священное и мирское / М. Элиаде; пер. с рум. Н. К. Гарбовского. – М.: Из-во МГУ, 1994. – 314 с.
71. *Элиаде М.* Словарь религий, обрядов и верований / М. Элиаде, И. Кулиано; пер. с рум. Н. Зубкова, Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. – М.: Академический проект, 2014. – 384 с.
72. *Ясперс К.* Духовная ситуация времени / К. Ясперс. – М.: АСТ, 2013. – 288 с.
73. *Alger D. E.* The Media and Politics / D. E. Alger. – New Jersey: Prentice Hall, 1989. – 211 P.
74. *Bandura A.* Principes of Behaviour Modification / A. Bandura. –Toronto: Rinehart and Winston, 1985. – 677 p.
75. *Berardi F.* Precarious Rhapsody. Semiocapitalism and the Pathologies of the Post-Alpha Generation / F. Berardi. – London: Routledge, 2007. – 212 p.
76. *Billing M.*Arguing and Thinking: a Rhetorical Approach to Social Psychology. / M. Billing. – Cambridge, 1996. 302 p.
77. *Fairclough N.* Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research / N. Fairclough. – London: Routledge, 2003. – 270 p.
78. *Fairclough N.* Language and Power (Second Edition) / N. Fairclough. –

London: Routledge, 2013. – 226 p.
79. *Foucalt M.* Fearless speech / M. Foucalt. – Los Angeles: Mit Press, 2001. – 183 p.
80. *Laclau E.* New Reflections on the Revolution of our Time / E. Laclau. – New York: Chapman & Hall, 1990. – 263 p.
81. *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and the Socialist Strategy. / E. Laclau, C. Mouffe. – New York: Chapman & Hall, 1985. – 413 p.
82. *Van Dijk T.* Discourse as Social Interaction / T. Van Dijk. – New York: Sage, 1997. – 336 p.
83. *Van Dijk T.* Discourse as Structure and Process / T. Van Dijk. – New York: Sage, 1997. – 368 p.
84. *Van Dijk T.* Ideology: a Multydisciplinary Approach/ T. Van Dijk. – New York: Sage, 1998. – 384 p.

Авторефераты диссертаций

1. *Бочарова Э. А*. Политический дискурс как средство манипуляции сознанием: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук (10.02.19) / Бочарова Эмилия Александровна; БГНИУ. – Белгород, 2013.
2. *Данилкова М. П.* Концепция теории ценностей с позиций диалектической методологии: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук (09.00.11) / Данилкова Марина Петровна; НГТУ. – Новосибирск, 2008.
3. *Коновалова Н. И.* Сакральный текст как лингвокультурный феномен: автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук (10.02.01) / Коновалова Надежда Ильинична; УрГПУ. – Екатеринбург, 2007.
4. *Лекторова Ю. Ю.* Политические коммуникации в сетевом ландшафте: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук (23.00.02) / Лекторова Юлия Юрьевна; ПГНИУ. – Пермь, 2011.
5. *Никлаус А. А.* Социокультурные ценностные основания как регулятивный компонент трансформации политического процесса постсоветской России: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук (23.00.02);

МГУПС. – М., 2013.

6. *Цыгуля Н. П.* Феномен сакрального в контексте социального бытия: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук (09.00.11) / Цыгуля Наталия Петровна; ЧувГУ. – Чебоксары, 2010.
7. *Яхина А. П.*Виртуальные сообщества в современной культуре в контексте утопического дискурса: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук (24.00.01) / Яхина Алиса Павловна; ЮФУ. – Ростов-на-Дону, 2011.

Статьи

1. *Акопова Д. Р.* Стратегии и тактики политического дискурса / Д. Р. Акопова // Вестник нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 6-1 – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/strategii-i-taktiki-politicheskogo-diskursa
2. *Базылев В. Н.* Политический дискурс в России/ В. Н. Базылев // Политическая лингвистика. – 2005. – № 13 – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-diskurs-v-rossii
3. *Безценная Ж. П.* Роль метафоры в политическом дискурсе / Ж. П. Безценная // Вестник Харьковского национально-дорожного университета. – 2007. – № 36 – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/rol-metafory-v-politicheskom-diskurse
4. *Вежбицкая А.* Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах / А. Вежбицкая // Thesis. – 1993 . – №3. – С. 192-199.
5. *Демьянков В. З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии. / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – 2002. – № 3. – С. 32-43.
6. *Дунас Д.В.* Бинарная оппозиция «душа – тело» и антропологическая дифференциация СМИ / Д. В. Дунас // Медиаскоп. – М. – 2010. – № 4. – Режим доступа: http://www.mediascope.ru/node/695

7. *Ильин А. Н.* От гиперинформационности к информационному потребительству / А. Н. Ильин // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 6 – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/6/Ilyin_Hyperinformationality-Information-Consumerism/index.php?sphrase_id=193289
8. *Керн Л. А.* Сакральный символизм христианской (православной) культуры / Л. А. Керн // Вестник Нижневартовского государственного университета. – 2010. – № 2. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/sakralnyy-simvolizm-hristianskoy-pravoslavnoy-kultury
9. *Краснова Т. И.* Анализ политического дискурса: подходы и категории/ Т. И. Краснова // Политическая лингвистика. – 2013. – № 2 – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-politicheskogo-diskursa-podhody-i-kategorii
10. *Миронова Н.К.* Религиозный дискурс, религиозный социолект и религиозный стиль – к проблеме определения понятия [Электронный ресурс] / Н. К. Миронова // Медиаскоп. – М. – 2011. – № 1.– Режим доступа: http://www.mediascope.ru/node/756
11. *Мищук О. Н.* Речевое воздействие в политическом дискурсе. / О. Н. Мищук // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/rechevoe-vozdeystvie-v-politicheskom-diskurse
12. *Перельгут Н. М.* О структуре понятия «политический дискурс» [Электронный ресурс] / Н. М. Перельгут // Вестник Нижневартовского государственного университета. – 2013. – №2. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-ponyatiya-politicheskiy-diskurs
13. *Тибинько Н. Д.* Манипуляция в политическом дискурсе / Н. Д. Тибинько // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 3 – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-v-politicheskom-diskurse-1
14. *Троцук И.* Дискурсивное конструирование социальной реальности:

концептуальные основания и эмпирические приемы разоблачения «скверных» практик / И. Троцук // Социологическое обозрение. – 2014. – Т. 13, № 2. – С. 206 – 244.

15. *Филиппова В. А.* Твиттер как инструмент формирования политической повестки дня в России 2010–2013 годов: зарождение Интернет-элиты / В. А. Филиппова // Вестник СПбГУ. Серия 9: филология, востоковедение, журналистика. – 2014. – № 4. – С. 182–195.
16. *Ширков Ю. Э.* Социальное переживание социальных проблем в общественном дискурсе [Электронный ресурс] / Ю. Э. Шарков // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – №6 – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/6/Shirkov_The-Social-Feeling/index.php?sphrase_id=193289
17. *Bargh J., Ferguson M.* Beyond behaviorism: On the automaticity of higher mental processes/ J. Bargh, M. Ferguson // Psychological Bulletin. – 2000. – №126. – P. 925-945.
18. *Dawson M., Medler D.* Dictionary of Cognitive Science [Electronic Source] / M. Dawson, D. Medler. – Edmonton, 2005. – Режимдоступа: http://www.bcp.psych.ualberta.ca/~mike/Pearl_Street/Dictionary/contents/P/priming.html
19. *Scheufele S. Tewksbury D.* Framing, Agenda Setting, and Priming: The Evolution of Three Media Effects Models / S. Scheufele, D. Tewksbury // Journal of Communication. – 2007. – №57. – P: 9-20.